

СИМБИРСКЪ

№2 (56)
ФЕВРАЛЬ
2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

«Это и есть Россия...».....	3
Литературное наследие	
Лариса Брюхович. Наследие русского поэта А. Коринфского в фондах Дворца книги.....	4-9
С любовью ко всему родному	
Валентина Костягина. Служение музам.....	10-13
Ко дню памяти Матвея Шарымова.....	14-15
Петр Мельников. Десять дней в селе Прислониха. Рассказ.....	16-17
«Полслова сказать, приоткрыть свою душу...». Вечер-концерт, посвященный Н.Н. Благому.....	16-17
Имени Благова. Вручение I Межрегиональной поэтической премии.....	17
Елизавета Мартынова. «Есть местные писатели, а русская литература у нас одна...».....	18
Елизавета Мартынова. «Путешествуй, душа, належке...». Стихи.....	19-24
Страна поэзия	
Возвращенные имена. Игорь Григорьев. Стихи.....	25-29
Вступительное слово А. Лайкова.....	30-34
Александр Лайков. Россия обнаженный нерв. Стихи.....	35-37
Александр Филатов. Ступень. Стихи.....	38-41
Житейские истории	
Андрей Цухлов. Grosh цена. Рассказ.....	42-43
Глубинка	
О прошлом, о простом, о русском.....	44-45
О стихах Н. Трошиной (Майна).....	46-47
Татьяна Федоровичева (Кузоватова). Мы будем жить, любить и верить... Стихи.....	48-52
Дари добро. Журнал «Сибирский» в гостях у РЦ «Восхождение» (Большие Ключицы).....	48-52
Сенгилей в акварелях Павла Захарова.....	53
Татьяна Федоровичева. Краски жизни через творчество. Рисунки.....	54-72
Ветер странствий	
Ольга Шейпак. Ты вернешься другим человеком. Путешествие в Индию.....	73-78
Двое	
Татьяна Мельник. Звенящий снег. Стихи.....	79-80
Память сердца	
Елена Токарчук о Евгении Белянине.....	81-88
Книжная полка	
Ольга Даранова. Голоса из хора. Юрий Левитанский.....	89-92
Юбилейный календарь	
Поэзия юбиларов марта.....	93-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Сибирский», «Сибик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

1) Подпишитесь на почте

и журнал принесут вам домой:

– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания 54516
– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания 54526

2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами

по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;
пр. Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).
(цена на 6 мес. – 348,00 руб.)

г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107
(тел. 884(235) 3-26-49)

3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье» (тел. 41-01-41)

Журнал «Сибирский» можно приобрести

в киосках «Сибирская печать»
и в отделе распространения по адресу:

ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки

на журнал (в том числе альтернативной) можно
проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность представленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Сибирский» обязательна.

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 21.02.2018 г.
Дата выхода 28.02.2018 г.
Тираж 700 экз. Заказ №30.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Сити Принт», 610040, г. Киров,
ул. Мостовая 32/16, т. (8332) 228-297,
сайт: www.printtown.ru

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» №2 (56), 2018

Издание зарегистрировано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова, Ксения Нечаева.

На обложке: Зимний Ульяновск. Фото Татьяны Мельник

ЭТО И ЕСТЬ РОССИЯ...

Февральский номер журнала открывается статьей краеведа Ларисы Брюхович об Аполлоне Коринфском. Мы продолжаем публиковать тематические материалы к 150-летию поэта-симбирянина. В рубрике «С любовью ко всему родному» читайте очерк Валентины Костягиной «Служение музам», посвященный известному ульяновскому актеру Матвею Шарымову (1905 – 1968). Многие ульяновские театры помнят этого артиста, помнят спектакли с его участием. Его актерский диапазон был очень широк. Он играл роли В. Ленина и Николая II, С. Кирова и адмирала Макарова. Сам артист был личностью яркой, сильной. Годы крепкой дружбы связывали Матвея Шарымова с художником-симбирянином Д.И. Архангельским.

В 2018 году исполняется 90 лет писателю Петру Трофимовичу Мельникову. Предлагаем вниманию читателей его рассказ «Десять дней в селе Прислониха», посвященный А.А. Пластову. Особенность этой истории в том, что она записана автором со слов рассказчика, который и был участником описанных событий. Это ему посчастливилось видеть и слышать самого Пластова!

На страницах журнала снова звучит имя поэта Николая Благова. Помнят о нем земляки, проводят встречи, литературные вечера, концерты, вручают Благовскую премию нынешним талантливым поэтам. Читайте публикацию «Полслова сказать, приоткрыть свою душу...» о вечере-концерте, который был посвящен Н.Н. Благову и времени, в котором он жил.

Следом – публикация о вручении I Межрегиональной поэтической премии имени Н.Н. Благова. Мы знакомим ульяновских читателей с творчеством Елизаветы Мартыновой (г. Саратов), которая стала лауреатом в номинации «Край мой на Волге».

В разделе «Страна поэзия» представлены разные поэтические миры. Мы рассказываем об Игоре Григорьеве (1923 – 1996). Его именем назван Международный конкурс лирико-патриотической поэзии, учреждена памятная медаль. Публикуем подборку стихов и предлагаем читателям открыть для себя поэта Игоря Григорьева.

Рубрику продолжает поэтическая публикация «России обнаженный нерв» известного ульяновского автора Александра Лайкова, который в феврале отмечает юбилей.

«Ступень. Я тропами не исчисляю смысл...» – так называется подборка стихов поэта, автора и исполнителя эстрадных песен Александра Филатова.

В разделе «Житейские истории» читайте рассказ Андрея Цухлова «Грош цена».

«О прошлом, о простом, о русском...» пишет в своих стихах Нина Трошина (Майна). Татьяна Федоровичева, юная поэтесса и художница из р.п. Кузоватово утверждает: «Пока мы будем жить, любить и верить – в мире, без сомненья, быть добру!». Рисунки Тани представлены на цветной вкладке. Авторы журнала «Симбирськ» побывали в гостях у воспитанников реабилитационного центра «Восхождение». Читайте репортаж об этом событии.

«Сенгилей в акварелях Павла Захарова» представлен на цветных страницах журнала.

В рубрике «Ветер странствий» публикуем заметки Ольги Шейпак о путешествии в Индию. Автор делится впечатлениями от поездки, от встреч с людьми, рассказывает о духовном опыте жителей этой страны. «Самое большое богатство для индусов – это любовь. Богат тот, кто любит и любим, кто душу веряет Богу и стремится к Нему».

В разделе «Двое» читайте стихи Татьяны Мельник о любви.

В рубрике «Память сердца» вспоминаем ульяновского барда Евгения Белянина (он ушел от нас год назад, в прошлом феврале). Читайте о нем статью Елены Токарчук. Нет на свете этих двух поэтов. Но их переключка, их эхо все звучит...

Ольга Даранова, ученый секретарь Областной научной библиотеки им. Ленина, является автором и ведущей радиопередач о русской поэзии XX века на ГТРК «Волга». Предлагаем вниманию читателей очерк о творчестве Юрия Левитанского. Завершает номер «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Маряниным.

Под обложкой журнала объединены разные авторы. Каждый голос особенный. Вместе – созвучие.

...Дальние и родные,
Все вы мои навек.
Это и есть Россия.
Память. Надежда. Снег.
(Е. Мартынова)

Елена КУВШИННИКОВА

Лариса БРЮХОВИЧ, краевед

НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ПОЭТА

Наследие русского поэта Аполлона Аполлоновича Коринфского в фондах Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

*Я вижу эту Русь в твоём создани дивном,
Провидец, и поэт, и кисти властелин!..
Стою и внемлю я всем звонам переливным
Родных её церквей, родных её былин...*

*(У картины М.В. Нестерова)
Аполлон Коринфский*

Замечательно сказано, что Симбирская-Ульяновская земля богата талантами. В память о симбирянине Аполлоне Аполлоновиче Коринфском (1868 – 1937) – поэте, прозаике, этнографе, переводчике, дворянине – хочу рассказать о ценнейших книгах поэта, которые бережно хранятся во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке имени В.И. Ленина (далее УОНБ). Выяснить, как появились эти книги в УОНБ, практически невозможно. Тем ценнее две книги, лично подаренные поэтом, о чем свидетельствуют записи в «Хронологическом каталоге Карамзинской общественной библиотеки».

1. Коринфский А. *«Бывальщины», «Картины Поволжья» и «Северный лес»*. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: тип. Спб. акц. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. – 343 с.

[«Симбирской Карамзинской Библиотеке от автора. СПб. 25/1900»].

(Запись в «Хронологическом каталоге Карамзинской общественной библиотеки», №17351) (В УОИБ – 1 экз.)

2. Коринфский АА. *Поэзия К.К. Случевского: Этюд / Аполлон Коринфский*. – Санкт-Петербург: П.П. Соikin, ценз. 1899. – 87 с.

(Запись в «Хронологическом каталоге Карамзинской общественной библиотеки», №17352) (В УОИБ – 1 экз.)

Участники «пятниц» – вечеров К.К. Случевского. Фотография 1905 г. Стоят: крайний слева – А.А. Коринфский, пятый слева – Ф. Сологуб, крайний справа – К.К. Случевский-сын

Эта книга с надписью «Симбирской Карамзинской библиотеке»

ский был помощником К.К. Случевского, редактора «Правительственного вестника», «по историческому отделу». В выходящем «Новом еженедельном листке» «Словцо» (в сезоне 1899 – 1900 гг.) в числе постоянных сотрудников названы опять же А.А. Коринфский и К.К. Случевский и т.д.

К.К. Случевский объединил поэзию XIX века с новой русской поэзией. В этом – особенность роли Случевского и в этом же – большой интерес, который его творчество представляет для современного читателя, имеющего возможность полнее оценить его.

В УОИБ хранятся 6 книг К.К. Случевского 1880, 1941, 1962, 1981, 1984, 1988, 2004 годов издания.

В книге о К.К. Случевском в предисловии «От автора» Коринфский писал: «...Я считал бы себя вполне достигшим цели, если бы настоящее искреннее слово мое вызвало появление нового, более обстоятельного труда о самобытном поэте, заслуживающем не только общего признания, но и всестороннего критического исследования...».

Уже в XXI веке это получилось у автора монографии Е.А. Тахо-Годи «Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне» (СПб., 2000).

Но именно А.А. Коринфскому принадлежал первый восторженный очерк творчества Случевского. Аполлон Аполлонович называл Случевского «...самобытнейшим из современных русских поэтов» и писал: «Поразительно разностороннее богатство содержания, смелый до дерзости полет фантазии, порою неподражаемая до непереводимости оригинальность, своеобразный философский склад крупного анализирующего ума, яркий символизм художественной кисти и прорывающая везде и во всем, не укладывающаяся ни в какие строго определенные рамки угловатая размашистость истинно русского человека – все это нашло себе место в поэзии К.К. Случевского, все это глубоко коренится в нем самом».

Дарственная надпись, автограф, посвящение придают книге уникальный характер, делают ее особо ценной и неповторимой, единственной в своем роде. Очень редко дарят свою книгу просто так, формально. Обычно это делают с благодарностью тому, кто душевно близок, с кем связывают деловые и дружеские отношения.

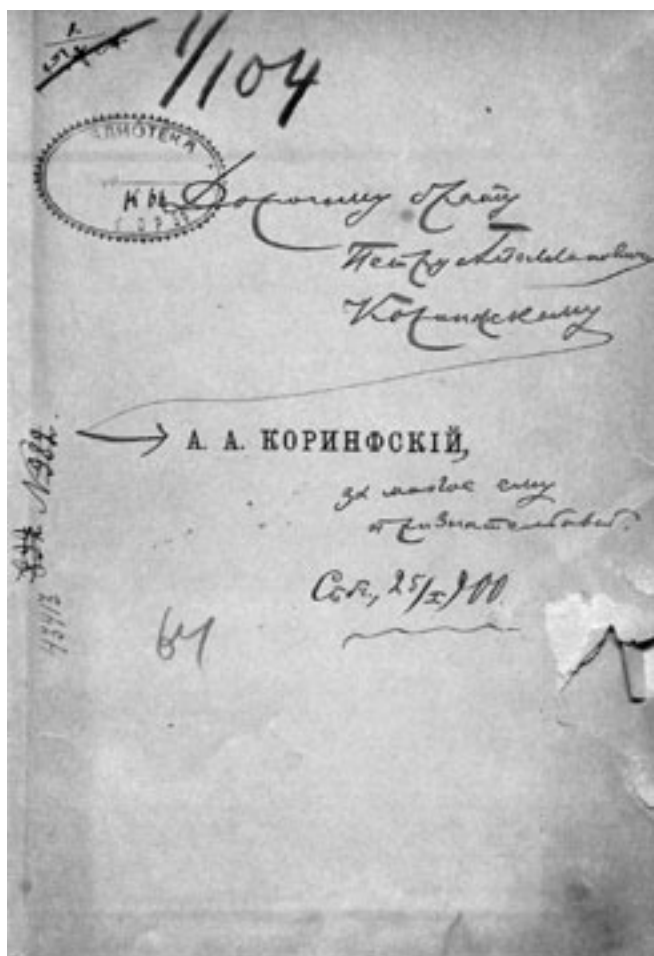
Поэт, писатель Константин Константинович Случевский родился в 1837 году (†1904), в год гибели А.С. Пушкина, словно самой судьбой был призван стать хранителем пушкинских заветов (публикация воспоминаний о Пушкине, создание стихов и пьесы, посвященных поэту, участие в издании сочинений Пушкина, в пушкинских торжествах и т.д.).

Случевский – младший современник Фета, Майкова, Полонского и старший современник символистов.

Константин Константинович устраивал у себя литературные вечера «Пятницы. Нужно отметить особые дружественные и служебные отношения К.К. Случевского и А.А. Коринфского.

На фотографии 1905 года среди участников литературных вечеров «Пятниц» присутствует и А.А. Коринфский, который был секретарем у К.К. Случевского.

С начала 90-х годов XIX века оба поэта были деятельными сотрудниками многих литературных изданий и журналов. Можно сказать и о том, что Коринф-

Дарственные надписи – теплые слова брату, сестре, племяннику звучат в следующих книгах:

Коринфский А. *«Бывальщины»*, *«Картины Поволжья»* и *«Северный лес»*. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: тип. Спб. акц. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. – 342 с.

Дарственная надпись «Дорогому брату Петру Аполлоновичу Коринфскому А.А. Коринфский за многое ему признательный. Спб., 25/1 900».

Суперэклибрис «П.А.К.» (Петр Аполлонович Коринфский).

Начинает книгу Аполлон Аполлонович такими словами:

«Когда я средь житейских былей
Свои «Бывальщины» слагал,
Во мне дух предков воскресал
И песни сердца осенял
Шатром невидимых воскрылий.
Не я перстами по струнам
Водил... Нет, гусли пели сами!
Я только вторил им устами,
Внимая чуткими мечтами
Родным, забытым, вещим снам...».

Поэт сразу хочет нам показать свой большой интерес к истории Руси и стихи дает с такими заглавиями: «Русалочья заводь», «Водяной», «Лада», «Скоморошья потеха», «Святогор», «Царевнин мост», «Чудище ложь», «Вниз по Волге», «Перед Стенькиным бугром», «За Саратовом», «Жигули», «Светлояр», «Калики переходие», «Елена-Краса».

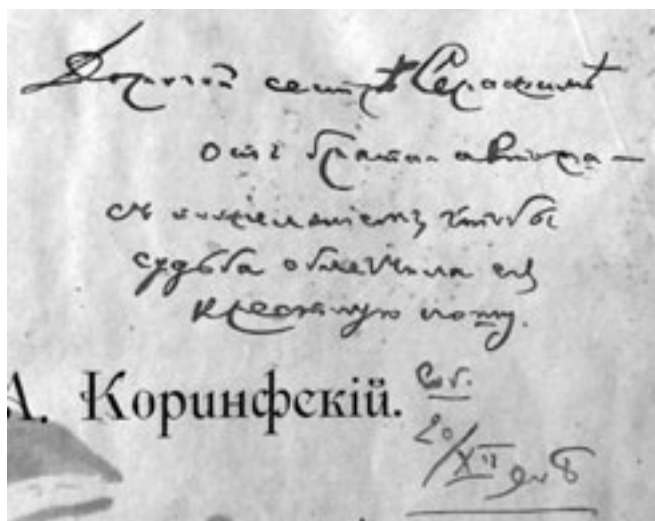
В книге Коринфский А. *«Бывальщины»*, *«Картины Поволжья»* и *«Северный лес»*. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: тип. Спб. акц. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. – 343 с. есть дарственная надпись «Милому крестнику-племяннику Мише Сучкову на память об авторе этой книги, вложившем в нее душу свою. Ст. Плавна(?), 4/11 905. Аполлон Коринфский».

В УОНБ книг *«Бывальщина...»* самое большое количество – 5 экз. (Кроме упомянутых 3 экз., еще 2: Москва, 1899; Москва, 1900).

Коринфский А. *Под крестною ношей. Стихотворения 1905 – 1908 гг.* – Санкт-Петербург: типография КЛ. Пентковского, 1909. – 414 с.

(В УОНБ – 1 экз.)

В этой книге дарственная надпись: «Дорогой сестре Серафиме от брата-автора – с пожеланием, чтобы судьба облегчила ее крестную ношу. А.А. Коринфский. СПб. 20 XII 909». (Родная сестра Аполлона Аполлоновича, 1867-?).

Поэт пишет замечательные стихи, которые звучат так современно:

«Добрый день!.. К твоим пенатам, –
Только песнями богат, –
Не врагом к враждой обьятым
Я пришел – как к брату брат...
Оба мы с тобой славяне,

Ты – поляк, я – волжанин...»
 Заканчивает словами:
 «...Шли былой вражде проклятья,
 Новой дружбе – честь воздай!
 Братьям – братские объятья!..
 Кубок меду?! Что ж, давай:
 Старый польский мед – не ярый
 Спор с тобою давний наш!
 По славянской молви старой:
 «Под трезвон славянских чаш
 Дружба к дружбе льнет сугубо,
 Труд – братается с трудом»...
 Выпьем, брат! А там – споем:
 «Пие Куба до Якуба»!

(«За братской пирушкой»)

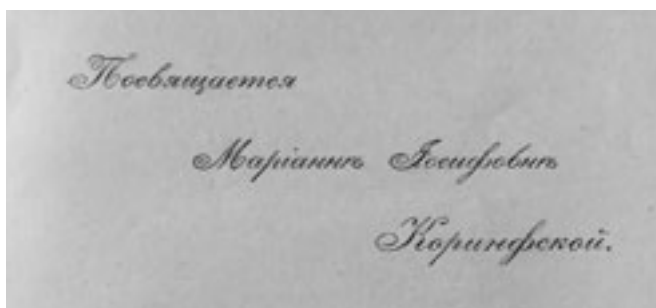
Коринфский А. В лучах мечты. Стихотворения
 1898 – 1905 гг. – Санкт-Петербург: тип. М. П. С.
 (т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1906. – 498 с.

(В УОНБ – 1 экз.)

«Доблестному сыну и воину родной страны Михаилу Михайловичу Сучкову от любящего дяди и крестного на добрую память. Аполлон Коринфский. Петроград. 25 мая 1915 г.»

И надпись: «Посвящается Марианне Иосифовне Коринфской» (жене А.А. Коринфского).

Свои стихи в книге поэт посвящает А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Ф.И. Тютчеву, В.И. Майкову, А.А. Фету, К.К. Случевскому.

Эпиграфом к этой книге могут служить такие строки поэта:

«... Мечта – заветная мечта!
 Не все погибло в мире этом,
 Пока на свете есть мечта...».

Книга Коринфский А.А. Поздние огни. Стихотворения 1908 – 1911. – Санкт-Петербург: Издание А.А. Филитова, 1912. – 734 с. (В УОНБ – 4 экз.) издана с приложением факсимиле автора «У рубежа»:

На с. 722 читаем печатный вариант:
 «Четверть века прошло, как меня осенила впервые
 Муза песен моих серебристо-лазурным крылом,
 Неразлучно проходим мы с нею пути роковые –
 Озаренные наших мечтаний лучом.

...
 Четверть века борьбы – и борьбы, и любви, и печали,
 Четверть века скитаний под вихрями
 знойных пустынь...

Муза песен моих! Не напрасно с тобой мы страдали, –
 Что ни день – ближе к нам Красоты незакатные дали...
 Только ты – на последнем пути не покинь!..»
 Своей жене в этой книге поэт писал:

А всем, кому посвящаются стихи в этом томе, Коринфский сказал:

«...За радость бытия благодарю творца,
 За все волнения, за все мои печали,
 За то, что на любовь любовью отвечали
 Нелицемерные, простые мне сердца».

В книге *Коринфский А.А. Черные розы. Стихотворения 1893 – 1895 гг. – Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, 1896. – 294 с. (В УОНБ – 2 экз.)* дарственная надпись:

Чуйко Владимир Викторович (1839 – 1899) – литературный и художественный критик, переводчик, издатель.

Также – надпись: «Посвящается Марианне Иосифовне Коринфской». Многие стихи поэт сопровождает посвящениями, в этой книге, например, русским писателям Д.Н. Мамину-Сибиряку (1852 – 1912), Н.Н. Златовратскому (1845 – 1911), А.К. Шеллеру-Михайлову (1838 – 1900), русскому поэту К.М. Фофанову (1862 – 1911), и просто – Елене. А ведь посвящение – это подлинное свидетельство дружбы, памяти, любви.

В качестве журналиста и собирателя-этнографа поэт исследовал и записал образцы народного поэтического творчества. Приведу строки из его стихотворений: «...Засияли-зажались...», «...Иссушила немочь лютая...», «...Кудри выются, змеи-змеями, рассыпаются до плеч...», «...Словно зоренька-заря, загляделася, заслушалась Уральца-богатыря...», «...За него, за добра молодца, Вольной волею пойдет...», «...Пролетели века... Безпотемная ночь, Полнолуная ночь, залегла над рекой...», «...Сеют жито горстью-пригоршней – Рожь, пшеницу белоярую...».

Своеобразной данью литературным «Пятницам» были критические этюды А. Коринфского, в том числе «*Д.Н. Садовников и его поэзия. Сообщение, сделанное 17 марта 1900 г. в кружке имени Я.П. Полонского (русский поэт, 1819 – 1898). – Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1900. – 112 с.*»

Садовников Дмитрий Николаевич (1847 – 1883) – поэт, этнограф, симбирянин, дворянин.

«...Вся поэзия его пронизнута умиротворяющей любовью к Истине, Добру и Красоте...» (А. Коринфский). (В УОНБ – 3 экз.)

И Коринфский А.А. *Памяти А.С. Хомякова (1860 – 1910). – Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1910. – 4 с. – (Бесплатное приложение к журналу «Народ-*

ное образование» за сентябрь 1910 г.)

Хомяков Алексей Степанович (1804 – 1860) – русский поэт, публицист, дворянин. (В УОНБ – 1 экз.)

В 1898 году был издан «*Альбом иллюстраций, исполненных по фотографическим композициям, к собранию сочинений Ив. Серг. Тургенева*» (Санкт-Петербург: издание Н.Ф. Мерцца, 1898) начинается этоюдом Коринфского А.А. «И.С. Тургенев». (В УОНБ – 1 экз.)

Альбом издан «В память 15-летия со дня кончины И.С. Тургенева».

Материалы о пребывании поэта в Тверском крае (1929 – 1937 гг.) вошли в книгу *Аполлон Коринфский. Неизвестные страницы биографии, письма, стихотворения. – Тверь: изд-во «Марина», 2005. – 32 с. (В УОНБ – 2 экз.)*

Плодом более чем двадцатилетних наблюдений над современным бытом крестьянина-великоросса, дополненных сравнительным изучением всех ранее появившихся в печати материалов по русской и славянской этнографии, стала книга *Коринфского А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / Аполлон Коринфский. – Москва: Моск. рабочий, 1994. – 560 с. – (Клуб любителей истории Отечества).*

Это первое переиздание книги, вышедшей в 1901 году и ставшей библиографической редкостью. А.А. Коринфский – поэт и собиратель-энтузиаст народных обычаев, примет, обрядов, поверий, сказок, песен, загадок, духовных стихов, знаток этнографии и фольклористики. Книга эта уникальна в своем роде и не имеет аналогов. Коринфский А.А. писал: «...Прочитав отпечатанные листы своей «Народной Руси», я считаю особенно приятным долгом посвятить эту книгу глубокопочитаемому Алексею Сергеевичу. Без его нравственной поддержки, без его драгоценных для меня писем она если бы и увидела свет, то в лучшем случае только в отдаленном будущем». [Ермолов Алексей Сергеевич (1846-?) – русский сельский хозяин, государственный деятель, автор многочисленных трудов]

В УОНБ хранятся 3 экземпляра «Народной Руси...» (М., 1994; Смоленск, 1995; М., 2006).

Продолжением темы «Народной Руси...» стала книга А.А. Коринфского «*В мире сказаний: очерки народных взглядов и поверий*» (Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1905. – 231 с.) (В УОНБ – 2 экз.)

А также «*Трудовой год русского крестьянина*» (Москва: издание К. Тихомирова) – Ч.3, 1904; Ч.4, 1904; Ч.5, 1904; Ч.7, 1904.

Из 10 бытовых очерков в УОНБ только 4.

В разные годы Коринфский много переводил из зарубежной поэзии, владел поэт английским, немецким, французским, польским, армянским, еврейским, финским и другими языками.

В УОНБ хранятся книги переводов поэтов Баумбаха, Беранже, Гейне, Кольриджа.

Баумбах Р. *Песни Баумбаха / Переводчик: Аполлон Коринфский – Санкт-Петербург: тип. М.П.С. [т-ва И.Н. Кушнерев и К°], 1906. – 190 с. (В УОНБ – 1 экз.)*

Аполлон Аполлонович пишет в предисловии: «...Песни Баумбаха являются полным переводом пятнадцатого издания одной из популярнейших книг немецкого Беранже. Кроме того, сюда же вошли тридцать стихотворений, взятых из другой книги его

«Песни странствующего подмастерья...».

Баумбах Рудольф (1840 – 1906) – немецкий поэт.

В книге дарственная надпись «Многоуважаемому Петру Петровичу Сойкину от переводчика, помнящего все доброе. СПб. 7/ХІІ 905».

Сойкин П.П. (1862 – 1938) – издатель русской и зарубежной литературы по разным отраслям знаний.

«Песни Баумбаха» «Дорогому другу Федору Федоровичу Фидлеру посвящает переводчик».

Фидлер Ф.Ф. (1859 – 1917) – переводчик русских поэтов на немецкий язык.

Коринфский А.А. писал: «...Переводчику представилась счастливая возможность первому ознакомить русских читателей с образцами самобытной поэзии одного из замечательнейших лириков-юмористов новейшего периода немецкой литературы» (Р. Баумбаха).

Беранже П.Ж. Полное собрание песен Беранже в переводе русских поэтов / Под ред. С.С. Трубачева. Т. 1-4. – Санкт-Петербург: тип. П.Ф. Пантелеева, 1904 – 1905.

В УОИБ хранятся два тома: том 1 содержит 109 песен Беранже, Коринфский сделал перевод 94, том 2 – из 114 песен 108 переведены Коринфским.

Гейне Г. Книга песен: В переводе русских писателей / Генрих Гейне; Под ред. П.В. Быкова. – Санкт-Петербург: Г. Готте, 1893. – 207 с.

Эта книга получила премию к журналу «Всемирная иллюстрация».

Из 247 песен поэт сделал перевод 5 песен. (В УОИБ – 1 экз.)

Кольридж С. Т. Старый моряк: Поэма Самуила Кольриджа / Пер. Аполлона Коринфского; Ил. Густава Дорэ. – Санкт-Петербург: Д. и М. Федоровы, 1893. – 24 с. (В УОИБ – 1 экз.)

Книги Аполлона Аполлоновича выходили в свет в известных издательствах: А.А. Филиппова, т-ва Кушнерев и К°, братьев Дм. и М. Федоровых, К.Л. Пентковского, Е. Евдокимова, Н.Ф. Мертца, Сойкина П.П. (в книге поэта «Песни Баумбаха» читаем дарственную надпись Сойкину П.П.), В.В. Чуйко (в книге поэта «Черные розы» упоминалась дарственная надпись издателю В.В. Чуйко).

В конце каждой книги А.А. Коринфского давалась информация о продаже его книг. Предлагали издания в золототисненном переплете; в коленкоровой золототисненной папке; изящно изданной книге; роскошном издании на слоновой бумаге (книжная и рисовальная высшего качества бумага, цвета слоновой кости, применялась в дорогих и художественно оформленных изданиях); глазированной бумаге (от нем. покрыть глазурью – каландрированная бумага различного назначения, пропущенная через суперкаландр для получения ровной гладкой бумаги); на веленовой бумаге (белой писчей высочайшей бумаги, которая использовалась для рисования миниатюр, пастельной живописи, графических работ и др.). Также сообщалось о продаже книг во всех главных книжных магазинах обеих столиц.

Таких роскошных книг в УОИБ нет. Но такое оформление свидетельствует о большом интересе издателей к книгам поэта.

В УОИБ хранится 36 книг поэта-симбирянина Аполлона Аполлоновича Коринфского: 31 экземпляр прижизненных изданий и 5 экземпляров, изданных после 1993 года. Благодаря этим изданиям читатель познакомится с талантливым симбирянином поэтом, этнографом, переводчиком А.А. Коринфским. Он ждет своих пытливых исследователей.

А пока вчитаемся в эти весточки из прошлого, восстанавливающие связь времен и не дающие ей оборваться.

Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов Музея-мемориала В.И.Ленина.

СЛУЖЕНИЕ МУЗАМ

К Дню памяти М.Ф. Шарымова
(13(26) ноября 1905 – 1 марта 1968)

Выступление М.Ф. Шарымова на юбилейном вечере 16 мая 1966 г.

В марте 1966 г. на страницах газет «Ульяновская правда» и «Ульяновский комсомолец» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 марта 1966 г. о присвоении почетного звания заслуженного артиста РСФСР Шарымову Матвею Филипповичу – артисту Ульяновского областного драматического театра за заслуги в области советского театрального искусства. А через полтора месяца, 16 мая, в филармонии состоялся юбилейный вечер М.Ф. Шарымова в связи с 60-летием со дня рождения и 40-летием сценической и общественной деятельности, прошедший в обстановке большой доброты и сердечности.

Уроженец села Прислониха, Матвей Филиппович был разносторонним, по-волжски талантливым человеком. Как поразительно щедро наградила его природа! Обладатель редкого по силе и диапазону голоса – бас-профундо, он в молодости увлекался пением, слышав которое старики говорили: «Да, не перевелись

еще голоса на Волге!».

Долгие годы крепкой дружбы связывали Матвея Филипповича с художником-симбирянином Дмитрием Ивановичем Архангельским. Ярким подтверждением этого являются письма Шарымова в личном фонде Архангельского, хранящемся в Музее-мемориале В.И. Ленина.

Вот строки одного из них: «Дорогой Дмитрий Иванович! Я земляк-односельчанин всеми нами уважаемого Аркадия Александровича Пластова. Я не знаю что, видимо, живописное расположение нашего села что ли, толкает людей видеть и ценить красоту природы. Но вот и меня, как Аркадия Александровича, потянуло к краскам. Эта мысль, высказанная мною Аркадию Александровичу, нашла в его сердце горячий отклик. Но я уезжал в Симбирск, и он со своим письмом направил меня к его другу Дмитрию Ивановичу Архангельскому. Вот таким вот путем и появился у Вас в домике на Старом Венце паренек в обмундировании бывшего кадетского корпуса. В это время паренек этот учился в школе им. Карла

М.Ф. Шарымов с дочерью Ириной, 1960 годы.

Маркса, воспитанники которой с удовольствием донашивали обмундирование кадетского корпуса. И Ульяновск, и школу им. Карла Маркса (легендарную школу), и Ваши уроки по рисованию вспоминаются мною с благоговением. <...> К совершенно незнакомому Вам паренюку в свое время Вы с присущей Вам страстностью бескорыстно отнеслись, как к самому близкому человеку, передавая ему свой опыт, свои знания. <...> я это не забыл и забыть не могу, ибо добро не забывается. Я Вас знаю, помню и люблю как художника и как человека, человечену, человечеще...».

Кроме живописи, Матвей с детства увлекся и театром, участвуя в любительских спектаклях, которые играли взрослые. В Симбирске же все началось с инсценировки нашумевшей в те годы повести Скитальца (С.Г. Петрова) «Огарки». Популярный тогда литератор Скиталец постоянно жил в Симбирске, а его сын, Женя Петров, тоже учился в школе-коммуне имени Карла Маркса. Сначала с согласия и при участии автора «Огарки» сыграл городской театр. Затем спектакль решили поставить школьники. Скиталец помог режиссировать и оформлять спектакль, который прошел с большим успехом. Матвей Шарымов исполнил эпизодическую роль, но сцена увлекла его, и вскоре он стал одним из самых активных участников драматического кружка.

Учась в школе, Шарымов не раз вместе с другими комсомольцами выезжал в деревню. Они помогали сельской молодежи в выпуске стенных газет, организации агитбригад и кружков художественной самодеятельности, оборудовании изб-читален, выступали с концертами. Когда же в 1925 г. Матвей закончил школу, симбирский губком комсомола, откликаясь на призыв партии «Лицом к деревне», направил его в числе других выпускников комсомольцев работать избочом и библиотекарем.

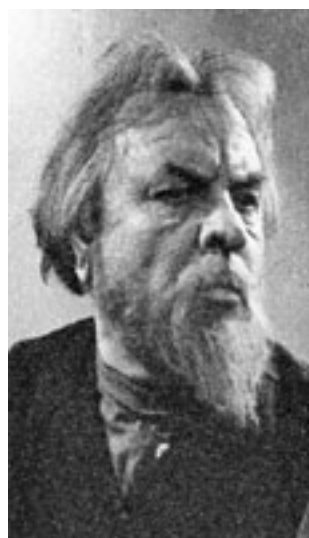
Через год его перевели из Майны в Симбирск, в кабинет партпрофработы заведовать плакатным отделом. И хотя написанные им остроумные плакаты на злобу дня пользовались популярностью в клубах города, молодой политпросветчик-художник чувствовал, что ему недостает знаний.

В письме к Д. Архангельскому Матвей Филиппович вспоминал: «В 1926 г. я собрал свои этюды и направился было в Москву в школу живописи, но не тут-то было. Экзаменов в эту школу надо было ждать месяца 2-3, а средств к существованию у меня было, как говорится, кот наплакал. И я вынужден был, дабы не возвращаться из Москвы «спустоли», поступить в ГИТИС – Государственный институт театрального искусства. Окончил его в 1930 году.

С этого момента и начались мои разъезды по всему Советскому Союзу. Ездил я не потому, что не мог работать на одном месте. Нет. Были случаи, когда я работал в театрах по десять лет. Но по натуре своей я непоседа. Все-то хочется увидеть,

все-то хочется познать. Я работал на Урале, Дальнем Востоке, в Оренбурге, Таджикистане, Ташкенте, Таллине, Ленинграде, бывал на Украине. Много сыграно удачных и менее удачных ролей. Из удачных: Егор Булычев, С.М. Киров («Крепость на Волге»), Николай II («Генерал Брусиллов»), целая серия ролей советского репертуара, так называемых социальных героев вроде Кошкина в «Любови Яровой» и Ивана Горлова («Фронт» Корнейчука). Играл Ворошилова, играл Шаумяна, в спектакле «Порт-Артур» – адмирала Макарова...».

В 1959 г. уже известным артистом М.Ф. Шарымов приехал в Ульяновский театр и проработал на его сцене почти 10 лет.

М.Ф. Шарымов в роли Бессеменова в спектакле по пьесе М. Горького «Мещане», 1964 г.

В его репертуаре – и скрипучий мещанин Бессеменов из горьковских «Мещан», и купец-самодур Дикой из «Грозы» Островского, и воинствующий ретроград и крепостник барин Тучков из гончаровского «Обрыва» и жестокый инквизитор из миллеровского «Дон Карлоса». Очень страстно и увлеченно играл Прибыткова в «Последней жертве» Островского, Симеонова-Пищика в чеховском «Вишневом саде». Много ролей, самых разнообразных, так не похожих друг на друга. И в каждой актер правдив и достоверен.

Но главным и основным, с чем связана вся актерская судьба Шарымова, стала его работа над созданием образа В.И. Ленина. Впервые на сцену в роли Ленина он вышел в 1945 г., в Тамбове в пьесе Николая Погодина «Кремлевские куранты».

Ульяновские зрители видели Шарымова-Ленина

в спектаклях «Именем революции», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая».

«Это большая, сложная, серьезная, глубокая и для меня святая роль», – писал Матвей Филиппович Д.И. Архангельскому.

М.Ф. Шарьмов в роли И.Н. Ульянова в спектакле «Нет прекрасней назначенья», 1960 г.

В пьесе ульяновского драматурга В. Дедюхина «Нет прекрасней назначенья» Шарьмов создал образ Ильи Николаевича Ульянова. Этот спектакль театр играл во многих городах страны. Был он показан и в Москве, на сцене Кремлевского Дворца съездов.

В письмах к Д.И. Архангельскому Матвей Филиппович много рассказывает о гастрольных поездках по области и стране. Так, во время гастролей летом 1962 г. с большим успехом прошли спектакли «Последняя жертва», «Угрюм-река», «Замок Броуди», «Дуэнья». «Получил огромное моральное удовлетворение от этой работы».

С большой теплотой и нежностью пишет Шарьмов о своей семье: «Всех троих – жену Люсю, сына Сашу и доченьку Иришку – я очень люблю. Жена моя тоже актриса и, не скрою, любимая в городе. Ваши друзья из Ульяновска не позволят мне соврать». Со своей женой, Лией Ефимовной Радиной, Матвей Филиппович прожил тридцать удивительно светлых и счастливых лет.

«М.Ф. Шарьмов для меня сумел стать всем, – вспоминала Лия Ефимовна, – другом, помощником, наставником. Встречу с ним я считаю счастьем. Он был не только мой муж, отец детей. Он был мой учитель. За 30 лет нашей совместной жизни он сформировал меня как человека, как актрису. Все мои вкусы, симпатии, антипатии определены им. Если вернуть меня в нашу молодость, среди сотен тысяч мужчин я выбрала бы именно его. Я бы разглядела его в тысячной толпе, потому что такие лица – чудо, как неожиданно возникший пейзаж, которому не перестаете удивляться».

Он был удивительным человеком! Узнав о мизерной пенсии, получаемой Д.И. Архангельским, начинает активные хлопоты о назначении ему персональной пенсии, что укрепило бы материальное положение художника, которое было очень тяжелым.

«Пенсию дать должны, обязаны. Я тут всю общественность поднял на дыбы. Документ с просьбой о персональной пенсии подписали три солидных организации: Управление по делам культуры, Союз художников и Художественный музей. Причем документ написан очень горячо и очень хорошо, представляя Вас как человека много и плодотворно послужившего родному городу и Родине».

Что касается моей инициативы, то это верно, я тут в Ульяновске побегал, похлопотал, но я, по существу, исполнитель чужой мысли, чужой идеи на этот счет. Дело в том, что осенью, 3 ноября (1960 г. – В.К.),

наш ульяновский театр показывал в Москве по телевизору спектакль «Нет прекрасней назначенья». Позвонил своим старым друзьям, землякам, в частности Елене Ивановне Фирстовой. Вот она мне и рассказала о Вашем материальном положении, вот она и подсказала от имени всего ульяновского землячества эту мысль, а я уже только исполнитель. Остаться равнодушным я не мог не только по складу моего характера, но еще и потому, что Вы мне очень дороги как мой учитель».

Эти хлопоты закончились успешно. Сохранилась выписка из решения исполкома Моссовета об установлении Д.И. Архангельскому персональной пенсии местного значения с 1 мая 1961 г. пожизненно.

Неоднократно Матвей Филиппович бывал у Д.И. Архангельского в подмосковном поселке Родники. В одном из писем он признавался: «А Родники стали для меня действительно родниками. Родниками освежающими, родниками утоляющими жажду, родниками вдохновляющими». «Художника из меня не получилось. Жалею? Да, иногда до слез жалко. Люблю и, видимо, до смерти буду любить живопись».

Еще одно письмо.

«Дорогой Дмитрий Иванович!

<...> Побывал на выставке ульяновских художников. Выставлены исключительно этюды, а смотреть очень приятно. Порадовал Мих. Мих. Радонежский «Старым Венцом» – очень сочная, красочная, солнечная вещь. Порадовал и Петр Григорьевич Панин. Представленные им этюды разительно отличаются от прежних. Отличаются смелостью исполнения, красочностью, темпераментом. Хороши этюды Моторина, Лежнина, Франго, хорошо показана и молодежь. Есть, безусловно,

Фото М.Ф. Шарьмова с дарственной надписью: «Глубоко уважаемому Дмитрию Ивановичу Шарьмову»

и недочеты, но о них и писать-то не стоит.

А вот в последнем журнале «Огонек» опубликовали статью об Аркадии Александровиче Пластове и три репродукции его картин.

Чудо, как хороша его картина «Смерть дерева». Какой чудесный живой старик, какая сила в молодом. Как здорово играют солнечные блики. И по содержанию глубоко философское произведение. И ведь хитрый этот Аркадий Александрович: тема-то простейшая, а мысли-то какие глубокие. Ему что, молодому-то? Вали знай, была бы силушка. А старик – как с молодостью своей прощается. Кто знает, что у него с этой березой связано. Да вся жизнь с этой березонькой! Молодым был – с девчонками хороводился, еще моложе – грибы, ягоды собирал, а потом сено косил и от дождя скрывался, и все в этом лесу, у этой березы. А я так и запах опилок ощущаю».

В письмах он сердечно благодарит Архангельского за присланные акварели: «Если бы Вы знали, какую радость доставляют мне Ваши акварельные приветель!».

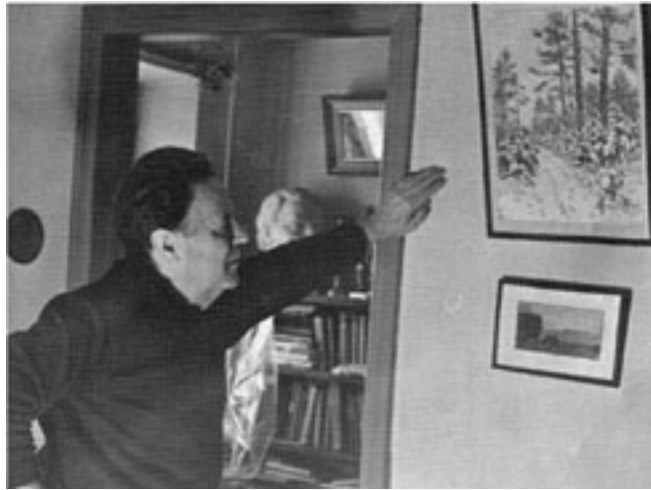
На одной из фотографий Матвей Филиппович любуется работой художника. На обороте – письмо: «Дорогой Дмитрий Иванович! Этот снимок сделан специально для Вас. К нам пришел фото-корреспондент из «Ульяновской правды», снимал меня для красноярской газеты. Вот тут я и попросил его снять меня у Вашей акварели. Ниже – этюдик Бориса Зеленского (это мой старинный дружок плакатист). А во второй комнате видна акварелька Петра Григорьевича Панина и мой скульптурный портрет, сотворенный Айрапетяном. Вот так вот и живу, и радуюсь тому, что кругом, куда не глянешь, друзья мои. На противоположной стене – Радонежский, Франго, Лежнин, и опять радостно».

В редкие часы досуга Матвей Филиппович любил побродить по лесу. Об одной из таких прогулок он сообщает Архангельскому:

«<...> Был в прислониенских лесах за грибами. Заехал к народному художнику – так он меня чуть со двора не прогнал. Хорошо у меня было наготове магическое слово «Архангельский». Ну, против «дяди Мити» и он не устоял – сменил гнев на милость и малость покалякал со мной на завалинке сидя. Уж очень он до работы охоч. Не оторви его! Убьет. А тут еще и выставка на носу».

Август 1963 г. Шарымов провел в доме отдыха ВТО под Ленинградом. В письме к Архангельскому он делится впечатлениями от посещения музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты».

«<...> Мне повезло побывать в реставрированном имении Репина. Огромное впечатление. Его кабинет, столовая и особенно мастерская производят неизгладимое впечатление. Уходишь из «Пенат» в каком-то радостном возвышенном состоянии, как после покаяния, после причастия, как будто сердцем прикоснулся к чему-то святому. Ощущение такое, что и десятилетий-то не прошло, что вот-вот где-нибудь покажется приветливый, гостеприимный хозяин или явится великан с величественной седой бородой, или загрохочет в «храме Ириды» басино гения русской оперы. А Шаляпин даже в мастерской ощущается. И диван-то там называется шаляпинским».

М.Ф. Шарымов у акварели Д.И. Архангельского в своей квартире.

для нее образец патриота своей Родины, своего города, творческого горения и неиссякаемого жизнелюбия. Обнимаю тебя. Твой земляк Д.И. Архангельский».

За годы работы на профессиональной сцене М.Ф. Шарымов сыграл более 250 ролей, как член художественного совета Ульяновского театра, вносил немалый вклад в разработку репертуара и в художественное решение спектаклей.

Любимому искусству он отдавал весь свой талант, все свое высокое сценическое мастерство. Последней его работой стала роль чекиста Михаила Ермакова в пьесе Мдивани «Твой дядя Миша».

В декабре 1965 г. Матвей Филиппович, находясь в больнице, пишет Д.И. Архангельскому:

«<...> в прошлое воскресенье меня из больницы выпускали, как исключение, сыграть один спектакль «Твой дядя Миша». Говорят, что я этот спектакль сыграл с особым подъемом. В этот вечер смотрел наш спектакль редактор журнала «Театральная жизнь» Зубков. После просмотра всех наших спектаклей он на труппе делал их разбор и, говорят, очень похвалил меня за дядю Мишу. Очевидно будет писать где-нибудь об этих спектаклях

и обо мне. А это очень радостно. Потому что критик он жестокий».

Юрий Александрович Зубков дал очень высокую оценку таланту М.Ф. Шарымова. В очерке «Паренек из Прислонихи» он писал: «<...> вся его жизнь, его биография сформировали не просто лицедея, способного принимать на сцене различные человеческие обличья, а сформировали его как личность, как художника, идейные убеждения которого, пропущенные через сердце стали его существом, неотторжимы от него».

Сцена из спектакля «Именем революции»

Петр МЕЛЬНИКОВ (8.11.1928 – 11.08.2012), писатель, поэт, уроженец Чердаклинской земли. В этом году исполняется 90 лет со дня рождения талантливого литератора. В минувшем году Мирновской библиотеке Чердаклинского района Ульяновской области присвоено имя Петра Мельникова. Краевед Нина Ивановна Васильева, сотрудники библиотеки проделали большую подготовительную работу. В библиотечных стенах создана музейная экспозиция, посвященная жизни и творчеству П.Т. Мельникова. Здесь бережно сохраняются его личные вещи. Большую помощь в подготовке музейного уголка и в пополнении книжного фонда оказали вдова, сын и дочь писателя. Петр Трофимович был добрым другом поэта Николая Благова. Ляля Ибрагимовна Благова с дочерьми вместе с большой делегацией гостей из Ульяновска приняли участие в празднике присвоения имени писателя библиотеке.

Предлагаем вниманию читателей рассказ Петра Мельникова, посвященный А.А. Пластову.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В СЕЛЕ ПРИСЛОНИХА

рассказ

Этот рассказ о встречах с народным художником Аркадием Александровичем Пластовым уроженцем села Прислониha, я услышал от водителя большегрузных машин Николая Михайловича Храмова в обществе сидевших на лавочке возле дома мужиков. Это ему посчастливилось видеть и слышать самого Пластова в течение десяти августовских дней.

Годы идут, а память все короче и короче. И я решил восстановить по памяти этот свободный, непринужденный рассказ моего соседа.

– В августе тысяча девятьсот шестьдесят девятого года мне выпала необычная командировка и только потому, что я работал в то время на микроавтобусе с десятью посадочными местами. А дело было в том, что из Питера прибыла группа киносьемщиков в составе семи человек: трое мужчин и четыре женщины. Одна из них, Зинаида Александровна Андерсен, была директором фильма, который они намеревались создать о жизни и творчестве народного художника Аркадия Александровича Пластова. Съёмочная группа уже побывала в селе Прислониha, познакомилась с художником и теперь находилась в поселке Языково, где им от фабрики предоставили для проживания как гостиницу пустующий барак. Прибыв из Ульяновска в Языково, я занял указанное мне завхозом место. В мои обязанности входило: отвозить по утрам съёмочную группу в Прислониha, обслуживать по мере необходимости их днем, а вечером привозить обратно в Языково.

В первый день, когда мы прибыли к месту назначения, Пластов уже сидел на лавочке у своего дома и, как видно, спозаранок поджидал нас.

Зинаида Александровна подошла к нему – он встал. Она поздоровалась с ним за руку, еще раз представила себя и свою команду вместе со мной и сказала, что если он не возражает, то они готовы начать съемки сей же час. Но прежде она предложила договориться об оплате труда. Пластову она предложила

оплату по двадцать пять рублей за каждый рабочий день. Но он от какой-либо платы отказался. Он сказал: «Ну, какие тут могут быть деньги?! На меня и так власти косо поглядывают. Я, чем могу, и так помогу».

И тогда Зинаида Александровна сказала:

– Но мы не можем никак по-другому, не имеем права!

И Пластов согласился.

Мне она обещала платить по пять рублей за день, и я был доволен. Мне ведь и на работе оклад шел.

Деньги Зинаида Александровна платила всем, кто принимал какое-либо участие в съемках, даже за прогон гусей по лугу. Но меньше трех рублей никому не платила.

Затем Пластов повел гостей в дом, а я остался у своего автобуса.

Во дворе у Пластова была большая коряга, которую он превратил в оленя с ветвистыми рогами, а на месте глаз вставил горлышки от бутылок. На солнце они так и светились яркими звездочками!

Когда группа во главе с Пластовым вышла из дома во двор, я услышал, как повторялось одно слово: мастерская. Это было небольшое строение во дворе, закрытое на висячий амбарный замок.

– Ну, какая там мастерская! Да и нечего в ней смотреть, – отговаривал съёмщиков Аркадий Александрович. Видно было, что ему очень не хотелось, чтобы в нее кто-то заглядывал.

– А нам вот как раз и надо показать, в каких условиях работает народный художник! – сказала Зинаида Александровна.

В мастерской пахло лаком и краской, на стенах висели картины и портреты в самодельных рамках, на вбитых в стену гвоздях красовались разнообразные фигурки, вырезанные из корней и сучков.

В первый день съёмочная группа ограничилась усадьбой и домом Пластова. Чтобы не переутомлять хозяина, мы пораньше уехали в Языково.

На второй день Зинаида Александровна попро-

сила Пластова показать такой момент, когда он пишет портреты своих земляков. Он послал женщину, которая ухаживала за его больной женой, с наказом привести нужного ему для короткой позировки мужика. Сметливый мужик, конечно же, не заставил себя долго ждать. Увидев незнакомых людей, он немного растерялся, но, когда его глаза встретились со стаканом, стоявшим на столе, тотчас успокоился и присел на указанное художником место.

Назвав мужика по имени отчеству, Пластов сказал:

– Посиди немного со стаканом в руке, как прошлый раз, а я с тебя набросок сделаю.

Подняв правую рукою стакан и приняв нужную позу, мужик сказал:

– Аркаша, когда ты писал мой портрет, у меня в руках была рюмка!

– Ничего... и так сойдет. Да ты когда пил из рюмки-то?! – по-свойски ответил художник.

Мужик усмехнулся, но промолчал.

Пластов взял в руку то ли грифель, то ли карандаш и замахал им над листом бумаги, положенным на подставку. И тут на нем стали появляться контуры головы, под надломленными бровями жуликоватые глаза, затем нос, рот, уши, и копия мужика перешла на бумагу. Прошло всего несколько минут, и Пластов отступил от позирующего мужика и сказал:

– Ну, вот и все, можешь быть свободным.

Мужик встал, поставил стакан на стол и, не выпуская его из руки, жалостливо поглядел художнику в глаза. Аркадий Александрович достал из-под стола заранее приготовленную бутылку водки и налил ему полный стакан. Мужик перекрестился, выпил стакан водки, не переводя духа, простился со всеми и ушел.

Пластов сделал еще несколько штрихов по памяти, набросок к портрету ожил и, на удивление всех присутствующих, стал поразительно похож на прислонихинского мужика.

Пластов и меня хотел водкой угостить, но я категорически от нее отказался. Сказал, что непьющий, тем более постоянно нахожусь за рулем. Он удивился и сказал:

– Как это – шофер и не пьет? Сейчас один телеграфный столб не пьет и то только тогда, когда ему не подносят.

И показал свою тетрадку, в которую он записывал своих должников. Мужики нет-нет да забегали к нему. Отзовут его к порогу и приглушенным голосом заговорят:

– Аркаша, будь добрый, дай взаймы троячок!

– А когда отдашь? – строго спрашивал Пластов.

Мужики сами себе назначали срок возврата долга. Они знали, что тот, кто не приносил должок в обещанный день, другой раз получал от ворот поворот, и потому старались не нарушать установленного Аркашей правила. В свободное время Аркадий Александрович мог с мужиками о чем-нибудь поговорить, пошутить – больше над самим собой.

Мне думалось, что для профессии художника он немного крупноватый. Да ведь и фамилия у него от слова «пласт»!

Когда Пластов писал картину «Фашист пролетел»

(1943 г.), ему надо было изобразить убитого мальчика. Он попросил прислонихинских мальчишек спотыкаться и падать на кочковатой полянке. Мальчики нарочно спотыкались и падали, но их позы не давали художнику того, что ему хотелось. И вдруг один из них действительно споткнулся, уткнувшись головой и руками в землю. Вот эта поза внезапно убитого фашистом мальчика и послужила основой для написания картины «Фашист пролетел».

Работа съемочной группы вошла в свою колею. Утром я привозил их из Языкова в Прислониху, днем они перемещались по окрестностям, а вечером возвращались в Языково.

Пластов постоянно сопровождал нас и показывал те места, с которых он писал свои картины. Так на месте пластовской березовой рощи один из мужчин положил на лопату дымовую шашку и носил ее вдоль рощи, имитируя туман. При этом другие участники съемки, кто заснимал, а кто что-то записывал. Когда же заснимали работающие в поле комбайны, то велели мне проехать по проселочной дороге. Я промчался туда-сюда, и над дорогой поднялась стена густой пыли.

Ходили они и по соседям Пластова, стараясь как можно больше узнать о нем.

Звание народного художника было присвоено Пластову еще в 1956 году, и он был широко известен не только у нас, но и далеко за рубежом. Однажды Аркадий Александрович рассказал мне об одной случайности, которая произошла в гостинице, кажется, в Италии. Сидел он за столом, и захотелось ему как дома, в Прислонихе, выпить стакан холодного молока. А там по-русски не знали ни одного слова. Ни мимика, ни жесты ему не помогли. Тогда он взял листок бумаги и нарисовал корову с большим выменем. И только тогда до них дошло, и они подали ему молоко.

На десятый день съемочная группа подвела итоги своей работы и пришла к выводу, что из многих материалов, когда их скомпануют, на экране кадры пройдут всего за десять минут.

После небольшого застолья мы вместе с хозяином дома вышли во двор, где вскоре началось трогательное прощание с гостеприимным живописцем. Затем все заняли свои места в микроавтобусе, а директор фильма, Зинаида Александровна Андерсен, еще долго стояла у крыльца с Пластовым, благодарила его за оказанную помощь, желала ему крепкого здоровья и творческих успехов. Как только она заняла свое место в автобусе, я включил скорость, и мы отправились в Ульяновск.

У поворота дороги я поглядел в боковое зеркало. Пластов еще стоял у крыльца, в одиночестве, с опущенными руками, и смотрел нам вслед.

Так закончилась моя командировка.

Когда уже народного художника Аркадия Александровича Пластова не стало (12 мая 1972 года), я, проезжая от Прислонихи на Тагай, постоянно вглядывался в сторону кладбища, надеясь увидеть там при ясной погоде самый большой и значительный Пластовский крест.

Апрель 2012 года.

«ПОЛСЛОВА СКАЗАТЬ, ПРИОТКРЫТЬ СВОЮ ДУШУ...»

25 января 2018 года в ДК «Киндяковка» состоялась творческая встреча-концерт с участием лауреатов ежегодной областной поэтической премии имени Н.Н. Благова «Полслова сказать, приоткрыть свою душу...».

Николай Благов – самый крупный поэт XX века, живший и творивший в Ульяновске. Поэт, который принадлежит не только ульяновской земле, но и всей России. В его творчестве ярко звучит тема патриотизма, любви к крестьянскому труду, к своей малой Родине,

торов России, молодой ульяновский музыкант Антон Никонов и лектор – искусствовед Элеонора Якубенкова. Элеонора Борисовна исполнила пролог поэмы Н. Благова «Волга» под авторскую одноименную симфоническую композицию Антона Никонова.

Элеонора Якубенкова

О дружбе с Николаем Благовым зрителям рассказал ульяновский художник, лауреат Пушкинской медали, почетный архитектор России, поэт, искусствовед и педагог Лев Николаевич Нецветаев. «Я очень люблю стихи Николая Николаевича Благова. В зрелые годы, когда я много рисовал для ульяновских газет, доводилось делать рисунки и к стихам Николая Николаевича Благова. Помню, была какая-то большая подборка стихов, я домой к нему пришел и спросил:

– Николай Николаевич, а вот к каким стихам Вы бы предпочли рисунки?

Он так по-простонародному ответил:

– Ну, ты чай лучше знаешь. Это меня очень тронуло. Без всяких вычурностей.

Анатолий Викторович Ефимов – директор Андреевской средней школы имени Н. Благова Чердаклинского района и Александр Приданов – молодой поэт, лауреат премии имени Н. Благова – поделились с присутствующими своими мыслями о малой Родине Николая Благова – селе Андреевка. Это красивейшее место средней полосы России, природе которого посвящено не одно стихотворение поэта.

Продолжили поэтическую тему лауреаты премии имени Н. Благова. Молодой поэт Александр Дашко прочел стихи с большой искренностью. Поэт Татьяна Эйхман из Карсуна воодушевленно рассказывала о Благове, его поэзии, журнале «Симбирск», в котором публикуются Благовские страницы. Прочла свое стихотворение-воспоминание.

В 60 годы необыкновенный размах приобрела авторская песня. По всей стране авторы и исполнители собственных песен начали объединяться в

не. Имя поэта увековечено не только в его произведениях. В 2012 году в Ульяновской области утверждена ежегодная областная литературная премия имени Н. Благова. Премия направлена на поддержку литературного творчества, продвижение поэзии родного края и талантливых поэтов на общероссийском уровне. Теперь эта премия стала межрегиональной.

Николай Благов жил и творил в 60 – 80 годы двадцатого столетия. Именно поэтому творческая встреча-концерт прошла в духе эпохи 60-х. Это было время, когда Николай Благов был молодым. 1960-е – время радикальных, новых, захватывающих открытий и трендов, которые продолжили развиваться в 70, 80 годы XX века. Мода, музыка, литература, кино в стиле «свингующих шестидесятых» надолго запомнились своей искренностью и открытостью.

Открыли творческий вечер член Союза композиторов

Клубы самодельной песни, ездить на фестивали, петь песни у костра в туристических походах. Старые песни о главном исполнили лауреат международных конкурсов Вячеслав Баранов и ульяновский автор-исполнитель Сергей Кочетков.

Музыкальным попури из песен «Битлз» порадовал гостей встречи преподаватель английского языка Майнского многопрофильного лицея певец Сергей Трошин.

Говоря о магнитофонных записях того времени, невозможно не вспомнить о многогранном таланте Владимира Высоцкого. Невероятный актерский темперамент, уникальный голос, тонкая сатира, неподражаемый юмор. Так совпало, что именно в день творческой встречи Владимиру Семеновичу исполнилось

бы 80 лет! В завершении творческой встречи – зрители еще раз вспомнили творчество Владимира Высоцкого и исполнили «Песню о друге» из кинофильма «Вертикаль».

Праздничная концертная программа творческой встречи сопровождалась яркими выступлениями народного коллектива – ансамбля танца «Дети солнца» Дворца культуры «Губернаторский» под руководством Ирины Хабаровой. Ведущая встречи Наталья Фирсова проникновенно провела концерт.

Подходила к концу творческая встреча. Зрители старшего поколения погрузились в теплые воспоминания, а молодежь, может быть, впервые ощутила на себе неповторимое обаяние шестидесятых.

ИМЕНИ БЛАГОВА

*Губернатор С.И. Морозов вручает премию
Елизавете Мартыновой*

*Губернатор С.И. Морозов вручает премию
Марии Богдан*

В феврале в Ульяновске состоялось вручение I Межрегиональной поэтической премии имени Н.Н. Благова

По традиции в начале года получают свои награды лауреаты поэтической премии имени Николая Благова. В 2012 году постановлением правительства Ульяновской области была учреждена ежегодная областная поэтическая премия имени Н.Н. Благова. За эти годы лауреатами Благовской премии стали поэты Светлана Матлина, Елена Кувшинникова, Александр Лайков, Татьяна Эйхман, Александр Приданов, Николай Полотнянко, Жан Миндубаев, Гала Узрютова, Виктор Малахов, Леонид Сурков, Александр Дашко.

В 2017 году премия изменила свой статус, стала межрегиональной. Имя и творчество нашего земляка поэта Николая Благова теперь объединяет талантливых поэтов Поволжья и привлекает их к участию в конкурсе.

В настоящее время премия присуждается по двум номинациям: «Край мой на Волге» (продолжение традиций русской классической поэзии, направленных на выражение любви к Родине, Отечеству, истории и культуре родного края) и в молодежной номинации «Верность традиции» (продолжение поэтических традиций Николая Благова молодыми авторами).

В церемонии принял участие губернатор Ульяновской области С.И. Морозов. Он поприветствовал собравшихся, поздравил лауреатов и вручил им премии.

В номинации «Верность традиции» лауреатом стала молодая поэтесса Мария Богдан (Ульяновск) за сборник стихов «Звезды на ладони».

В номинации «Край мой на Волге» победителем стала Елизавета Мартынова, поэт, член Союза писателей России, главный редактор журнала «Волга – XXI век» за сборник «Воздух дороги» (Саратов). Журнал, руководимый Елизаветой Мартыновой, продолжает традиции журнала «Волга», который в свое время возглавлял Николай Благов.

Елизавета МАРТЫНОВА, лауреат I Межрегиональной поэтической премии им. Н.Н. Благова

ЕСТЬ МЕСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ, А ЛИТЕРАТУРА РУССКАЯ У НАС ОДНА...

Прежде всего, я хотела бы выразить благодарность жюри, ульяновским писателям за присуждение премии имени Николая Благова. Для меня это большая честь – и серьезный стимул для дальнейшей творческой работы. Ну и еще такой «знак судьбы» – ведь творческая судьба Николая Николаевича Благова тесно связана с нашим городом, с работой в саратовском журнале

«Волга», который он возглавлял в начале 80-х годов, и в котором теперь работаю и я.

Чем важно создание и продвижение такой премии, как премия имени Николая Благова? Тем, что она решает одну из главных проблем современной литературы – проблему изолированности региональных писателей от основного литературного процесса. Может быть, я выскажу спорную мысль, но мне кажется, что **местной** литературы как таковой (в изоляции от других регионов) не существует: есть **местные** писатели, а литература русская у нас одна. Поэтому в нашем саратовском журнале мы стараемся публиковать произведения писателей из разных регионов, главное, чтобы авторы были талантливыми.

И так же, как **литературные журналы** могут объединить современную литературу, такую же функцию могут выполнять и **литературные премии**, когда они выходят за рамки одного региона. Это два, на мой взгляд, важных объединяющих начала. Таким образом, во-первых, читатели и писатели из вашего города познакомятся с книгами иногородних авторов, а во-вторых, это привлечет внимание к творчеству ульяновских писателей в других регионах.

И премия, конечно, знаковая, именная – это замечательно. Творчество Николая Николаевича Благова – это та высокая планка, на достижение которой

стоит ориентироваться современным поэтам. И не в смысле стилевой идентичности, а в смысле развития традиции русского классического стиха... Эта традиция неисчерпаема и гораздо более жизнеспособна, чем «головные» литературные эксперименты.

Когда я только начинала писать стихи, ходить в литературные студии, то самостоятельно начала изучать книги поэтов, чья судьба так или иначе была связана с нашим городом. И я хорошо помню, что стихи Николая Благова произвели на меня очень сильное впечатление: образной, живописной, метафорической насыщенностью, такой, которой, без преувеличения, не было ни у одного из саратовских поэтов, огромной, сразу захватывающей читателя поэтической энергетикой, сказывающейся даже в коротком лирическом стихотворении, эпическим размахом поэм, удивительной, почти стихийной свободой внутреннего мира человека, живописным, любовным восприятием жизни. И конечно, обостренным чувством Родины. Это очень редкое качество. А что еще нужно для поэзии?

Вот это первое чувство восхищения очень хорошо помню... Думаю, что стихи Николая Благова стоило бы рекомендовать для чтения молодым, начинающим писателям, студентам и школьникам, и на занятиях в литературных студиях в том числе.

Ульяновск мне очень понравился, особенно библиотека и набережная. Народ ваш творческий очень сплоченный. Было приятно участвовать в таком торжественном литературном мероприятии, видеть, как ваши писатели общаются друг с другом, увлеченно читают стихи. Радует, что у вас в городе много талантливой молодежи, что они объединены общим делом – служением литературе. Открыла для себя два новых интересных творческих имени – Марию Богдан и Александра Дашко, благодарна им за их творчество.

В заключение хотелось бы пожелать организаторам премии дальнейших успехов в поиске новых талантливых авторов из разных регионов нашей страны, еще большего расширения границ премии – чтобы ваш замечательный город всегда был центром притяжения для творческих людей.

Елизавета МАРТЫНОВА (Елизавета Данилова) родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета и аспирантуру при нем. Кандидат филологических наук. В 2003 – 2014 гг. доцент кафедры русского языка и культуры речи СГАУ им. Н.И. Вавилова. С 2008 года по настоящее время главный редактор журнала «Волга – XXI век».

Публиковалась в журналах «Наши современник», «Волга – XXI век», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Подъем», «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостиный двор», «Отчий дом», «Камертон», «Великоросс», в альманахе «Новые писатели России», коллективных сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях. Многократно участвовала в Форумах молодых писателей России (2006 – 2012). Стипендиат Министерства культуры РФ по результатам Форума молодых писателей России (2006, 2010).

Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наши современник» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013).

Автор книг «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012), «Воздух дороги» (2017).

Член Ассоциации саратовских писателей и Союза писателей России (с 2016 г.). Живет в Саратове.

«ПУТЕШЕСТВУЙ, ДУША, НАЛЕГКЕ...»

стихи из книги «Воздух дороги»

* * *

Кому любовь свою ни говори,
Она опять истаёт до зари,
И снег сматывает голубую пряжу,
И стаи птиц разрежут небеса,
Послышатся слепые голоса
Из прошлого, с которым я не слажу.

До крови ранит, но не рвется нить,
И я не прекращаю вас любить,
Ушедших ни на миг не отставляю.
И снится мне окраина небес
И светлый сад, и темно-синий лес,
И дом, в котором ждуг и умирают –

И снова ждуг. И жизнь течет сама,
И нету в ней ни горя, ни ума,
Легка-легка, как будто птичья стая.
А я во сне летаю тяжело
И разбиваю темное стекло
Меж адом жизни и небесным раем.

Там живы все. И мама, и друзья,
И бабушка, и те, кого нельзя
Увидеть, но забыть их невозможно.
Сиянье душ и отблески планет,
Их навсегда неутолимый свет –
И снег, летящий в мир неосторожно.

Я там жила, в завьюженной степи,
В ночном доме, где темнота слепит
И где лучина освещает песню.
А выплечется песенка когда,
Тогда метель и горе – не беда,
В прошедшем сгину, в будущем воскресну.

ВОЗДУХ ДОРОГИ

1

Опять листвы просвеченная медь,
Сквозняк березы бело-синеватой.
И снова можно плакать и неметь
Пред красотой такой же, как когда-то
Давно, за много лет до наших дней –
Чем раньше, тем прозрачней и ясней.
Здесь жили деды. Мельница кружилась.
Казалось, что сам воздух был крылат.
А если что, как песня, не сложилось –
В муку перемололось наугад.
А если что, как листья, облетело –
Так это моей бабке на веночек.
Чернеют птицы в небе чистом, белом.
И мы живем. И Бог не одинок.

2

В ночной дали прольется поезд
Наплывами из перестуков.
Пульсирует дороги повесть
Мерцаньем звезд и тихих звуков.

Перекрывая расстоянья
Своей мелодией пустынной,
Состав летит легко и рьяно,
Но вот на станции застынет.

И в это самое мгновенье
Я вдруг пойму, что здесь когда-то
Остались предков поколенья
В земле, ни в чем не виноватой.

Зачем я мимо проезжаю
Деревни той, в которой жили

Они так тихо, не мешая
Друг другу и небесной были?

Остановиться бы, остаться
В бараке ветхом и дощатом,
И темным звездам улыбаться,
И облакам, грозой измятым.

И дожидаться до рассвета
С дежурства мужа или сына
И песенку, что не допета,
Тянуть чуть слышно и наивно.

3

Чьи это гены во мне говорят,
Властно зовут по России скитаться,
В дикую степь, в гулевой листопад,
Хоть мне давно уже не восемнадцать?

То ли в кибитке, а то ли пешком,
С поездом шумным, с надеждой тревожной –
Все же покину постылый мне дом
Так, что вернуться назад невозможно.

Да и к чему? Ведь земля широка,
Каждая ночь может стать роковой,
И разливаётся в небе река
Птиц, улетающих над тишиною.

Мы-то не птицы, да песня долга,
Стелется степью да вяжется шалью.
Звуки раскатятся, как жемчуга,
Вырастут звезды на месте печали.

В черную полночь за рыжим костром
Тень танцевальная движется следом,
И осыпается ржавым холстом
Воздух дороги, ведом и неведом.

* * *

Косматые ветры играют огнями окраин,
Но ветры и сами – игра им неведомых сил.
И ночь распрямляется, всей чернотой догорая,
И падает в небо размахом обугленных крыл.

Светлеют листва и домов невысокие стены,
И чуть приглушенной свет уличного фонаря.
Как жили мы долго и как расставались мгновенно –
Об этом окраина помнит и знает заря.

И пение птиц, и сияние облачной пены,
И воздуха тонкого сумрачно-грустная медь –
Все это о нас говорит, и все это нетленно,
Круженье, движение жизни сильнее, чем смерть.

* * *

Того, что было, не вернуть.
Дорога верная поката.
Преодолев нелегкий путь,
Душа касается заката.

И все, что с ней произошло,
Умыто смехом и слезами,
И чье-то белое крыло
Качается перед глазами.

Веди меня, мой дивный друг,
Мой странный спутник безмянный,
Сквозь боль, и нежность, и испуг
В иные дни, иные страны.

Там снег белее, чем всегда,
И невозможное возможно,
И осторожная звезда
Дрожит над городом тревожным.

* * *

Все это было когда-то
В дальней и плавной дали:
Звездами пахла мята,
Стыли ромашки в пыли.

И деревянная дача
Вечной казалась мне.
Жизнь, много жизней знача,
Тайной была вполне.

В ней ковыли мерцали,
Пела гвоздики кровь,
И над землей печали
Месяц нахмурил бровь.

И восходили лица,
Полные тишины:
Кроткие, словно птицы,
Нежные, словно сны.

Бабушка песни пела
Так, что земля цвела.
Звездами небо кипело,
И мама еще жила.

А все остальное – пропасть,
Там, у резных ворот:
Темной дороги прорезь,
Сомкнутый небосвод.

* * *

Жить бы как воздух, не чувствуя времени-места.
Но в Филадельфии дождь,
мне доподлинно это известно.
Медленный дождь, и совсем не похож он на русский.
Негры на пляже, как будто на вазе этрусски.
Свет электрический. Тысяча окон кричащих.
Это обычай дождя – не смотреть на молчащих,
Тех, кто ушел из подробного мира живого.
Ты умерла. Ты теперь только память и слово.
Но из дождя ты домой навсегда возвратилась.
Снилась весне и шиповнику летнему снилась.
Городу снилась, горам и реке синей-синей
Здесь, на окраине времени, снилась в России.
Жизнь не окончилась. Воздух наполнен тобою.
Время и место – не временное, а родное.
Жители неба, мы все на земле – только гости,
Зерна дождя, что упали у Бога из горсти.

* * *

Костры – Дон Кихоты осени,
Медлительны и остры,
Себя в синий воздух бросили
До сумеречной поры.

Качаются – не кончаются
Их пламенные бои,
Как будто звезда-печальница
Роняет искры свои.

И на костров неистовство
Смотрит речная мгла,
Пристально смотрят пристани
И тихих вод зеркала.

Вода утекает медленно,
Огонь погасает враз.
Ночные костры последние
Не помнят меня сейчас.

Их время уже закончилось,
Их пепел совсем седой.
...Я стану костром пророческим
И никогда – водой.

* * *

Путешествуй, душа, налегке,
Утварь дома оставь и пожитки,
Оживай – то в листе, то в строке,
В свежем ливне – промокни до нитки.

Пусть твердят, что так жили до нас,
Неумело, нелепо, нескладно –
Ничего не держи про запас,
Уходи, уезжай безоглядно.

Кто нам нужен – тот с нами всегда.
Кто оставлен – тот этого стоит.
Золотая слепая звезда
Небо зоркое взору откроет.

Но легко ли идти по лучу?
В поезд поздний в потемках садиться?
Подожди, я тебе посвечу,
Тайной жизни твоей проводница.

Все как прежде: цветы пустыря,
Млечный Путь и тропинка скупая,
Дом, в котором все окна горят,
Ночь горячая, золотая –

Не достаточно ли для пути
Твоего, чтоб счастливой остаться...
Путешествуй, душа, и свети
Всем привыкшим по свету скитаться.

* * *

В седой степи туманный огонек
Цветет, цветет, еще не облетает.
Как близок он, как все-таки далек –
Никто его не помнит и не знает.

Не человек ли это заплутал,
Костром от темноты отгородился,
Когда ему открылась высота
Ночной звезды и тихий свет явился?

В седой степи, как будто на краю
Земли и нерастраченного неба,
Он снова вспоминает жизнь свою,
Отогревает призрачную небыль.

Все, все, что было, что произошло,
Что превратилось в память золотую,
Теперь костром огромным расцвело
И кажется, рассыпалось впустую.

Но каждой искрой, каждым огоньком
Припав к земле осенней терпеливой,
Жизнь новая становится цветком
И светит неразумно и счастливо.

* * *

Птичий день зашумел за окошком.
Замелькала рябая вода.
Не останется день этот в прошлом.
Он достанется нам навсегда.

Он продлится на долгие годы,
Разольется туманом в крови.
Шумом крыльев и небом холодным
Отзовется и в нашей любви.

Этой рифмой правдиво-банальной,
Рваным шепотом ясной листвы,
Этим кленом – осенним, опальным,
Разговором людей и травы.

Это мы с тобой – тайна и тайна,
Дальний поезд, поля, ковыли.
Жизнь с печалью ее не случайна,
Если в нас бьется сердце земли.

* * *

Это и есть Россия –
Белый крылатый снег
И города родные
В оцепенелом сне.

Что бы со мной ни случилось:
Радость, любовь, беда –
Нежного снега милость
Выпала навсегда.

Выпала в город старый
На золотой горе
И никогда не тает
В медленном январе.

Нет ни домов, ни улиц –
Белая мгла строга.
Здесь фонари, нахмурясь,
Светят на два шага.

Тонкая колокольня
Тоньше ночных снегов.
Окна домов – иконы
В белом окладе снов.

Словно бы снег усердный,
Время назад склоняя,

Я прохожу сквозь сердце
Тех, кто любил меня.

Дальние и родные,
Все вы мои навек.
Это и есть Россия.
Память. Надежда. Снег.

* * *

На клочке бумаги без помарок
Пишет он волшебные стихи –
Непонятный, сумрачный подарок
За его проступки и грехи.

Что бы ни случилось в эту осень:
Кутежи, дуэли, снегопад –
Музыка его уже не бросит,
Все слова до Бога долетят,

Как снежинки в хаосе метели,
Как искринки заревой свечи.
Вот и жизнь прошла на самом деле.
Но не плачь, а слушай и молчи:

Смерть лишь сон, и долго не продлится,
Кончится когда-нибудь она,
И душа, таинственная птица,
Снова будет жить и петь вольна.

* * *

Как передать невыразимое,
С ума при этом не сойдя?
Гори, звезда моя, свети, моя,
Мерцай за пеленой дождя.

Прикованный к высотам каменным
Фонарик детский и смешной
Меня спасает тихим пламенем
От взрослой жизни заводной.

И ответ горестный, сиреневый
Ложится на больном снегу.
В бессмысленные словопрения
Вступать я больше не могу.

Я отворачиваюсь к облаку,
К пространству неба надо мной,
К летящему на синем голубю,
Звезде моей, всегда родной,

Звезде поэтов и воителей,
К лучам ее – коснись руки!
...И странный свет ее пронзительный
Горит безумью вопреки.

* * *

Не имеет значения,
Кто окликнул тебя –
В позднем небе свечение
Возникает, скорбя.

Если ты оглянулась
На него так легко –
Это сердце столкнулось
Со своим двойником.

И внутри тебя – солнце,
Рыжий свет – листопад,
И дорога, что вьется
Через облачный сад.

Там звенят самолеты
И цветут фонари,
И дома, словно соты,
Светят небом внутри.

И вблизи, и далеко
Протекает река,
Словно смерть, одинока,
Словно жизнь, глубока.

* * *

Дом переполнила осень.
Светится янтарем.
Не умирали мы вовсе.
И никогда не умрем.

Плачут грачиные стаи –
Там, за прозрачностью стен.
Я ни за что не узнаю,
Кто я тебе и зачем.

Только бы рядом и рядом,
Взглядом, печальным дождем,
Облаком, городом, садом,
И – не просить ни о чем.

* * *

Я хочу поговорить с тобой о главном,
Потому что боюсь не успеть.
Жизнь – не длиннее летней ночи,
Короче звездного луча.
Главное – говорить и петь.
О чем хочешь.
Свободно, как вдох и выдох –
О жизни и смерти.
О нас двоих.
Когда все закончится,
Мы перейдем с тобой реку,
Долгую синюю реку –
По звездной колючей дорожке,
Слишком узкой для человека,
Слишком грубой для ангела.
Главное – быть осторожным:
Слова могут оборвать нить,
Натянутую между нами,
Между явью и снами.
...Я хочу с тобой говорить.

* * *

Мы были музыкой когда-то,
Слагали песенки зимы,
Но мы не знали адресата
И отклика не знали мы.

Что с этим временем сравнится,
С тем одиночеством живым,
Когда дрожат во тьме ресницы
От слез горячих ножевых?

Сравнить ни с чем я не рискую
 Ни снежный дым, ни горький взгляд,
 Ни песню нежную такую,
 Что на другую не глядят,

И столики в кафе, и запах
 Мороза в облаке тепла...
 Ничто не изменилось за год,
 Вот только музыка прошла.

* * *

Сорок птиц из-за моря на крыльях весну принесут,
 Донесут – и рассыпят
 по снежным слепым перелескам.
 И откликнется птицам несмелый подснежник в лесу.
 И от робкого ветра качнется в окне занавеска.

Звезды станут крупнее и мысли тревожней мои.
 Я боюсь потерять тебя. Зимняя память тускнеет.
 Выцветают черты и слова неумелой любви.
 Но апрельское небо прозрачней еще и яснее.

Так на ветках лежит оно, словно вот-вот улетит.
 Сорок птиц поднимают его над землею.
 Я сама остаюсь на высоком, на узком пути.
 Над проталиной тихой –
 подснежник дрожит синевою.

От хохлатки лиловой, от чуткой фиалки лесной,
 От протяжных туманов и дымки зеленых озимых –
 Веет хрупкой любовью, непереносимой весной,
 Разве только на крыльях и переносимой.

РОМАНС О ЛЕТЕ

Вот оно, лето с пронзительным зноем,
 К небу прибитое тысячей звезд,
 Синее небо с каймою цветною,
 Белое облако с горечью слез.

Клонятся ветки от звонкого ветра,
 Бьются в окно, шелестя и шепча:
 Вот оно, это законное лето,
 Теплится, словно большая свеча.

Но отжелтеет полоска заката.
 Еле видны в полутьме фонари.
 Вот оно, лето, что было когда-то –
 Искорка Божья у сердца внутри.

Если мы любим друг друга, как прежде,
 Если мы дарим друг другу тепло,
 То проживем еще в тайной надежде –
 Вот оно, лето. Еще не прошло.

* * *

Пока мы шли в посадках, самолет
 Летел вдали – шумящий и незримый.
 Пылал непоправимо небосвод,
 И облака все проплывали мимо.

Тоннель зеленый кончился почти,
 Деревья расступились перед нами.
 Мы увидали: самолет летит,
 Белея осторожными крыльями.

Через минуту он, как птица, стал
 Над облаком синеем крениться.
 Сиял на солнце огненный металл,
 И время продолжало мерно длиться.

Пока наш смертный разум не уснул,
 Его мечту, пожалуйста, не троньте.
 А самолет в голубизну нырнул
 И вынырнул на самом горизонте.

* * *

Начинается осень. Щербаты ступени ее.
 Эта лестница нас на чердак голубиный уводит.
 Там все стены исписаны разной глупостью вроде
 «Саня З. + Марина», и тоненький ветер поет –

Паутину колеблет, рассеянный свет рассыпает.
 Только выйдешь на крышу –
 весь город, гляди, пред тобой.
 Здесь темнеет овраг, дальше синяя Волга мелькает,
 Шпиль готический в небо уткнулся упрямой иглой.

Эта осень меня укрывала столиственной мглой,
 Уводила в упорную, гордую горесть любви.
 Что теперь от нее, осторожной и скромной, я скрою?
 Ржавый лист паутиной знакомых морщинок овит.

На доске рисовала мелком ярко-белым и жестким,
 На асфальте – дождем, самолетиком – на синеве.
 Эта осень прошла. Стала женщиной взрослой.
 Эта взрослость ее не укладывается в голове.

И сбивается слог, и уходит привычная гладкость,
 И ступени щербаты – на память, на счастье, на боль.
 До свидания, осень. Прощай, моя радость.
 Хорошо навсегда, до конца оставаться собой.

* * *

Сладкий запах золотистых яблок,
 Облачное соло в вышине –
 На реке осенней белый ялик
 Неподвижен, словно бы во сне.

Паутину времени покрыта,
 В рамочку небес облечена
 Дачная картинка – стол, корыто,
 Виноград у самого окна.

А внизу – обрыв, и только волны,
 С горизонтом слившаяся даль.
 Наши души детством слишком полны,
 Золотого яблока мне жаль –

Где оно, с какой горы скатилось,
 Где веселым семечком взошло,
 Что тому кораблику приснилось
 В белый день, прозрачный, как стекло?..

* * *

Окно,
 В котором цветет сирень, –
 Оно остается мне,
 И нежный свет,
 И живая тень,
 И облако в глубине.

Я нарисую это окно,
Море лиловых крыл,
И тех, кто жил здесь
Давно-давно,
И тех, кто о них забыл.

И тех, кто не помнит
Теперь себя,
Стоит у небесных врат,
Прижав к себе
Охапку дождя,
Светом его богат.

* * *

Сквозь влажный обморок листвы –
Шаги, шаги, шаги.
Шуршат оранжево кусты
Рябины и ольхи.

Там вспыхнет, рядом подмигнет
Искринкой дождевой,
И не кончается полет,
Задуманный листвой.

Земли покатою мокрый бок
Касается небес,
И смотрит изумленный Бог
На ярко-красный лес.

Неуловима красота –
Она сотворена
На краткий миг из тайны тайн
В былые времена.

Беспомощна ее душа,
Как веточка, тонка,
И дождь ложится не дыша
В резную тьму листка.

И человек, что здесь прошел,
Выходит сам не свой
В мерцающий туманом дол,
В поля с ночной травой.

* * *

Проснешься – за окном туман
Седой, неумолимо плотный,
И кажется: пришла зима
И снег ложится перелетный.

Но птиц тяжелый караван
Растянется по небосводу –
И крик протяжный, как трава,
Пронзит осеннюю природу.

И на дворе настанет день
Такой раскованно прохладный,
Что проступают свет и тень
На листьях рыжих неприглядных.

Прохожий редкий пробежит
В пальто, и в шляпе, и в печали,
И воздух тоненько дрожит,
Как будто крылья за плечами.

ОКРАИНА

Окраина, старая рана,
Старухи и малые дети,
Звезда, что горит неустанно –
И память, которая светит.

Жизнь – словно окраина эта,
Огромное желтое поле.
В ней хватит и ветра, и света,
И воли, и счастья, и боли.

Утрата, еще раз – утрата,
Разлука – и снова разлука.
Жизнь – вежа, горящая дата,
Луч света над горнею муки.

И мало ли что приключится –
Смотрю в поднебесье, не щурясь.
Окраина, черная птица,
Тень горя на сумерках улиц.

На фоне домов аварийных –
Израженный старостью тополь.
Здесь жили, стирали, варили
И жизнь не считали жестокой.

О чем сожалеть? Все сбывалось.
О чем говорить? Все известно.
Здесь детство похоже на старость
И старость похожа на детство.

Здесь звезды сияют упрямо,
А сердце – светло и тревожно.
Окраина – старая рана,
Которой зажить невозможно.

* * *

Так время темное шумит,
Напоминая шепот крови,
Когда Вселенная вся спит,
Влюбленных и безумных кроме.
В звенящий час растет трава,
На шатком воздухе качаясь,
И не помогут мне слова,
Когда прильну я к ней, отчаясь
Мгновение остановить
И голос к тишине прибавить.
...Есть ветер, чтобы вольных славить.
Есть вера, чтоб ее хранить.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

Игорь ГРИГОРЬЕВ (1923 – 1996)

Когда я стал лауреатом премии Международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени Игоря Григорьева «Душа добру открыла двери», мне захотелось побольше узнать и рассказать читателям об этом удивительном человеке и талантливом поэте.

В его судьбе были полуголодное детство и героические эпизоды в Великую Отечественную войну, скитания и поиск своего места в жизни в послевоенное лихолетье, организация и полное борьбы руководство писательской организацией в Пскове. И, конечно, стихи. В отличие от многих знаменитостей Игорь Григорьев никогда не был конъюнктурщиком, всегда оставался самим собой, хотя маститые критики и собратья по перу неоднократно упрекали его в том, что он «отстывает от идейных и стилевых установок соцреализма». К великому сожалению, от таких стихов опасно отмахивались и редакторы толстых журналов, почувствовав в них трагическое восприятие жизни, страстную жажду истины, правды, Бога.

Поэзия Игоря Григорьева поражает лексическим богатством самобытного языка, неожиданными эпитетами и метафорами, продолжает традиции устного народно-поэтического творчества, деревенской лирики Есенина и Рубцова. В ней с болью, а где-то даже со скорбью осмысливается прошлое и настоящее России. Стихи дышат самозабвенной любовью к русской природе, родной Псковщине и своему Отечеству.

Игорь Григорьев, безусловно, один из самых талантливых и самобытных поэтических голосов России.

Остается добавить, что для возвращения Игоря Григорьева в контекст большой отечественной поэзии много делают его сын, член Союза писателей России, доктор медицинских наук, доктор богословских наук протоиерей Григорий Григорьев и секретарь жюри названного конкурса, член Союза писателей России, поэт публицист и прозаик Наталья Советная.

*Александр ЛАЙКОВ,
лауреат Международных конкурсов лирико-патриотической поэзии
имени Игоря Григорьева*

Из биографии

Игорь Николаевич Григорьев родился 17 августа 1923 года на хуторе близ деревушки Ситовичи (ныне Порховского района Псковской области). Великую Отечественную войну он встретил на территории оккупированной псковской земли. Восемнадцатилетний юноша создал подпольную группу в поселке Плюсса, руководил ею до присоединения к местным партизанам, служил в бригадной разведке 6-й Ленинградской партизанской бригады. Был четырежды тяжело ранен и дважды контужен. Награжден орденами Великой Отечественной войны I и II степени, медалями: «За отвагу», «Партизану Великой Отечественной войны», «За победу в ВОВ».

После войны работал промысловым охотником, фотографом, геологом, тамбурищиком на хлебозаводе, грузчиком в типографии, в июне 1954 года окончил русское отделение филологического факультета Ленинградского университета.

Первые стихи И. Григорьева датируются 1940 годом, но публиковаться он начал значительно позже, уже учась в Ленинграде. В 1960 году в «Лениздате» вышел первый сборник поэта «Родимые дали», в 1963 году Игорь Григорьев был принят в Союз писателей СССР. Известность ему принесла книга «Листобой». О молодом поэте заговорили не только в Ленинграде, но и в Москве.

Когда встал вопрос о создании в Пскове своего отделения Союза писателей СССР, Григорьеву было предложено переехать в город и возглавить писательскую организацию. С тех пор Игорь Николаевич жил на родине. Он всегда был негласным лидером организации. Писал много, работал преимущественно по ночам, практически ежегодно издавал новые книги.

Игорь Григорьев – один из крупнейших, если не самый крупный, псковский поэт. Автор более 20 поэтических сборников и поэм «Стезя», «Колокола», «Обитель», «Двести первая верста», «Русский урок», «Благословенный чертов путь», а также автобиографической повести «Все перемелется», цикла из шести рассказов о природе «Земля и вода»,

пьесы «Черные дни». Совместно с псковским писателем Василием Кирилловым написал повесть «Огненный круг». Игорь Григорьев занимался поэтическими переводами с прибалтийских языков, с украинского, белорусского, азербайджанского, эвенского, марийского, калмыцкого, коми, хантийского и даже с бенгальского. В его творчестве нашла отражение целая эпоха истории России и Псковского края – война, восстановление разрушенного хозяйства, мирный сельский труд.

Он воспитал целую плеяду молодых псковских поэтов, которые с полным правом считали себя его учениками. В их числе – Лев Маляков, Александр Гусев, Елена Родченкова, Елена Глибина, Энвер Жемлиханов, Валерий Мухин.

Игорь Николаевич обладал редкой способностью: не только разглядеть в человеке искорки литературного дара, но и искренне поддержать, восхититься, окрылить будущего поэта или прозаика, «завести» на творчество. Три года он не издавал собственных книг, потому что помогал печататься своим товарищам. И не только печататься. Безвозмездно выручал деньгами, хлопотал о трудоустройстве, жилье, беспокоился о здоровье писателей. К собственному же быту был совершенно безразличен.

В псковском доме поэта бывали Валентин Распутин, Василий Белов, Федор Абрамов, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Валентин Пикуль, Глеб Горбовский, Станислав Золотцев, Владислав Шошин и многие другие.

Имя Игоря Григорьева вошло в библиографический словарь в 3 томах «Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги...» под ред. академика Н.Н. Скатова (статья К.Ф. Бикбулатовой, стр. 566-567).

С 2014 года Санкт-Петербургским отделением Союза писателей России, Минским городским отделением Союза писателей Белоруссии и Фондом памяти поэта ежегодно проводится Международный конкурс поэзии имени Игоря Григорьева, а также чтения его имени. По итогам конкурсов 2014, 2015, 2016 года изданы сборники стихов финалистов.

В этом году Игорю Григорьеву исполняется 95 лет и Международный конкурс лирико-патриотической поэзии «НА ВСЕХ ОДНА ЗЕМНАЯ ОСЬ», посвящен юбилею поэта.

В прошлом году Центру общения и информации в Пскове присвоено имя Игоря Григорьева.

Учреждена Памятная медаль «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923 – 1996)», которая по решению Фонда памяти поэта вручается за большой вклад в сохранение и развитие культуры, русской словесности, традиций патриотического воспитания, а также за изучение и популяризацию творческого наследия Игоря Григорьева.

Адрес сайта памяти И. Григорьева: <http://igor-grigoriev.ru/stihi.html>.

Игорь ГРИГОРЬЕВ (1923 – 1996)

* * *

Бывает так: июлем знойным
Береза срывает желтый лист -
И сразу станешь беспокойным,
И ясный день не так лучист;

Весомей дымка, небо строже,
Задумчивей шатун-камыш.
И ощутишь на жаркой коже,
Как выстывает в чаще тишь.

Услышишь: кроткая осина
Бросает в дрожь приют рябой;
Крадется следом образина -
Угрюмый ветер-листоной.

Увидишь: табуны птицы,
Вода стеклянней – глубь видна.
И сожаленье угнездится
В душе, распахнутой до дна.

И хлынет жар от сердца к горлу:
«Хоть лист, хоть царь – один вокзал...»
И в полдень врежешься, как в гору,
И спросит Совесть: «Не узнал?»

* * *

Александре Агафоновой

Светлый ангел, сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?
Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги – темнота!

Горькой доли глоток – не бессмертья
Мне бы надо вкушать позарез!
Кроткий ангел, сестра милосердя,
Неужель я для смерти воскрес?

Неужель ознобленное сердце
Мне в заброшенной хате не греть?
Не избывшему крест односторонца,
О сгоревшей любви не гореть?

И, добыв-таки рифмы золоты,
Не валиться, счастливому, с ног?
Или верные друзья – заботы
На меня наложили зарок?

Неужели?.. Да выпеснишь разве
Все соблазны житейского дня.
Скорбный ангел, дарующий праздник,
Заругайте, засмейте меня!

Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любой,
Лишь бы не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

Чтобы петь на неистовом свете,
Разумей; бессменна страда.
Только б русскую душу на ветер
Не пустить – ни про что – в никуда!

* * *

Я в русской глухомани рос,
Шагнешь – и прямо на задворках
Тоска, да мох, да плач берез,
Да где-то град уездный Порхов.

В деревне – тридцать пять дворов;
На едока – полдесятины;
В лесу Клину – навалом дров,
В реке Гусачке – в досталь тины.

Народ – на гольше босяк.
А ребятню что год рожали.
Как жили? Всяко: так и сяк –
Не все, однако, вдаль бежали.

Большим не до меньших – дела:
Не как теперь – не на зарплате.
Нам нянькой улица была,
А в дни ненастья – печка в хате.

Про зиму, что и вспоминать:
Метель выюжила на болоте, –
Зима и сытому не мать,
Хоть в шубе будь, да все не тетя.

Весной сластились купырем,
Подснежкой клюквой да кислицей;
Под май – крапивки поднаревем:
О, вешний суп с живой водицей!

Зато уж лето детворе
Надарит бобу и орехов,
И птичьих песен на заре,
А солнышко нажжет доспехов...

Нас в люди выводила Русь
Всей строгостью земли и неба;
Пусть хлеб ее был черным, пусть,
Но никогда он горьким не был.

* * *

Мое родимое селенье,
Тебя уж нет, да все ты есть -
Волненье, тяга, повеленье,
Моей души беда и честь.

Вон там, за сонным косогором,
Вдали от зла и суеты,
Окружено былинным бором,
Дышало ты, стояло ты –

Всего житья – бытья основа.
Поклон вам, отчие кресты!
Нам выпало свиданье снова:
До встречи только полверсты.

Как резво поспешают ноги,
Какая в сердце благодать,
Когда по ласковой дороге
Тебе даровано шагать!

Какая травная дорога,
Какие смолкшие луга,
Как тут светло и одиноко!
Покой. Ни друга, ни врага.

А ведь давно за землю дралось,
Пахало каждый бугорок,
Деревня Ситовичи звалось.
Теперь на тех полях – борок.

Теперь назад не возвратишься,
Моя бедунья, гнезда вить,
Не запоешь, не встрепенешься –
Здесь больше нечего зорить.

Мне ж, упасенному судьбою,
Жалеть и маяться, любя...
Сейчас увидимся с тобою,
Хоть нет тебя. Хоть нет тебя.

ПОЭТЫ

Мы ветра и огня поводыри
С тревожными раскрытыми сердцами,
Всего лишь дети, ставшие отцами,
Все ждущие – который век! – зари!

Сердца грозят глухонемой ночи,
За каждый лучик жизни в них тревога, –
И кровью запекаются до срока,
Как воинов поднятые мечи.

Взлелеявшие песню, не рабы –
Единственная из наград награда!
Нам надо все и ничего не надо.
И так всегда. И нет иной судьбы.

Нас не унять ни дыбой, ни рублем,
Ни славой, ни цыкуты царской чашей:
Курс – на зарю!
А смерть – бессмертье наше,
И не Поэт, кто покривит рулем.

БРАТУ

Ты меня прости:
Без слез тебя оплакал.
Умирили избы, ночь горела жарко.
На броне поверженной германская собака
Вскинув морду в небо, сетовала жалко.

Жахали гранаты,
Дым кипел клубами,
Голосил свинец в деревне ошалелой.
Ты лежал ничком, припав к земле губами,
Насовсем доверяясь глине очерствелой.

Вот она, война:
В свои семнадцать весен
Ты уж отсолдатил два кромешных года...
Был рассвет зачем-то ясен и не грозен:
Иль тебе не больно, вещая природа?

*26 сентября 1943 г. Насурино (Псковщина)
Лев Григорьев – брат поэта, погиб в 1943 г.*

* * *

Я помню горестную ночь,
Третила адскую работу,
Вконец измученную роту,
Невластную земле помочь;

Сорвавшуюся с цепи смерть,
Бездомных беженцев, обозы
И тучи лютых бомбовозов –
Огня и крови коловерт;

Совсем последний эшелон,
Крик паровоза, крик прощальный, –
Последний, долгий, погребальный;
Оставленных бездонный стон.

О как был черен тот рассвет,
Когда на русском полустанке
С крестами зарычали танки:
Пощады нет. Спасенья нет.

Я вижу, вижу, как сейчас,
В дымище бурю лавину,
Чужого рыжего детину,
Его налитый кровью глаз.

Метались люди, как в бреду,
Рыдало солнце в низком небе,
Плясал огонь в созревшем хлебе,
Рубили яблоню в саду.

Цвели поля – все прах и тлен,
Был тихий кров – торчат лишь трубы,
Любило сердце, пели губы –
Теперь кругом тоска и плен.

Умолк до времени напев.
Остался в сердце только гнев,
Непримиримый, жгучий, грозный, –
Враг это понял слишком поздно.

И мне мерещится донине
Ребенок, втоптаный в песок,
Забитый трупами лесок,
Распятый дед, как Бог, на тыне.

Они велят:
– Ты расскажи,
Как бушевали сталь и пламя:
Пусть сохранит бессмертно память
Всю боль, всю масть души.

Чтоб смерч не отнял тишины,
Пусть видят люди, помнят, знают,
Да никогда не забывают
Они об ужасах войны.

* * *

От деревенщины моей,
От сельской простоты
Остались только горечь пней
Да ломкие кусты.

Давно повален темный бор,
Дремучий, вековой.
Причастен к ней и мой топор,
К той рубке гулевой.

Ни горожанин, ни мужик...
Своей родне – ничей...
Я распаленным ртом приник,
Но глух сухой ручей...

И Русь не та, и сам не тот –
Иные времена!
Но в ворохе золы живет,
Горит моя вина.

ТАЙГА

Как зима ни верховодит,
Сколь пуржища ни зубаста –
И в тайгу весна приходит:
Покусал мороз, и баста!

Отсвистели стыней плети,
Панихида ночи спета.
Ни в одном краю на свете
Не встречал я столько света.

Оползает снег на сопках,
И палы разлив полощет.
На крутых козельих тропках
Смутно лед синее тощий.

Ветром выглаженный камень
Греет лысину на солнце.
Забежала речка в рамень –
Заливается-смеется.

Тянет бражной соковицей,
Кличут лебеди в долине,
И дремучим дебрям снится
Цвет да зелень, гром да ливень;

Им, как мамкам, снятся дети,
Пополнение вольнолюбов –
Колонки, козлы, медведи...
Без заморских лесорубов.

* * *

Елене Морозкиной

Было поздно или рано
Лес и озеро затихли.
Или, может, не проснулись,
Нежась в ласке голубой?

Ни ветринки, ни тумана,
Да и есть они – до них ли?
Мы нашлись, к себе вернулись:
Ты да я, да мы с тобой.

Светом сумерки сочатся,
Будто вишня великанья,
До земли прогнулось небо
От больших и спелых звезд.

Что слова? Не намолчаться!
Не наслушаться молчанья!
Мы нашлись – и, глядя в небо,
Не скрываем наших слез.

* * *

Поклон, поклон, ржаное поле,
Речушки брод, косой стожок!
Мне жар земли безверье сжег –
Ни зла, ни зависти, ни боли.

Здорово, ласковые звери –
Ежи, сороки и ерши!
Ей-богу, с вами хоть пляши:
Душа в добро открыла двери.

Привет вам, грозовые тучи
И дымчатая голубень!
Спасибо, беспечальный день,
За все, что завтра неминуче.

* * *

У дня и ночи граней нет:
Рассвет – закат, закат – рассвет.
Гроза и выюга, зной и стынь –
Пресветлый мир, живая синь.
В осенней горечи разлук
Веснеет вновь пожатые рук.
Дорога, будь хоть без конца,
Соединяет два крыльца.
Печаль и радость – две сестры,
Людские жаркие костры.
Высокий гимн, частушку ль взять,
Коль в них душа, все песней звать.
И сказка с былью – близнецы,
Завет, в грядущее гонцы.
На всех одна земная ось...
Лишь родина с чужбиной – врозь.

РУКИ

Василию Лаврикову, дедушке

Где торчали пни уныло
Да мошка над ними ныла –
Перемены:
Запустились две елушки,
Встала хата у горюшки –
Крепки стены.

Рьяны, золоты и рады
Бьются певни у ограды
Возле бочки.
И, как важные фигуры,
Дурака валяют куры
Во песочке.

И хоть в горнице не густо –
Чисто, редька да капуста,
Мы – мы сами.
И судьба наша не слепа,
Доживем еще до хлеба:
Руки с нами.

В темном стане потрясения
Светлый праздник воскресенья
Грянул все же.
Хата вечна и в опале,
Лишь бы руки не упали,
Дай-то Боже!

Александр ЛАЙКОВ, лауреат журналистской премии Законодательного собрания Ульяновской области (2004 год), журналистской премии ОАО «ВолгаТелеком» (2003 год), лауреат международных литературных премий в Санкт-Петербурге имени Игоря Григорьева (2016, 2017 гг.), поэтической премии им. Николая Благова в Ульяновске (2015 год), конкурса патриотической поэзии и прозы имени Героя Советского Союза татарского поэта Мусы Джалиля в Астрахани (2017 год), лауреат конкурса одного стихотворения 2015 года в Красноярске.

*Редакционный Совет журнала «Симбирскъ» поздравляет
Александра Дмитриевича Лайкова с юбилеем!
Желаем здоровья, радости, вдохновения, новых стихов!*

ПОСОХ ВОДОЛЕЯ

Я всегда говорил, что у литературы, у поэзии нет ни провинций, ни возраста, ни расстояний. Поэт в какой-то степени – вечный романтик, друг ветра и путешественников, любознательное дитя, с изумлением открывающий наш несовершенный мир, который он мечтает сделать лучше.

По-восточному календарю я появился на свет в год Белой Змеи, под знаком Водолея, по-европейски – зимой 16 февраля 1953 года. Место рождения – дельта Волги, большое рыбацкое село Икряное. Россия находилась на переломе эпох, а мир – на пороге нового тысячелетия.

Время и место рождения, безусловно, влияют на судьбу человека. А личные впечатления, наложенные на события эпохи, всегда отражаются в творчестве художника.

Я ем пепел прожитых лет и вспоминаю, когда же меня впервые затянуло «магнитное поле стиха». Наверное, это произошло в четвертом классе, когда учительница Вера Петровна Леонтьева похвалила мое сочинение «Золотая осень». Я уже тогда пытался сочинять стихи, и хорошо помню свои самые первые опыты: «Залп «Авроры» и «Трудяга Муравьишка».

Серьезное литературное образование я получил на литфаке Ульяновского педагогического института. Большое влияние на меня оказали Надежда Филиппченко, Клавдия Холодова и Александр Бунин.

Ленинградская школьница, поэт Надежда Филиппченко, адрес которой мне дали в газете «Пионерская правда», стала первым читателем и критиком моих стихотворений. Мы долго переписывались, встретились в Ленинграде уже после моей службы в армии, потом потерялись в этом огромном противоречивом мире. После долгих лет молчания увидели друг друга в социальной сети «ВКонтакте», переписываемся и дружим до сих пор.

В студенческие годы я занимался в литобъединении «Стрежень», которое вел известный астраханский поэт Николай Ваганов. Однако меня больше тянуло к областной молодежной газете «Комсомолец Каспия». Там работала литсотрудником очень талантливый поэт Клавдия Холодова, которая много и серьезно занималась с молодежью. Она дала мне несколько добрых нестаряющих советов, написала по-

ложительную рецензию и опубликовала мои стихи в названной газете.

Второе поэтическое дыхание я получил уже в Ульяновске, в литобъединении «Надежда», которое вел незабвенный Александр Бунин. Он заметил во мне поэтические способности и вывел на дорогу в большую Поэзию.

Наверное, я должен быть доволен своей творческой судьбой. Я выпустил несколько поэтических сборников, публиковался в престижных литературных журналах Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Поволжья и Сибири, в Интернете. Мои стихи переведены на венгерский язык, некоторые стали песнями. Я стал лауреатом международных и региональных литературных конкурсов, журналистских премий, получил массу почетных грамот и благодарностей. А самое главное – внимание и признание читателей.

Я написал, на мой взгляд, немало достойных стихотворений и поэм. Наверное, я мог бы сочинить еще больше, но много творческих сил и времени забирало ремесло журналиста. Надо было содержать и кормить семью. Я безмерно благодарен своей супруге, матери моих обеих дочерей – Наталье Васильевне, которая, как никто другой, понимала меня и поддерживала в трудные минуты. У нас родились две дочери: Екатерина и Мария, растут внучки Дарья, Аня и Лиза.

Поэзия, семья и работа, – вот три точки опоры, которые держали и держат меня на этой земле.

Без читателей нет поэта. Поэтому я очень рад, что довелось стоять у истоков и работать в литературном журнале «Симбирскъ». В нем были опубликованы многие мои стихотворения.

Мое творчество получило высокую оценку критиков, собратьев по перу и любителей поэзии. Однако, как сказала замечательный волгоградский поэт Маргарита Агашина:

– А для меня гораздо больше значит,
Когда, над строчкой голову склоня,
Хоть кто-то вздрогнет,
Кто-нибудь заплачет
И кто-то скажет:
– Это про меня.

Александр ЛАЙКОВ

«РОССИИ ОБНАЖЕННЫЙ НЕРВ...»

из новой книги «Посох Водолея»

* * *

В моем краю в яры вырастают вербы,
А в корни верб – стальные якоря.
В беленых трубах воют злые ветры,
И жизнь хранят сугробы января.

Как ржавый бинт, рывком сорви коросту,
Заройся в снег по локоть – и замри! –
Почувствуешь, как маленький отросток
Толкается в ладошку от земли.

Пускай живет и греется до срока.
Зачем губить зародыш вербы зря?
Его судьба прекрасна и жестока –
Держать корнями в бурю якоря!

ИСТОКИ

Исток мой – устье Волги,
Созвездие проток,
Моряна – ветер волглый
Да горький полынок.

Курганы рыжей масти,
Глухие камыши...
От Дмитрия да Насти
Добро и свет души!

Икрянка, как Непрядва,
В туманах до бровей...
Прабабушкина правда
Расхристанных церквей.

Всхлип филина ночами
Над полем страшных сеч,
Буденовских тачанок
С кар-ртавинкою речь!

Да врытые навечно
Над Волгой и окрест
И обелиска свечка,
И православный крест!

Мне предков с Куликова
Не уронить бы честь.
От Дмитрия Донского
Во мне кровинка есть!

* * *

Анатолию Чеснокову

Я в прошлом столетии печь затопил –
Завыла чугунная выюшка!
Дымком потянуло до самых стропил,
И брагой заполнилась кружка.

А угли с шипеньем стреляли к ногам,
Как брызги ядреной вишневки!
И босый молился с похмелья снегам
Кудрявый поэт из Теньковки.

Замерзнешь, дружище! Ступай-ка ты в дом,
Согрей свою душу и тело...
Опять по России раздор и содом,
И тьма беснянт налетела.

Но рано нам мерить терновый венок,
Обжегшись о холодность мира:
За нами – Россия! Языков и Блок,
И Пушкина звонкая лира!

Подкинем поленьев, чтоб дым к небесам,
Чтоб в стужу запели капли!
А утром поклонимся древним местам,
Где вечнозеленые ели.

А самая старшая память хранит
О встрече друзей достоверно.
...Истлеют дискетки и рухнет гранит,
Одно только Слово бессмертно!

Ты слышишь, дружище, певучую речь?
Не все еще песни допеть!
Кудрявый потомок затопит нам печь,
Чтоб в круг собирались поэты!

* * *

Александр Дашко

Я наелся ягод волчьих.
Стал, как волк, матер.
Посреди заветных строчек
Запалил костер.

Здравствуй, Волга, бакен-пеленг,
И столетний вяз,
С камышом в кувшинках ерик!..
Я сегодня – ваш!

Там, где был я, мир порочен,
Город – нелюдим.
Кто-то плачет, кто хохочет,
Кто-то пьяный в дым.

Кто обрывом, там, где омут,
Два шага – и вниз...
Не рассказывай другому
Про такую жизнь!

Про утраченную нежность
К деревьям и псам,
Как бродил я, безутешен,
По глухим лесам.

Как зверел в плену бессонниц,
Как, бывало, пил...
Не предал друзей, и совесть,
И кого любил!

А вот к небу был причастен:
Я – рыбацкий внук,
Заселял, как Бог, – Прикаспий
Малышней белуг!

В ПВО, на дальней «точке»
Был судьбой храним.
...Я хочу не ягод волчьих –
Горсточку рябин!

* * *

Это осень, мама, осень.
Иней на траве.
И роятся мысли-осы
В грешной голове.

Облетает рыжий волос –
Плата за стихи.
И, как будто расколось,
Сердце от тоски.

Вспоминаю Волгу, вербы,
Первые слова...
Как давно я дома не был,
Не колол дрова!

Сор в глаза и драйв по нервам,
Но назло врагам
Остаюсь, как бакен, верным
Здесьним берегам!

Здесь – цветы живые в банке –
Память о сестре.
Я поправлю фото в рамке
На седом бугре...

А года бегут, как поезд,
И резвей коня!
Но чиста душа и совесть
В черной злобе дня.

Здесь – печаль моя и радость,
Горе от ума,
И любовь с горчинкой малость,
Посох да сума.

Сколько я сапог протопал
Пешим по Руси!
Жди меня, дружище-тополь,
Вишня, не грусти!

Завтра к отчету порогу
Выйду на заре.
...По утрам знобит немного –
Осень на дворе.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

*Жизнь! Нечаянная радость.
Анатолий Жигулин*

Здравствуй, мама! Я приехал.
Сколько света в этот день!
Даже тени от ореха
Упорхнули за плетень!

Где же праздничная скатерть?
Рыбный с корочкой пирог?
Слышу я сквозь стон и кашель:
«Захворала я, сынок.

Все болит, и нету мочи.
Иссушила жажда плоть.
Видно, в пасмурную осень
Приберет меня Господь».

Леденящий мамин голос
Сердце трогает до слез...
Поседел, посеся волос
Смоляных роскошных кос.

Подкосила маму старость:
Все там будем в свой черед.
Жизнь – нечаянная радость!
Сыновья продолжают род.

* * *

*Ночью приходила мама
и светила фонариком.
Сон*

Она приходит ночью.
Фонариком посветит
И говорит: «Сыночек...» –
Живая, как до смерти.

Стоит белее мела,
И дышит невесомо
Горюет, что без тела
И не ночует дома...

На краешек кровати,
Присядет до рассвета
В застиранном халате,
Мерцая каплей света.

И строго так накажет
Племяннице и братьям:
«Живите дружно, Саша.
А дом не продавайте!».

От ледяного вздоха
Мне одеяла мало...
...Как ночью было плохо!
И приходила мама.

* * *

Брату Евгению

Давай, братишка, сядем в лодку,
Но никуда не поплывем...
И горькую, как свадьба, водку
По кружкам мерно разольем.

Помянем матушку вначале.
В раздумье, молча, посидим...
На кладбище всегда печально,
Но даже грешник – несудим.

А мы не ангелы, братишка,
В стране манкуртов и химер.
Моя неизданная книжка –
России обнаженный нерв.

И ты не прячь свои мозоли,
Разводы шрамов и морщин.
Ведь нам преподавали в школе:
Они достоинство мужчин!

Какая свежесть по утрянке?!
Давай, дыши, рабочий класс!
Какие женщины с Икрянки
Влюблились безответно в нас!

А мы от правды не юлили,
Поджав, как псы, понуро хвост...
Любили женщин! Честно жили,
Пусть не хватало с неба звезд.

* * *

*В белом венчике из роз
Впереди – Иисус Христос!
Александр Блок «Двенадцать»*

Зачем ты смотришь, как над Русью
Скользит ущербная луна?
В часы прозрения и грусти
Не стой у мерзлого окна.

Оно, как прорубь на Икрянке,
Хранит мятежные следы...
Мои ровесники – подранки
Своей эпохи и судьбы.

Зачем прекрасное далеко
Внушают грешные уста?
Давай-ка, почитаем Блока
О заблуждении Христа.

Зачем он шел, роняя розы,
С толпой, мятущейся во мгле?
Зачем поверил в «красный» лозунг
О царстве райском на земле?

Как будто не было от рода
Голгоф и бунтов на Руси...
Толпа злопамятней народа,
Который все давно простил.

А ты в смятенье до озноба
О чем задумался в тиши?
Страшней, чем мнимая свобода,
Опустошение души!

Зачем морозные узоры
Ты лбом расплавил на стекле?
А вдруг пригрезится «Аврора»
Иль призрак Сталина в Кремле?!

ЧИТАЯ «ГОРЕ ОТ УМА»

Опять читаю «Горе от ума»,
Хочу, как Чацкий колесить по свету!
Но кто подаст придворную карету?
Есть только вера, посох да сума,

Трава да колорадские жуки
В деревне Суходол на старой даче.
А впереди безрадостно маячат
Мои безгонорарные стихи.

И хорошо, что Софья не жена,
Хоть с колыбели – без труда! – богата.
Зачем ей нищая моя зарплата?
В Молчалина красotka влюблена.

А он хитрец, – не ведает она! –
Торгаш, пройдоха и умом отмечен,
Валяет дурака, почти как Сечин...
Что делать, брат? Такая вот страна.

Предания глубокой старины...
Но как по-русски современны строки!
Мздоимцы... Дураки... Еще дороги...
Но, слава Богу, нет большой войны.

Хотя вчера обмолвилась кума,
Что Сирия с Россией, мол, едины...
Тут явно не хватает Украины.
...Опять читаю «Горе от ума».

СВЕТАЕТ

Ничего не приходит на память:
Ни имен, ни событий, ни дат...
Но все время отчаянно тянет
Выйти ночью в намокнувший сад.

Там на ветках змеиные тени,
И луны апельсиновый срез,
И дурман от персидской сирени
Вдоль Икрянки разносит норд-вест.

Шебуршат моложавые листья
В предвкушении весенних дождей...
И рождаются вещие мысли
В голове поседевшей моей.

Хлопнет ветер распахнутой ставней –
Хлынет в горницу солнечный свет...
И пойму я, что в мире – светает
И с природой един человек!

БАЛЛАДА О ПРОШЛОМ

Т.С.

В том городе древнем, в прекрасном былом,
Где белая лебедь взмахнула крылом,

Где кремль белокаменный с Волгою слит,
Где пахнет арбузом от мраморных плит

И вяленой воблой с пути на причал,
Где я с теплохода девчонку встречал,

Где сохнут туманы над речкой бельем...
Не все зарастает на свете бельем!

Ты веришь, любимая? – Не унывай!
Стрекочет по рельсам веселый трамвай

Вдоль пыльных кварталов, зеленых аллей,
Душистых акаций и тополей

В старинный прибрежный раскидистый парк,
Где ворон встречает по прозвищу «Кар-рк!»,

Где веет прохладой с кувшинками пруд –
Его «Лебединым» в народе зовут!

Ты помнишь, любимая? – Не унывай!
Стрекочет по рельсам веселый трамвай!

А снега акаций бредут чередой,
Туда где грохочет о сваи прибор,

Где рвет паруса и флагштоки норд-вест
И чалится к пристани яхта «Прогресс».

Ты слышишь, любимая? – Не унывай!
Стрекочет по рельсам веселый трамвай...

А вот и скамейка. Ракиновый куст.
Я в трансе и весь в обновлении чувств!

Мы здесь целовались с тобою до звезд,
Любовь начиналась, как песня, всерьез!

А помнишь, ходили на солнечный пляж,
Где столько прелестных Татьян и Наташ?

Но ты мне казалась прекраснее всех!
Тогда я не верил в измену и секс.

Но годы уходят, как яхты в рассвет.
Ты – знатная дама, я – скромный поэт.

Соленые брызги, горячий песок –
Ложатся потери свинцом на висок.

Но знаешь, любимая? – Не унывай!
Стрекочет по рельсам веселый трамвай...

Мой город на Волге – спасательный круг.
Зачем ты уехала в свой Петербург?

Там тоже туманы над речкой бельем...
Но белая лебедь не машет крылом!

КАЛМЫЧКА

Ироническое

У меня была калмычка –
И красива, и смугла,
Щебетала, словно птичка,
Как лебедушка плыла!

Я – учитель в сельской школе,
Культработником она.
И паслись у клуба кони,
На трубе спала луна.

И гремела дискотека
По рыбацкому селу...
Мы сбегали до рассвета
В храм калмыцкий – Хуруллу.

Как черешня млели губы,
Щеки – мед и алыча!
Звал ее по-русски Люба,
Рифмы на ухо шепча...

Дело шло путем обычным,
Неподвластное перу...
...Как живешь, моя калмычка,
С кем ты ходишь в Хуруллу?!

* * *

Ты помнишь, милая, «восьмиметровку»,
На камеру похожую точь-в-точь?
Там я распил с прорабом поллитровку,
Обмыв в традициях народных дочь.

Поздравили тебя... А после пьяно
Тянули вечное: «Шуме-ел ка-амыш...»,
И капала, как ямб, вода из крана,
И свиристел в клетушке глупый чиж.

Летели дни, крутятся, – почти по Блоку! –
В тоске и быте корчилась душа...
И дар писать – мне в жизни вышел боком,
А дар любить – не стоит ни гроша.

И я хотел оставить все на свете,
В одном плаще навеки кануть в ночь...
Но ты вязала шарф, и взгляд был светел,
И мне лимон протягивала дочь.

Который круг отмерила природа?
Вторая дочка – вылитая мать!
Живем в ладу. Не вышли из народа.
Квартира есть... Чего еще желать?

Но сердце щемит все, и тянет странно
В ту комнату, к друзьям, в сырую тишь,
Где капает, как ямб, вода из крана,
И свиристит в клетушке глупый чиж.

* * *

Я не плачу и не смеюсь,
И задор мой давно угас...
А ночами я вновь молось
За рассвет твоих карих глаз.

За смешные ямочки щек,
За испуг переспелых губ,
За волос твоих русский шелк
И за то, что тебе я – люб!

Хорошо нам с тобой вдвоем,
Дышим песенно в полутакт!
Мы долюбим и допоем
И отправим любовь в «Контакт».

Я не плачу и не смеюсь,
А глотаю горечь рябин...
Слава Богу – за то молось,
Что я был на земле любим!

Натали

«Кто читает стихи? Наверное, самые неравнодушные люди... Кто пишет стихи? Наверное, те, кто не может жить иначе: вне чувства ритма, измененного сердцебиения, ответственности перед каждым написанным словом, мысли, воплощенной в ритм и рифму. Стихи Александра Филатова наполнены чувством Родины, ее болью, проблемами, радостями. Гордость за Отечество и патриотизм не просто красивые слова, а реальное отношение к стране, в которой родился, живет и трудится замечательный, искренний и разносторонний в своих талантах Александр Филатов! Поэтический конкурс «ДЕЛЬТАПЛАН» желает Александру красивого и незабываемого полета в мире поэзии».

С уважением, заслуженная артистка России, лауреат Государственной премии СССР Елена Борзова (учредитель Международного поэтического конкурса Николая Зиновьева «ДЕЛЬТАПЛАН», супруга поэта).

Александр ФИЛАТОВ, член Союза писателей России, автор и исполнитель эстрадных песен.

СТУПЕНЬ. «Я ТРОПАМИ НЕ ИСЧИСЛЯЮ СМЫСЛ...»

*Послушай, преданный читатель,
Задачку я тебе задам:
Пока не вымер птеродактиль,
То где-то был и птероямб?*

*Крылат, но к рифме беззащитен –
И развернулся графоман...
Их всех сразил однажды критик –
Законченный клеветоман.*

ТРОПЫ

Я тропами не исчисляю смысл,
Своей тропой пришедший в мир Эвтерпы,
Мой путь был и извилист, и тернист,
И все же он заранее начертан.

Его никто не мог мне сразу дать,
Иначе в чем интрига постановки,
И как бы мог я думать и писать,
Когда бы знал, что это под диктовку?

Когда выходишь ты из пункта А,
И лишь обратный адрес – «Неотсюда»,
Куда идти – задачка не нова,
И все равно наш мучает рассудок,

Но вот тропинки все слились в одну,
И горизонт открылся предо мною,
И, как у всех, отныне на кону
Мое предназначение земное...

КОММУНАЛКА

Все это так, хоть нам бывает жалко,
Когда кривая вдруг уводит вниз:
Вся наша жизнь, по сути, коммуналка,
И с кем в ней жить – всегда сплошной сюрприз.
Случайных лиц, пусть нелюбезных,

Мы терпеливо носим жребий свой,
Насколько позволяет деликатность,
Коль дружим – не по сердцу – с головой.
Шумят соседи, склоки на работе –
Да как же можно так, японка мать?!
Вы на ходу с маршрута не сойдете,
Сокамерников вам не выбирать...
Вам социум не выдаст выходного,
Обязанностей груз не облегчит,
Не преступить грань личности другого –
В том человечность вся и состоит?
Но жребий, как в рулетке, бессистемен,
По воле рока и помимо нас –
И мы всегда практически не с теми,
И вечно лучше там, где нету нас!

БЛИЗНЕЦЫ

Мы только с виду не похожи –
Из хижин рвемся во дворцы,
А приглядишься – одно и то же,
Такие люди-близнецы.
Мы одинаково страдаем,
И радость пробуем на зуб,
Но о себе воображаем,
Как будто у Земли есть пуп.
Мы носим разные одежды,
Так, словно есть особый вкус,
Но то, что возникает между –
Лишь паутина общих уз.
В любви здесь каждый одинаков –
Природа посылает зов,
И даже знаки Зодиака
Не разделяют близнецов.
Пусть человечество роится,
Как та пчелиная семья,
Нам никогда не разделиться,
Как близнецам, на ты и я...

От одинакового света
Глаза пытаемся укрыть:
Мы топчем общую планету –
Так что же нам тогда делить?

ТЩЕТА

«Уж сколько их упало в эту бездну...»

Уж сколько их упало в эту тщетность,
Биенье детской страсти растеряв,
Короткие в горении кометы,
Вступающие в возрасты неправд.

Уж сколько их напрасно пролетело,
Остепенившись в поисках себя,
Обрюзгло, помельчало, поземлело,
Свою мечту под бытом погребя.

Сценарий неминуемо сбывался –
Кто бы ни бил себя в худую грудь,
Всяк все равно однажды с`обывался,
Ища под небом самый легкий путь.

Одежек ярких выbleкали моды,
Адреналин надпочечный стихал –
Брюшко навывает, ломка от погоды,
Венчает все карьерный идеал.

В белье зарывшись, в сводах и разводах,
Читать, писать, играть уж недосуг –
Кто этой жизнью беличьей замотан,
Уже не может вырваться за круг.

Уж скольких видел я и вижу новых,
Что вступят вновь на ту же колею,
Мне этот образ тоже продиктован –
Я помню всех, но не на том стою...

...Уж сколько их упало в эту тщетность
Рутинны бытия!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности себя...

ГАДЖЕТЫ

Человек важнее телефона,
И микроволновки, и компа,
Даже если в мире воплощенном
Все сегодня выглядит не так.

Даже если с виду вам дороже
Новый электрический уют,
Не спешите клясться – дескать, Боже,
У меня теперь есть лучший друг.

Коль приобретете вы машину –
Нежные округлости бортов –
Не ходите с видом петушиным,
Мол, смотрите, вечная любовь!

Словно счастье полностью в кармане
(Ну, на крайний случай, в гараже),
Как косяк при старом наркомане,
Как Мисс мира вся без неглиже.

Гаджетов различных век недолог –
Поллюбить их все не хватит сил,
Хоть в эпоху мифов электронных
Гаджет нам природу заменил...

Люди – уходящая натура,
Всюду бум источников тепла:
Тел и душ сложна акупунктура,
Ну а тут – нажал, и все дела...

ПОСТОРОННИЙ

Я для вас - незримый наблюдатель:
Не вмещаюсь, в дверь не постучу,
Никаких прошений не податель,
Я вас никогда не огорчу.
Я вас ни к чему не приглашаю,
Ни о чем вовеки не спрошу,
Не корю, не лгу, не избегаю,
И навстречу вовсе не спешу.
И не жду, и ждать не предлагаю,
К вам не поднимая головы,
Только никогда не забываю,
Что живете тоже где-то вы.
Чтобы было нам двоим спокойней
Даже не заметите вы мой
Добрый взгляд, изрядно посторонний –
Лучик человека за спиной...
Пусть волна накатит за волною,
Вас я никогда не огорчу,
Потому что дверь я не открою,
Потому что даже не стучу...

ХВОСТЫ

Есть у животных этот внешний орган,
Как символ их дичания в лесах –
Их за него так нравится нам дергать,
Будь он хоть в пятнах или в полосах.

И эта незатейливая няшность,
Пушистость окончания спины,
Не отпадет, и дважды одомашнив,
А люди только с виду лишены.

Как много этих длинных атавизмов
Мы тянем за собою в полный рост –
Из горечи, из злобы и цинизма
И человек порой имеет хвост.

Хвосты у нас в работе и в учебе,
И даже, что немислимо, в любви –
Весь путь земной подчас хвостоподобен,
При этом редко хвостоисправим.

Коньки отбросить нам бывает просто –
Отбросить хвост попробуй-ка во мхи!
Жить хорошо оскаленным прохвостам,
И рифмовать хвостовские стихи...

Не хвастаясь читателей лишь ради,
Мы без хвостов – нагие короли:
Хороший хвост ничуть не маскараден,
Свои следы замечаем им...

ПИОНЕР

В оценках появляются нюансы,
Кто матери-истории ценней,
Но истинных масштабов резонанса
При жизни нам, увы, не знать своей.

Поплыл однажды мирный открыватель
В научных целях в Индию на спор:
Возликовал испанский обыватель –
Сухим на берег вышел Христофор.

Не знал он об индейском людоедстве,
И не смирил моряцкий свой инстинкт:
Как часто польза просто в... домоседстве –
Особенно ступая в Лабиринт.

Он был католик набожный, как Папа,
Нес дикарям свой лидерский пример,
Задумайтесь, ведь не было б... и Трампа,
Когда б не этот первый пионер!

Великое случается побочно,
И из смешного может вытекать:
Когда не знаешь, что откроешь точно,
То, может, лучше и не открывать?..

ПРЫЖОК

Старый волк, уставший и понурый,
Умудренный множеством забот,
Не поклонник стайного сумбура
Псом побитым по тропе ползет.
Что случилось с этаким воякой –
В хватке мертвой что ли ослабел,
И скулит плешивою собакой
От обид, оставшись не у дел?
Не свою от бед спасая шкуру,
В аристократическом бреду,
Благородно выписав фигуру,
Тотчас потерял свою среду.
Пусть грешил немного каламбуром,
Но, определенно, не прохвост –
Он вожак, защитник по натуре,
Неудачно прыгнул в полный рост.
Он бы мог, наверно, отсидеться
В собственной с удобствами норе,
За забором зверского эстетства,
В диком повсеместном недобре.
Суть поступка понята превратно –
Так ли, в самом деле, он матер,
Коль своим прыжком неаккуратным
Опроверг естественный отбор?
В пустоте щенячьей кувыркнулся,
Не найдя опоры в этот раз...
Кто кричит: «Акела промахнулся» –
Разве он прицеливался в вас?!

ФАРВАТЕР

Я шел в кильватере разных людей,
Известных и просто... свободных,
Чужих испытаний и громких идей,
Мелодий забытых, немодных.
И жизненных далей, открытых не мной,
И чьих-то суждений предвзятых,
Не зная одной лишь дороги прямой –
Свой собственный верный фарватер.
Пытаясь найти его, якорь бросал,
Рискуя разбиться о рифы,
Иль шел сквозь толпу, как меж движущих скал, –
В поддержку реальности мифа.
В строю не своих, но стальных кораблей,
Запутавшись в координатах,
Я шел в кильватере разных людей,
На траверзах мыслей распятой...

СТУПЕНЬ

Как сломать свой многолетний быт,
Как ступень отбросить от ракеты,
В миг, когда падением поэту
Фактор притяжения грозит?
В миг, когда стреножены мечты
От невыносимого балласта:
Так всепроникает постоянство –
Кажется, оно само есть ты.
Начинать с нуля позднее всех –
Это в нашей жизни против правил,
Но другой надежды не оставил
Богом не подаренный успех.
Что имеем, век не сохраним,
Сохраняя вектор против шерсти –
В упоенье этой круговертью
Не остаться вечно молодым.
Потому в динамике себя
Вынужденно проявляя черствость,
Приближаем проклятую взрослость,
Времени из кокона грозя.
Кто мы есть, пойдем на стыке плит, –
Чтобы не погибнуть на разломе,
Нас уже ничто не остановит, –
В сердце имплантируя гранит.
Наперегонки с самим собой,
И с эпохой, будь она неладна,
Спотыкнешься и сойдешь с экрана,
Времени проигрывая бой.
Выбор, как обычно, невелик –
Выгореть почти до разрушенья
И взорвать свой космос ускореньем,
Чтоб очнуться в новизне орбит...

Андрей ЦУХЛОВ, член Союза писателей России, поэт, прозаик. Автор книг «Четвергвый дождь», «После четвергового дождя», «Сверчок и поезд».

ГРОШ ЦЕНА

рассказ

Федор Трифонов был ничем не примечательной личностью, но заурядным человеком его тоже назвать было нельзя. В своем «подсороковнике» он сохранил достаточно подросткового, и даже детского простодушия, и можно сказать, что он до сих пор как следует не повзрослел. Худая собака до старости щенков – он слегка обижался на такие заглазные слова в свой адрес, и было странно порой ощущать себя пацаном с седеющими висками. С женой Екатериной он жил сносно, играл вечерами в шашки с сыном третьеклассником, и супруга их обоих называла «мальчишками», когда просила в чем-то помочь по хозяйству или провозглашала время ужина. Переходить сразу из стадии «юноши бледного» в «мужичка потрепанного жизнью» было неприятно, но быть мужиком, сильным, принимающим решения с ударом кулаком по столу, удавалось редко. Муж голова, а жена шея – эта народная пошлость еще со свадьбы сидела в сознании и воплощалась в жизнь. Впрочем, такая семейная субординация вполне устраивала Федора.

Кстати, шея последнее время все чаще начала побаливать, видимо, уже стали изнашиваться суставы. Спортом Федор никаким не занимался, считал это глупостями, пустой тратой времени. А работа-то была все сидячая – он искал, словно блох в шевелюре, ошибки в газетных полосах, и назывался – согласно штатному расписанию – «корректором». Было в этом слове что-то бездушное, будто Федор превращался в некий прибор, карандаш, текстовый редактор в компьютере. Его охватывала тоска, когда он читал: «В рамках заседания были рассмотрены ряд актуальных вопросов, затрагивающих систему жилищно-коммунального хозяйства. Заместитель директора муниципального предприятия «Рога и Копыта – Сервис» Иван Иванович Растакойтов отметил, что во исполнение поручения главы администрации будут приложены все усилия для обеспечения...». «Опять журналисты не напрягались, пресс-релиз передрали, а мне эту «тухлятину» вычитывать...» – думал Федор. Иногда, кроме запятых и грамматических ошибок, корректор Трифонов

приводил тексты в опрятный вид, делал их удобочитаемыми. Но обычно он был просто беспристрастным постановщиком либо расстановщиком запятых, потому что рассудил, что труд, особенно творческий, должен оплачиваться лучше. А повышать скромную зарплату сотруднику «Заволжского вестника» Трифонову никто не собирался.

Надо сказать, что наш герой вовсе героем не был. Скромник, он всегда чувствовал себя неудобно, когда в общественном транспорте (а в городе N это были в основном «маршрутки») он сидел, а затем в салоне появлялась девушка-женщина-бабушка, его охватывало состояние томительного неудобства, полустыда, хотелось встать, уступить место, но именно своим вставанием и обращением он боялся обидеть пассажира. Оставалось сделать вид, что погружен в свои мысли, в смартфон, в едущий заоконный пейзаж, унылый, надоевший, изученный за многие годы до каждого куста, дерева и столба. Каждый день, каждый день... Поэтому он взял за привычку вообще не садиться, потому что все равно на следующих остановках обязательно войдет кто-то более достойный – противоположного пола или преклонного возраста.

В последние пять лет мечты свои он подгонял под зарплату. Каждый раз он хотел побывать в Африке и взобраться на Килиманджаро, но из года в год деньги уходили в песок приволжского пляжа и чернозем своего дачного участка – приходилось сажать помидоры, огурцы, морковку, всякие кабачки, собирать яблоки. А потом – консервировать, консервировать и консервировать, благо в гараже есть большой погреб. Что делать, так получается меньше денег оставлять в продуктовом магазине. И чем дальше, тем явственней понимал Федор: больше не будет в жизни значительных изменений к лучшему, не будет чудес, не будет богатства, не будет снежной африканской вершины.

Впрочем, было у Федора одно увлечение, за которое его уважали немногочисленные, но постоянные друзья. Неизвестно почему, но он тяготел к старым вещам. Жена всегда их норовила выбросить, а Федору все было жалко. И – слава обстоятельствам – был у него собственный Храм Сохраненного Времени, прибежище вещей-пенсионеров, вещей-бодрячков, вещей-доходяг. В «миру» это уютное место называлось обыденным словом «гараж», Федор же именовал его «келья». Только там он обретал душевное равновесие, среди вселенского б/у. Приходили друзья и сидели, выпивали и закусывали, обсуждая самое важное, самое злободневное, самое тревожное. Как будет выглядеть человек через пять тысяч лет (наверно, лысый, маленький, с огромной башкой, с органами-запчастями, а половых признаков вообще не будет, и каждый будет кто во что горазд, людишки-конструкторы), были ли американцы на Луне или это все телекартинка, в каком году будет колонизирован Марс, какие колесные диски для наших дорог лучше – литые или штампованные, когда начнут вживлять чипы для всеобщей тоталитарной слежки, когда вымрут русские. Иногда беспешные разговоры выливались в жаркие споры, особенно когда дело касалось политики. Но обычно темы были космического масштаба. Может, их и навевал гараж-музей, гараж-обитель, куда женщинам, а значит, суете и нервам, был путь заказан. Здесь не было тиранов-начальников, самодуров-чиновников. Можно было спуститься в погреб, пусть хо-

лодный, но полный вкусных «нештяков», – соленых помидорчиков, огурчиков, рыжичков, кабачковой икры. Там же, в кромешной тьме, притаилась бутылка с ароматным хлебным самогоном, которым снабжал Федора друг Серега.

Господи, как хорошо, что есть этот гараж, место, куда можно уйти, сбежать, схорониться, уединиться, побыть собой, посидеть с друзьями. Посидеть просто так, без «пользы», без «толку», щедро транжиря время. Вот что тает, словно арктические льды, вырубается, словно тропические леса, утекает в небытие сквозь пальцы, словно чистая пресная вода, осыпается, словно свободное время, вымирает, как орангутанги и панды. Это – возможность быть собой, говорить, что думаешь, что чувствуешь, пить, что захочешь и пить, что вздумается. Употреблять любые слова, в любых формах и конфигурациях. И не постучат соседи в стенку, и не заворчит благоверная, и не «поставит на вид» вышестоящий. Ну и пусть, что машины пока нет. Этот гараж не для автомобиля, этот гараж для людей. Старых-добрых.

А еще – для вещей, тоже старых-добрых. Рука не поднималась отправить в небытие советский приемник «Океан», который до сих пор работал, хрипел, искал на разных частотах станции. Они и вещать давно перестали, а стрелочка «Океана» все равно норовила их найти, эти затонувшие радиомиры. Стоит пощелкать переключателем, почти таким же, как на газовых плитах, вытащить телескопическую антенну, покрутить настройки и поймать что-нибудь этакое, ретро, рок, джаз какой-нибудь. Ну как можно выбросить такую, как говорил Трифонов, «шарманку», если еще подростком, в конце восьмидесятых, он вылавливал в общем шуме Би-Би-Си, «Голос Америки», «Радио «Свобода» и прочую буржуйскую пропаганду. Ну и пусть Екатерина ворчит, дескать, нужно тебе больно это старье, оно, дескать, сохраняет отрицательную энергию... А вот и ничего не отрицательную. Это воспоминания. Это кряхтя еще живет, функционирует. Вещи, сделанные не в Китае, старые кони, которые не портят борозды, пенсионеры-инженеры той еще закалки на оборонном заводе, которые дают фору молодым менеджерам. А как можно выбросить самовар? Да, чай их него не попьешь, сапогом пар не погоняешь, но каков! Пузат, важен, с затейливыми ручками. Достоин того, чтобы просто стоять и красоваться. Ну и пусть стоит. В него Федор наливал теперь напитки покрепче, и пить их из самовара стало почти ритуалом. А эти советские подстаканники? Одним своим видом навевающие поездовые (или поездатые) мысли, стук колес, запах постельного белья, полустанки-станции-города, дорогу, дорогу, дорогу. С этими подстаканниками, с этими гранеными классическими стаканами и чай – с особенным, железнодорожным вкусом. Старенький диван, продавленный, потертый, но все еще зовущий присесть, прилечь, прислониться. Шахматы – играть в которые особое удовольствие – деревянные, увесистые, большие, такими не то что мат поставить, их просто двигать приятно. Да, можно тыкать в экран, но электронные, компьютерные шахматы – это все равно, что резиновая женщина. Федор никогда, конечно, не имел дела с резиновой женщиной, но она прочно стала для него символом всего поддельного, новаторского, бездушно, штампованно-массового. И пусть иногда друзья во время их посиделок убеждали

его, что в будущем технологии станут столь совершенны, что любую представительницу прекрасного пола можно будет купить, и «магазинные» будут в сто раз лучше, Федор в этом вопросе также оставался неоптимально старомоден.

– Нет, ты представь, – говорил ему как-то Серега, затягиваясь трубочкой, которая тоже, в отличие от сигарет, добавляла камерности в гаражное бытие. – Пройдет время, все будем себе баб покупать. С индивидуальным набором функций. С изменяемыми формами, прическами. Этакий кухонный комбайн, с которым и спать можно, и поговорить по душам.

Мысль о «поговорить по душам с комбайном» вызвала общий смех.

– А главное, не выносит мозг, не пилит. Молчит! Молчит, благодать-то какая! – воодушевлялся бородатый Илюха. – Нет этого: «Когда полочку повесишь?! Где шлялся? Опять у Федьки в гараже зависали?»

– Главное: надоела – выключил, – продолжал заглядывать в светлое будущее Серега. – А совсем настояла – пошел – новую купил, или там в лизинг взял...

– А приходишь в магазин, обиженный такой, оформляешь возврат со словами «Вы че мне стерву подсунули?» – «Ну вы же сами просили поестественнее, понатуральнее...» – «Ну не настолько же!» – «А вы в настройках регулировали такие параметры, как «взбалмошность», «обидчивость»?» – «А сразу по умолчанию нельзя выставить, чтобы нормальная была?» – «Ну это вам надо модель попроще, чтобы только по дому работала и чтобы симулировала удовольствие?» – «Как так симулировала? Пусть по-настоящему!» – «Это невозможно, это же робот!» – изображал воображаемый диалог на разные голоса Илья.

– «А у меня и сейчас робот. Со всеми функциями. Такая вот мне досталась дорогая... модель», – с комическим трагизмом заключал Серега.

Снова раскатистый хохот. Сомкнулись антикварные кружки, захрустели соленые огурчики.

– А я вот с машиной не смог бы, – признался Федя.

– Ну и сиди со своим самоваром! – скаламбурил Серега.

Федор встал, обнял самовар, поцеловал его, подставил кружку, открыл краник, и оттуда под одобрительные звуки одобрения зажурчал коньяк...

Все гаражи в чем-то похожи. Это форма, а вот чем ее заполнить – вопрос личный. Кто-то в гаражном кооперативе использовал свой бокс просто, чтобы ставить машину на зиму. Кто-то как погреб, хранил там картошку, моркошку, капусту, банки. Некий ушлый мужичонка оборудовал у себя в гараже обогреваемое любовное ложе, романтически его обставил – цветочки, свечи – и водил туда разных фурий, ехидн, валькирий и прочих наяд. То-то его жена удивлялась, почему его новая иномарка так часто ломается... Был в кооперативе и гараж-мастерская: его хозяин поставил столлярный станок и мастерил стулья, столики, тумбочки, тем самым нанося непоправимый вред государству, уклоняясь от налогов, проверок и прочих административных прелестей российской действительности. А вот через семь боксов от гаража Федора – вообще бодяжили левый алкоголь, лепили на бутылки этикетки дорогого коньяка, виски и водки. Иногда по ночам к этому гаражу подъезжала грузовая «ГАЗель», из которого выгружали большую емкость со спиртом неведомого происхождения. Водка делалась простым

разбавлением водой из ближайшей колонки. Коньяк производили куда более сложным способом: в уже готовую «водку» для насыщенного цвета добавлялся самый дерьмовый чай, а для неповторимого аромата – опилки, позаимствованные у мужика-уклониста от налогов; это все настаивалось пару недель, после чего растекалось убивать нетребовательных алкающих сограждан. А вот Федор в гараже спасался, как монах, хотя его отшельничество случалось только по выходным. Спасался он, как правило, с братией, но порой и без оной.

А еще в гараже Трифонова нашли приют старые письма, деревянные ящики от посылок, многочисленные книги и литературные журналы – «Новый мир», «Нева», «Юность». Когда-то в «перестройку» в них печатали много чего хорошего. К электронным и аудиокнигам Федор так не приучился, а вот почитать он иногда любил, но так, чтобы не мешал никто, не отвлекал. Поэтому гараж стал не только кельей и баром, но и библиотекой. Там же в последнее время он начал пописывать небольшие рассказы, которые с неохотой брал в печать местный «Литературный вестник». Благо профессиональная грамотность позволяла Федору выдавать на-гора вполне приличные тексты. Из скромности он не называл их рассказами, он так и говорил: тексты.

В гараже он написал о мальчике, который в первый раз выудил в реке рыбу, чему сначала был очень рад, а потом не смог видеть, как рыба задыхается, корчится, бьет хвостом. Как потом не мог эту рыбу есть, а потом она ему снилась, он просил у нее прощения. Рыба его так и не простила, и он сначала стал все больше молчать, а потом и вовсе онемел. А однажды он разгромил рыбный ларек на рынке, после чего получил условный срок. А еще ему казалось, что у всех людей вокруг – рыбы глаза. Редактор литжурнала, наминающий седого крота, этот рассказ взял в печать со скрипом, сказав: «Что-то у вас, Федор Петрович, все как-то мрачно. Так, конечно, читать увлекательно, есть проблематика кризиса гуманизма современного общества, некий надрыв, так сказать... Но давайте в следующий раз что-нибудь более, так сказать, жизнеутверждающее... А то наше руководство прочтет и бюджет нам порежет, так сказать... Где, мол, лучезарность жизни, где вздохи на скамейке, объятья ветра, трели соловья... А тут ни тебе трелей, ни любви, – рыба какая-то, так сказать, с запахом уныния...». Федор пообещал исправиться, но художественная правда взяла верх: через месяц он принес «кроту» маленькую повестушку, в которой описана деградация алкоголика Павлуши. Сначала он молод и беспечен, веселые застолья, смешные ситуации, удалые авантюры. Потом залить в себя спирт становится главной целью в жизни, персонаж теряет девушку, стремительно старится, ломает себе челюсть, падая с мотоцикла, и в итоге превращается в тупое, злое, покалеченное животное, пропивает свою квартиру. В финале он погибает, раздавленный в подворотне случайно во сне грузовиком. А в это время ему снится: он маленький, играет во дворе их дома со своей двоюродной сестренкой, они смеются, мама зовет их домой ужинать. Сестренка убежала, дверь за ней захлопнулась. А Павлушка войти домой не может. Изнутри скрипнул засов. «Мама! Впусти меня, – кричит он, задрал голову, – я пить хочу!». «Не пуцу, ты уже все в доме выпил!» – отклик-

нулась мать чужим голосом. Тут Павлушка споткнулся о шланг (а в шланге-то водка, водка!), упал, а на него свалилось сгнившее дерево, из-под которого уже выбраться не было сил...

– Так-то написано талантливо, но почему опять, так сказать, такая безнадега?! – бормотал редактор-крот. Напиши, что он в итоге раскаялся, пошел в церковь там, случилось чудо и он излечился. А в таком виде я напечатать не могу, нет, так сказать, катарсиса, позитива.

Федор ничего переделывать не стал и отложил это прозаическое творение в долгий ящик.

* * *

На этот раз компания была тоже вполне классическая – Федор, Серега и Илья. Повод для сбора тоже был классический – всех «задолбала работа», радовала суббота. Перед входом в гараж томились и румянились шашлычки, погреб был проинспектирован на предмет наличия банок с консервированиями, на столе в ожидании сгруппировались пластиковые тарелки, звонкие стеклянные стопки, коробка томатного сока. Самовар был заполнен настойкой на хрене, из-за чего Серега окрестил этот сбор друзей «хреновым собранием».

– Вот что я вам расскажу, побратимы, члены тайного Ордена Прибухатов Выходного Дня, – начал Федор. – Иду я на днях по нашей центральной улице после вычитки полос, устал, глаза утомились, иду, никого не трогаю. Внутри тоска, потому что денежки на исходе, а зарплата только через неделю. В понедельник срок внесения по кредиту, в общем, задница. И тут меня окликают два молодых человека южной национальности: где, говорят, ближайший антикварный магазин? Ну, я антикварные маленько знаю, на улице Карла Маркса, говорю, есть. А они: брат, выручай, работали тут, начальник кинул, денег не заплатил, ехать домой не на что, до отхода автобуса два часа. И показывают монеты. Четыре штуки. Старинные. Вот, говорят, нашли при разборе старых домов во Владимирской области. В ломбард сдавать – не примут, нет российского паспорта. А я, сами знаете, падок на все эти овечьные историей штучки. Глянул: е-мое, а там рубли и полтина 1743 года, деньги периода императрицы Елизаветы. А они еще такие: брат, монеты серебряные, а зачем они нам? На них билеты на автобус не купишь... Подержал я их в руке, и как под цыганским гипнозом говорю: сколько? 400 рублей. А у меня в кармане всего 450, последние. Вот, думаю, мне счастье привалило, серебряные монеты почти за так можно взять, а денег как назло – хренушки, да что ж я за нищеброд за такой!!!

– Вещунья с похвал вскружилась голова, сыр выпал, с ним была плутовка такова, – саркастически заметил Серега и хрустнул огурцом.

– А звонок другу не судьба было сделать? – спросил практичный Илья и потянулся к самоварному кранику.

– Так вот, – продолжил Федор, – давай, говорю, монету одну куплю за 300 рублей. Один из «плутовок» помялся, типа сложно, от сердца отрывает, но согласился: давай. Это я еще и торговался! Иду, монета увесистая, карман прямо прожигает... Добрался до Интернета, смотрю – за такие монеты дают на аукционах тысячу долларов, тысячу триста, полторы. Тут уж

у меня точно голова вскружилась. Еще сильнее я пожалел, что упустил такой супершанс, который дается свыше, да еще раз в жизни. Надо, думаю, было все четыре брать! Быстренько занять у кого-нибудь, да хоть бы у вас вот! Потом бы прибыль поделили!

– И не позвонил-таки. Мы бы тебе мозги вправили, – сказал Илья.

– Я сам обманываться рад, – вздохнул Трифонов. – Ну, жене ничего не сказал, а на работе у журналистов спрашиваю, сколько может такая монета стоить? А мне: ну-ка... Ага, не серебро это ни фига. А откуда? Так, мол, и так. Э, дурачина ты, простофиля. Это китайцы делают весьма качественные копии этих монет, а кто-то вроде таджиков придумали такую вот легенду про Владимирскую область, гада-начальника и срочный автобус. И ведь срабатывает! И ведь верим! После всех «МММ», после всех микрозаймов, «наперстков», суперпылесосов, после всех лохотронов, эсэмэсок про аварию, после всего – верим. Что ж мы за народ такой, богоизбранный или ущербный, не пойму.

– Ты за весь народ не говори, – пробурчал Серега. – Извини, конечно, но, если ты дурак, это еще не значит, что ты – богоизбранный.

– И все, – продолжал Федор, – старинная серебряная монета превратилась в обычную железячку, которой грош цена, вожденная иномарка – в тыкву, хрустальные рюмандели в алюминиевые кружки, нефтегазовые акции в коммунальные счета за квартиру. Птица Обломинго распростерла надо мной свои крыла, включилась губозакаточная мегамашина, и закатала меня вместе с губами целиком... А как я размечтался... Куплю Артемке велосипед, жене шубу – не знаю, зачем она ей, но куплю, съезжу в Африку. Представляете, как это страшно – прожить всю жизнь и никогда не взобраться на Килиманджаро...».

– Страшно, – серьезно сказал Серега.

– Звездец как страшно, – вторил Илья.

Помолчали. Издали доносилась помесь звуков: шумящий поезд, чирикание воробьев, подъехавший за новым алкогольным пойлом фургончик...

Федор вытащил монету из кармана, приложил ее к глазу. Теперь из него смотрел профиль российской императрицы Елизаветы Петровны. Казалось, она подмигнула друзьям.

– Размечтался, одноглазый, – подытожил свое печальное повествование Трифонов.

– А ты вот что, Федя – съел медведя, – подал голос Серега. – Ты об этом рассказ напиши. И считай, что купил сюжет за 300 рублей. Недорого для нормального рассказа.

– А это мысль... Ну, за жизнетворчество, – сказал Федя.

– На фиг такое жизнетворчество, – не согласился Илья.

– За чистую монету, – скаламбурил Серега. – В смысле – примем.

– За то, чтобы выпить в этом составе на Килиманджаро твоей хреновой настойки! – предложил Илья.

– А вот за это – правильно! – воодушевился Трифонов.

И троекратный перезвук стопочек бубенцами прокатился по сумрачному, но такому уютному гаражу.

О ПРОШЛОМ, О ПРОСТОМ, О РУССКОМ...

о стихах Нины Трошиной (р.п. Майна)

Нина Александровна Трошина родилась 15 сентября 1937 года в с. Крюковка Майнского района Ульяновской области. Закончив там начальную школу, продолжила учебу в Майнской средней школе, куда семья переехала на постоянное место жительства.

Затем Нина Александровна поступает в Сенгилеевское педучилище, там задорная, веселая, энергичная девушка была комсоргом и заводилой.

По окончании училища стала учителем начальных классов. Затем Нина Александровна долгое время руководила Майнским Домом пионеров.

Последнее время преподавала в Майнской неполной средней школе. Неизменно она вызывала у своих коллег и учеников восхищение своими творческими способностями.

Нина Александровна – очень активный и позитивный человек, полна идей.

Она на протяжении уже многих лет является активным читателем Майнской районной библиотеки. Интересуется краеведческой литературой, периодически изданиями, в частности, журналами «Мономах», «Симбирскъ». Входит в состав членов клуба любителей книги «Диалог», который работает на базе библиотеки. Принимает активное участие в районном поэтическом фестивале «Ромашковая Русь».

Желание обратиться к землякам с новыми поэтическими откровениями вылилось в создание сборника, в котором взгляд в минувшее («Где вы, юные годы мой?») продолжается ярким восприятием происходящего («Встречному ветру я песню пою») и желанием заглянуть в будущее («Мне надо многое успеть»).

Есть в творчестве Нины Трошиной стихи и о Великой Отечественной войне. Военные годы опалили детство Нины Александровны, поэтому так убедительны ее строки о пережитом. В Майнской районной библиотеке на вечере воспоминаний «Свет из страны детства», проходившем в канун 9 Мая, Нина Трошина рассказала о своем военном детстве и прочла стихи из своего сборника «О прошлом, о простом, о русском...». Н. Трошина – лирик и настоящий гражданин, искренне любящий свою большую и малую родину.

ГОНЦЫ ВЕСНЫ

Лишь солнышка лучи смелее стали,
По веткам свои брызги разбросали,
Вмиг заалели белоствольные березы,
Сменили цвет на лепестки от розы...
Еще не слышно соловьиной трели,
А лес покоится еще в своей постели,
Но в пирамидах изумрудных елей
Две птахи гимн – весны приход – запели.
Пушинки вербы на руке не тают,
Лишь бархатом на солнышке играют,
А у корней белеющих берез
Запел ручей – гонец весенних грез.
Там, на проталинке грудастый грач резвится,
В прозрачной луже отражение дивится –
Царица-птица гордо выступает,
На брачный танец друга приглашает.
Хрустальным звоном тающей капели
Березки косы на ветру звенели...
И падали на снег с деревьев слезы –
То слезы радости: ушли зимы угрозы.
Снежинки вербы к сердцу прижимаю!
О, птицы, птицы, как вас понимаю!
Придет весна, об этом точно знаю,
А с ней любовь, ее я поджидаю.

НА СКОШЕННОМ ЛУГУ.

Иду по скошенному лугу,
Где шелком стелется трава,
Спешу, как на свиданье к другу,
Да так, что кругом голова...
Трава жгутами ноги вяжет,
Щекочет, ласково бранит,
То слово новой песни скажет,
То музыкой в ушах звенит...
Хочу сполна я насладиться,
Прилечь, укрыться с головой,
Забыться, в сказку превратиться
Под аромат травы густой.
От запаха цветов душистых
Вдохнуть глоток хмельного дня,
Вот стайка облаков пушистых,
Вот луч злаченный... для меня?
То ль в полусне, мечтой влекома,
Стою под солнечной фатой.
И в мироздании знакомом
Я наслаждаюсь красотой.
Мне в радость – песня жаворонка

В прозрачной синей вышине –
И все, что есть в родной сторонке,
Давно запало в душу мне.
И этот луч, и эта птица
С природою живут в ладу...
С годами в памяти хранится,
Когда лугами я иду.

ЗВЕНИТЕ, ГИТАРЫ!

Чуть, чуть подзабыто: вокзалы,
перрон, суматоха.
С трудом пробираюсь
меж спин и тугих рюкзаков.
А там, у вагона,
выводят мотивчик неплохо:
Студенты запели,
и я подпевать им готов!

Гитарные струны, как прежде,
к себе зазывают
Всех тех, кто когда-то
«поехал в тайгу за мечтой».
В вагонах, потом по стране
эти песни звучали,
Давали нам силы
и смело вели за собой.

Под эти мелодии
старились мы и мужали,
Душа оставалась, как прежде,
всегда молодой,
Рук наших творенья
на память стране оставались,
А мы, повзрослевшие, снова
рвались в новый бой.

Скажи мне, дружище,
что с нами вдруг стало:
И где та гитара,
что смело вела за собой?
То ль струны порвались,
в дремучей тайге затерялись,
И кто поспешил дать
отрядам команду «Отбой»?

Костер наш потух,
все уголья в золу превратились:
И ветром, и снегом
следы той поры замело,
Но знаю, я верю, что песни
тех лет чуть забылись,
Припомнить их надо,
для этого время пришло.

Звените, гитары,
походные песни играйте!
Страна призывает,
работы – непочатый край,
В вагонах походные сумки
скорей размещайте,
Попили чайк?
Так ну что ж, старина, запевай!

Татьяна ФЕДОРОВИЧЕВА родилась в 1999 году в селе Кузоватово Ульяновской области.

Татьяна – пятый, желанный ребенок в большой трудолюбивой семье, но так случилось, что малышка появилась на свет без обеих ручек. Однако это обстоятельство не стало препятствием для всестороннего развития девочки, и, несомненно, в этом большая заслуга мамы. Благодаря ежедневным занятиям она многому научила дочку. Таня может самостоятельно держать ложку и тарелку, чистить зубы, пользоваться расческой, делать макияж, работать на компьютере и выполнять любую другую работу. Это очень трудно, но девочка смогла! Она ходила в обычную школу, и у нее много друзей! А еще Таня рисует. Рисует без рук, зажав карандаш или кисть пальцами ног. Талант и упорство, сила воли и труд, целеустремленность и жажда творчества – именно эти качества сделали сегодня Татьяну Федоровичеву настоящей художницей. Когда она давала мастер-класс по рисованию, на нем присутствовала почти вся школа. Ее картины выставлялись на школьных и районных выставках, участвовали в областных конкурсах. Тематика произведений разнообразна, но все работы объединяет одно: они будто излучают свет, выпускают его на волю, озаряют не только то, что изображено на бумаге, но и все вокруг. «Рисует душой», – так говорят о юной художнице. Татьяна – обладательница многих наград и дипломов за победы на различных конкурсах – от районного до межрегионального уровня, является лауреатом премии губернатора Ульяновской области в номинации «Литература и искусство». Чего ей стоят эти победы, до конца знает только сама она.

Татьяна проходила реабилитацию в Большеключищенском реабилитационном центре «Восхождение», где нашла много новых друзей среди детей и взрослых. Здесь произошла важная встреча талантливой девочки со старшим другом Эльвирой Оттовной Вервейн, которая как волонтер сотрудничает с «Восхождением». С тех пор Эльвира Вервейн (сама очень творческий человек, мастерица-рукодельница) стала опекать Татьяну, помогать ей во всем: в жизни, быту, учебе.

Еще Татьяна Федоровичева пишет стихи. Темы в поэтических размышлениях: добро и зло, милосердие и равнодушие, любовь и верность... Про Татьяну говорят, что она очень отзывчивый человек, готовый поддержать любого. Своим энтузиазмом и трудолюбием она зажигает сердца других. Таня уже твердо знает, что именно добрые дела делают мир лучше. Но главная награда для нее – радость в глазах тех, кто ее окружает: мамы, родных, друзей, учителей и соседей. И Татьяна всегда готова эту радость дарить – не только своим творчеством, но и делами. Сейчас Татьяна учится в колледже культуры, получает творческую специальность. Она живет вопреки обстоятельствам и живет не только для себя, но и для других.

1 марта 2018 года открывается выставка рисунков Татьяны Федоровичевой в квартире-музее В.И. Ленина.

Предлагаем вниманию читателей подборку стихов юной художницы и поэтессы Татьяны Федоровичевой.

Татьяна Федоровичева, Эльвира Вервейн и директор РЦ «Восхождение» Н.А. Шишкина

Татьяна ФЕДОРОВИЧЕВА (Кузоватово)

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ, ЛЮБИТЬ И ВЕРИТЬ...

* * *

Зеленоглазая лесами
И светлокожа небесами,
Густые брови-облака
И длинная коса-река.
Улыбка-солнечный закат,
А слезы-леденящий град,
«Чета белеющих берез»
И радуги курносый нос,
Одежда полевых цветов
И разнотравие лугов,
Неоценимый труд осы
И барабанный звук грозы,
Оркестр – звонкий соловей,
Помощник – сильный муравей,
Хранитель красоты земной:
Звон тишины, нетронутый покой.
Защитник свой на каждый век,
Конечно, это человек!

РАВНОДУШИЕ

Лежит на улице мужик
С поломанной душой.
Последний вздох, последний вскрик.
Пока еще живой.

Проходит мимо паренек,
С презрением глядит:
«Наверно, пьяный мужичок.
Пускай себе лежит».
Проходит мимо мальчуган,
Рукой своей махнет:
«Он, как отец, пожалуй, пьян.
Проснется и уйдет».
Придет с собакой старичок,
Потычет костылем:
«Все ясно, пьяный мужичок.
Домой, Полкан, пойдем»
Пройдет девица, сторонясь,
Вздыхает от досады:
«Чтобы попасть в такую грязь,
Как много выпить надо!».
Песчинки времени навек
Сердечный приступ взял.
Ушел из жизни человек,
Ни слова не сказал.
А на счету был каждый миг.
Пожить еще он мог.
Лежал на улице мужик,
Хоть кто-то бы помог..

БЫТЬ ДОБРУ

Визжит холодный и враждебный ветер,
Он не прогонит дружбы детвору
Рука к плечу, а значит, мы Оркестр,
Рука на пояс, значит, быть добру!
Когда дрожит под дождиком котенок,
Нельзя бросать беднягу на ветру,
Ведь будет брать пример родной ребенок.
Котенок дома – значит, быть добру!
Когда душа не станет лицемерить,
Подвластно будет счастье перу,
Пока мы будем жить, любить и верить,
То в мире, без сомненья, быть добру!

ДАРИ ДОБРО

В 2018 году исполняется 15 лет со дня основания реабилитационного центра «Восхождение» (с. Большие Ключищи). Здесь проходят реабилитацию дети-инвалиды до 18 лет, дети с ограниченными возможностями здоровья до 15 лет, дети из малоимущих семей, дети-сироты и дети, находящиеся без попечения родителей, дети с отклонениями в поведении до 15 лет.

За 2017 год РЦ «Восхождение» принял 20 смен детей и подростков на стационарном отделении. Всего на базе центра прошли реабилитацию 620 несовершеннолетних, из них 118 детей-инвалидов. Каждый год центр принимает 620 детей и подростков!

В конце 2017 года сотрудники издательского дома «Ульяновская правда» приняли участие в благотворительной акции, провели мастер-классы и творческие встречи в реабилитационном центре «Восхождение». Сотрудники телевидения ИД «Ульяновская правда» увлекли ребят рассказом о своей работе, заинтересовали профессией журналиста.

НА. Конева – зам. директора Большеключищенской школы с участниками встречи

Запомнилась юным воспитанникам и педагогам РЦ «Восхождение» и творческая встреча с литературным журналом «Симбирск». Главный редактор издания поэт Елена Кувшинникова познакомила слушателей с содержанием журнала, рассказала об авторах – поэтах и писателях нашего края, прочла свои стихи.

Подготовились и слушатели, юные участники встречи читали наизусть стихи Е. Кувшинниковой.

Очень хорошо ребята приняли выступление поэта и барда, члена Союза писателей России, военного врача, прошедшего Чечню, Александра Тимакова. Его песни, и стихи о любви к Родине, чести русского офицера, войне оставили глубокое впечатление.

С большим вниманием взрослые и дети слушали выступление юной поэтессы и художницы Татьяны Федоровичевой. Таня живет в Кузоватове и на эту встречу приехала специально (она желанный гость в реабилитационном центре, была здесь не раз). У этой девочки нет обеих рук, «ограниченные возможности по здоровью», но нет границ у проявления таланта. Таня читала свои стихи.

В празднике приняли участие гости, друзья центра «Восхождение»: Эльвира Оттовна Вервейн – волонтер, мастер прикладного искусства, она благотворительно проводит в центре с детьми-инвалидами

Выступает Александр Тимаков

мастер-классы; Нина Александровна Конева – заместитель директора по УВР, библиотекарь Большеключищенской школы; Светлана Александровна Зудилина – заведующая детским садом «Золотой ключик»

с. Большие Ключищи; Маргарита Васильевна Наумова – библиотекарь взрослой библиотеки с. Б. Ключищи.

Перед слушателями выступила учитель русского языка и литературы Большеключищенской школы Людмила Николаевна Романчева, прочла свои лирические строки.

Участников встречи поприветствовала директор реабилитационного центра «Восхождение» Нина Анатольевна Шишкина. В празднике приняла участие начальник отдела продвижения и маркетинга ИД «Ульяновская правда» Ольга Александровна Урлапова. Она обратилась к слушателям с искренними пожеланиями добра и радости. В дар в библиотеку центра были переданы журналы «Симбирск». В порядке благотворительной помощи от ИД «Ульяновская правда» (директор А.В. Шишов) гости встречи передали сертификат на подписку на первое полугодие 2018 года на все основные издания издательского дома директору РЦ «Восхождение».

На встрече шел душевный разговор о добром и прекрасном, в зале сложилась особая доверительная атмосфера, звучали стихи.

И все же мир спасется добротой.
И даже зло бессильно отступает,
Когда душа сияет красотой,
Смирением и кротостью сияет..
А жизнь идет по кругу, по кольцу,
По обручальному – из детства – к детям.
Вы так добры, вам доброта к лицу.
Что может быть прекраснее на свете!

Вера ЗАХАРОВА

СЕНГИЛЕЙ В АКВАРЕЛЯХ ПАВЛА ЗАХАРОВА

Старинный город Сенгилей красив и живописен в любое время года! С горы открывается глазу «Сенгилеевская панорама», откуда хорошо видны все районы города: центральная (бывшая Казачья слобода), Бутырская и Выборная, названные так в честь сосланных сюда в XVIII веке стрельцов Выборного и Бутырского полков за участие в стрелецком бунте.

В городе сохранились несколько красивых по архитектуре построек 2-й половины XIX века. Это бывший учебный корпус педагогического училища, историко-краеведческий музей, который теряется рядом с ныне выстроенным двухэтажным зданием («Сенгилеевские контрасты»). Также здание уездной земской больницы, отреставрированный Покровский собор, редакция газеты «Волжские зори».

Бывший учебный корпус педагогического училища

С набережной центральной части города видны широкие волжские просторы, где в XX веке все могли наблюдать большие пассажирские теплоходы, быстроходные «Метеоры» и «Ракеты», которые останавливались в Сенгилеевском заливе у причала («Метеор» в заливе).

Покровский собор

Зимой залив покрывается льдом, и жители переходят с центральной части города на Бутырки по льду («Залив зимой»).

В городе имеется рыболовецкое хозяйство, где есть бригады рыбаков и несколько рыболовецких судов, стоящих у причала Бутырской стороны в широком волжском заливе («Рыболовецкое судно»).

А вот и «Двор детства» – три пейзажа из окна, нарисованных в разное время года: ранней весной («Сенгилеевский дворик»), когда мартовское солнце залило ярким светом разноцветное белье, сохнущее на веревках, а в лужах отражаются почти еще голые деревья. И зимний пейзаж («Пушистый снег»), которому созвучны строки из стихотворения местного поэта Сергея Александровича Осипова:

Лебедем белым зима прилетела,
Кипенным пухом засыпала двор,
Крышу накрыла накидкой белой,
Вышила в окнах хрустальный узор.

Наша справка:

Захаров Павел Михайлович родился 5 июля 1940 года в селе Панская Слобода Ульяновского района Ульяновской области. В г. Сенгилее проживает с 1969г. В настоящее время на пенсии.

Рисовать начал до школы. В студенческие годы занимался живописью под руководством художника-акварелиста Панина Петра Григорьевича. Вплотную художественным творчеством занялся в 80-е. В основном пишет природу и портреты.

П.М. Захаров неоднократно участвовал в художественных выставках. В г. Ульяновске персональные выставки проводились в Мемориальном центре и в помещении Ульяновского законодательного собрания. В г. Сенгилее работы П.М. Захарова выставлялись в кинотеатре «Спутник», в педколледже, технологическом техникуме, в школах города и района.

Живописные работы П.М. Захарова находятся в Сенгилеевском краеведческом музее, учебных заведениях города, организациях и частных коллекциях.

СЕНГИЛЕЙ В АКВАРЕЛЯХ ПАВЛА ЗАХАРОВА

«Сенгилеевская панорама». Сенгилей. Вид с горы 2004.

«Сенгилеевские контрасты»

Центральная районная больница. 2002

«Покровский храм». 2006

«Метеор» в заливе»

«Рыболовецкое судно». 2001

«Сенгилеевский дворик», 1996

«Пушистый снег», 2001

КРАСКИ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ТВОРЧЕСТВО
РИСУНКИ ТАНИ ФЕДОРОВИЧЕВОЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИНДИИ

Монастырь во Вриндаване

Внутренний двор храма, где живут брахманы

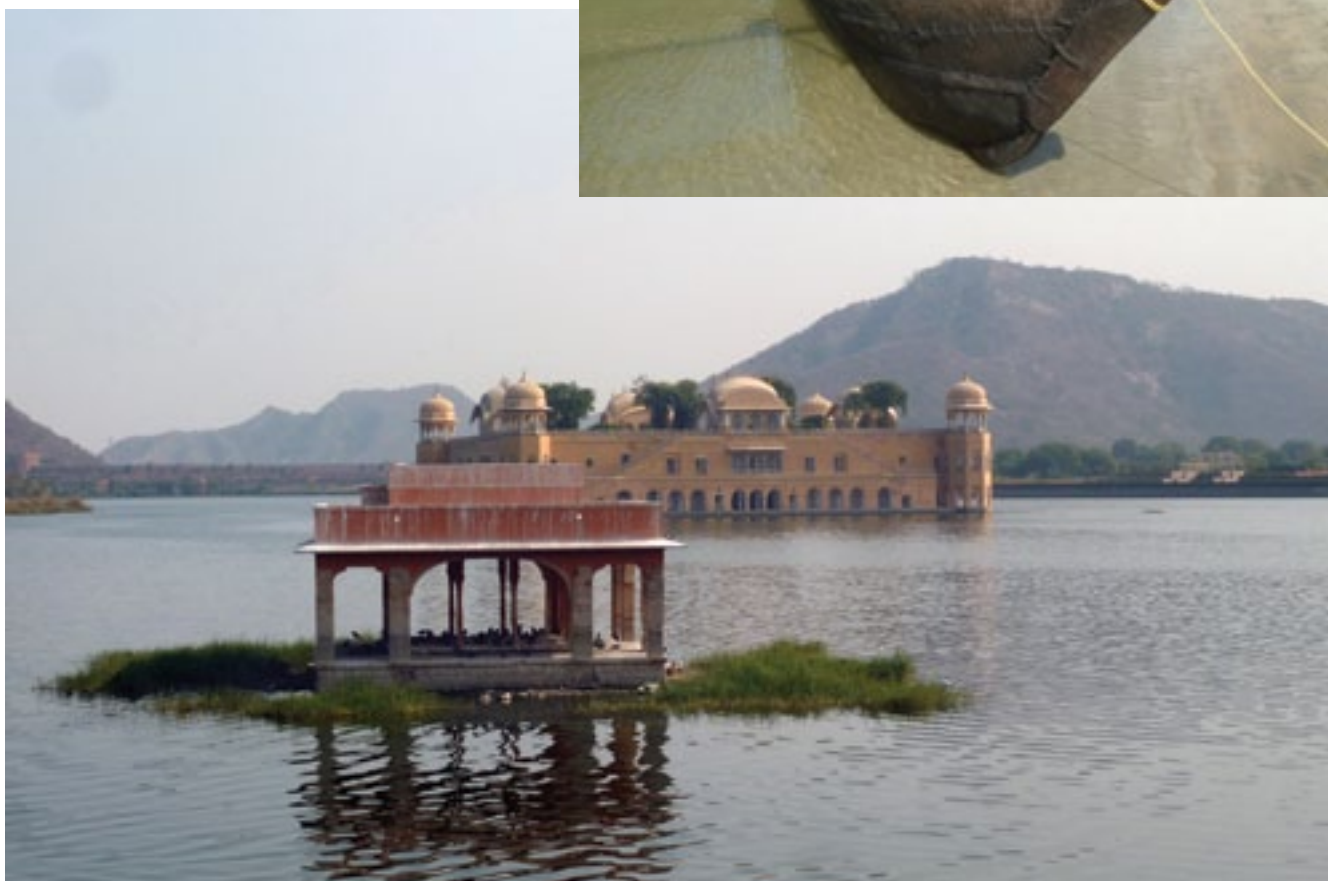

Вриндаван. Первое утро в Индии

Замок Акбара

Лодки из дерева манго

Замок на воде Джал-Махал в Джайпуре

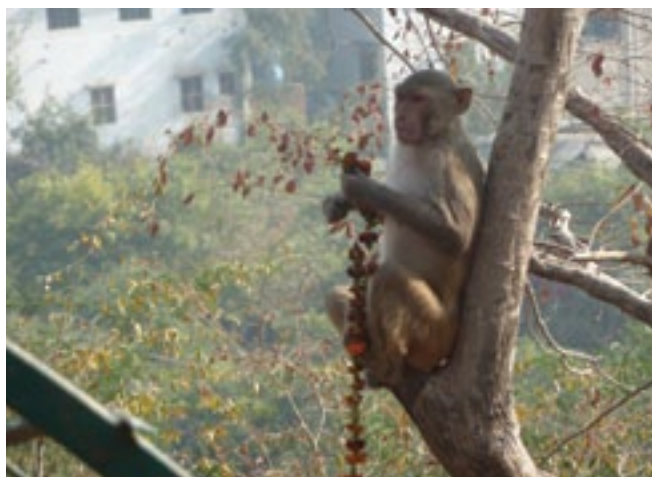
Галатжи – Замок обезьян

Пейзаж с рекой

Монах

Обезьянам есть, чем поживиться у храмов: цветочные гирлянды – любимое лакомство рыжих разбойниц

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, лауреат Гончаровской премии, лауреат премии имени Александра Невского.

ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ...

заметки о путешествии в Индию

Индия... Как давно заглядывала она мне в душу! На вопрос, где бы ты хотела побывать, я всегда отвечала: в Индии!

И вдруг – решено! Мы с коллегой собираемся в самую загадочную страну мира. Друзья удивляются: Индия? Это как полет на Луну...

Прощаясь, дочь говорит: «Я знаю, ты вернешься другим человеком...».

Полет на Луну

Домодедово... Ждем рейса в Дели. Среди пассажиров-индусов мы единственные европейцы. Моя коллега – яркая блондинка, и на нее уже смотрят как на экзотический фрукт.

Полет проходит быстро. Вкусная еда, индийское мороженое, фильмы в индивидуальном компьютере и прочие радости цивилизации. Самолет снижается... Под крылом – безбрежный океан огней. Неужели моя мечта осуществится? Или это сон?

Не верю в происходящее, даже когда иду по нескончаемому коридору ночного аэровокзала.

А вот и луна. Она другая! Не серпом, как у нас, а тарелочкой...

Мы прибыли с опозданием на час и очень обрадовались тому, что нас дождался таксист. Его прислал Мукунда – русский по происхождению индус, с которым мы познакомились по переписке.

150 км до Вриндавана ехали всю ночь. Особенно тяжело было выбраться из Дели – страшные пробки. На всем протяжении пути – грузовые фуры. Несмотря на ночное время, на дороге страшный гул: все водители жмут на сигнал почти беспрерывно и обгоняют друг друга как попало – и с правой, и с левой стороны борта. Также задерживают движение пункты оплаты дороги: очень много платных дорог.

Я смотрела в окно с разочарованием: зелени мало, грязь, лачуги из тряпок и картонок, в лучшем случае – из глины, спящие у обочины бездомные люди. Почему-то вспомнилась детская книжка «Чиполлино»...

Во Вриндаван прибыли в пять утра. Таксист остановился около ашрама и дал понять, что приехали. Еще темно. Куда идти? Кого искать? Нам обещали гостиницу, а тут – ашрам! Ни я, ни моя коллега не знаем английского, но пытаемся кое-как объясниться. Через минуту понимаем, что и водитель не знает английского. Что делать? Выходить с чемоданами в предрассветную неизвестность?

Как щенки, которых попытаются выбросить с высоты Гималаев, мы вцепились в таксиста, а он испуган и растерян не меньше нас.

Входим в ворота ашрама. Прямо на лестнице спят люди. Вскрывает подросток. Спрашиваем по-русски, где найти Мукунду Мурари. Мальчишка улавливает знакомое имя и ведет нас к Мукунде.

Гостиница оказалась в десяти метрах от ашрама, но мы с полусонным индусом еще около часа бродили вокруг нее...

На ресепшене – большой портрет знаменитого американского миссионера в Индии Шрила Прабхупады, который перевел знаменитый индуистский трактат Бхагавадгиту с санскрита на английский. Миссионер добавил к ведической «Гите» огромные комментарии, и в этой трактовке древний философский текст превратился в канонический. Как утверждают многие богословы, перевод утратил глубину первоисточника. Возможно, в связи с этим появилось такое понятие как «неокришнаизм».

Не буду развивать эту тему: во-первых, я не специалист, во-вторых, отношусь к вайшнавам с уважением.

...Глаза слипаются, мы мечтаем о постели, но администратор сначала долго рассматривает документы, сверяя фотографии с нашими полуспящими

Путешествие в Индию

физиономиями, копирует паспорт, требует визы... Мы в полном отчаянье, а он достает огромную амбарную книгу и показывает, что нужно на английском заполнить все графы. А их немало...

Наконец мы в комнате! Очень обрадовались тому, что взяли с собой постельное белье, потому что гостиничный номер, по индийским меркам довольно дорогой, не отличался чистотой, особенно напугали простыни.

Дисциплина души

Не успела я заснуть, как начались песнопения. В храме уже шла служба. Танцы с бубнами – это здорово, особенно после бессонной ночи. Но усталость победила, я провалилась в небытие.

Встали в 10 часов. Хоть и не выспались, не терпелось посмотреть, куда мы попали. Я вышла на общую веранду и увидела роскошный сад с экзотическими птицами и обезьянами.

Птицы стаяй садились на ветки то одного, то другого дерева, а одна обезьяна, развлекаясь, догоняла их, прыгала на ту же ветку и со всей силой раскачивала ее. Птицы дружно покидали это дерево и садились на другое – все повторялось заново.

В комнату постучали. Мукунда Мурари, оказывается, приходил полдевятого, но мы не слышали. На этот раз он прислал своего помощника Олега. Молодой человек сразу завоевал наше доверие: открытый, с добрыми лучистыми глазами. Вместе мы вышли в сад, уселись в беседке, и начался интересный разговор. Олег затронул тему, которая нас давно интересовала.

Работая над первой книгой серии «Атлантиада», мы столкнулись с учением Гесиода о развитии цивилизаций. Самый древний период ученый назвал золотым веком, потом начался серебряный. Последний век – железный, разрушительный и гибельный. Так вот, Олег процитировал «Веды», где утверждается, что история цивилизаций движется по нисходящей. Так же, как и у Гесиода, доисторическое время определяется как золотое, когда человек был в наибольшей степени приближен к Богу, неотделим от Него. Способности человека были безграничны. Когда пять тысяч лет назад Бог покинул землю, настал век Кали-юги. В индуистском календаре это последняя и наихудшая из четырех эпох, старость планеты. Тот самый железный век, о котором писал Гесиод. Век демона Кали, век раздора и нравственного разложения. Такова наша реальность!

Удивительно, но и Потоп, описанный в Ветхом завете, произошел приблизительно в то время, когда, согласно Ведам, Бог покинул землю, а по Библии, Бог осерчал на людей.

Я ко всем религиям отношусь с уважением. С

вайшнавами (кришнаитами) встречалась и ранее. Правда, давно, в 1990-е годы, когда они только появились в оранжевых одеждах на улицах города. Они радостно распевали песни, повторяя молитву Харе Кришна, и казались смешными и наивными. Помню, как я смонтировала телепередачу о них и мы подружились. Я тогда спросила протоиерея отца Владимира (Алексеева), как относиться к буддистам и кришнаитам, он сказал: «Любая традиционная религия соответствует определенной географической точке и имеет национальный оттенок». Исходя из этого, я никогда не понимала, почему русский человек становится вдруг буддистом или кришнаитом.

Мы идем дальше и знакомимся с Индией, ее особенностями и традициями.

Олег предложил нам съездить на рынок и купить индийскую одежду: руки у женщин должны быть закрыты хотя бы по локоть, длина юбки – почти до пят. Почему же индианки все прячут, а живот – напоказ?

Живот – чрево матери, символ вечной жизни...

Я уже упомянула о грязи. Как только выходишь за пределы дорожного отеля, сталкиваешься с огромным количеством живности и запахами, которые идут от канализации. Здесь канализационные трубы не прокладывают под землей – отходы текут по канавкам, проложенным по обеим сторонам улицы, вдоль заборов. Сами же улицы очень узкие. Прямо тут живут священные коровы – горбатые, с маленьким выменем и огромными, выразительными человеческими глазами. Они лежат, жуют, испражняются, перекрывают узкую дорогу, по которой шныряют многочисленные мотоциклы, моторикши и автомобили. Каким чудом происходит движение транспорта, вообще непонятно.

Скопление людей, коров и быков, а также диких обезьян на каждом квадратном метре земли – невероятное! Рыжие обезьяны, живущие в городах, – настоящее бедствие. При них нельзя надеть очки или воспользоваться телефоном. Как бы крепко ты ни держал эти вещи, обезьяна вырвет их из рук, прыгнет на забор и начнет грызть, показывая: не дашь вкусняшку, не получишь вещь назад. Получив желаемое, она бросит телефон или очки, но, увы, если ты замешкался с выкупом, вещь будет уже испорчена. Если же несешь пакет с едой, рыжая разбойница обязательно вырвет продукты у тебя из рук. Вот почему местные жители в основном ходят с палками. Наличие такого предмета в руках – гарантия некой безопасности, потому что голодные обезьяны нападают и просто так, демонстрируя свое право на достойную жизнь. Особенно небезопасно улыбаться, глядя на них, – оскал они воспринимают как оскорбление.

На рынке людей особенно много. Я испытываю шок от антисанитарии. На лотках лежат восточные сладости из орехов и меда – все это облеплено мухами, а сам торговец, он же кулинар, сидит на земле и лепит грязными руками эту красоту.

Но вот что удивительно: уже в первый день пребывания в необычных индийских условиях пришло внутреннее успокоение и приятие того, что видишь. Все живое копошится в полной гармонии! Все как-то сосуществует и помогает друг другу выжить. Обезьяны довольствуются тем, что успели выхватить из рук, коровы рады банановым коркам и зелени, которой здесь хватает, кошкам и собакам достаются объедки и отходы с человеческого стола. Никто ни на

кого не раздражается, никто никому не завидует. И ты тоже не раздражаешься, а расслабляешься. Шанти – так именуется это состояние полной расслабленности. Оно затягивает тебя и не отпускает до конца путешествия. И даже после...

Однако любой индус ни на одну минуту не забывает о законе кармы. Так что вернемся к индусской философии. В обед произошла встреча с Мукундой Мурари. Молодой человек лет 36, высок и красив. Глаза цвета вод Индийского океана невероятно выразительны, взгляд – как язык санскрита: поди угадай скрытые смыслы!

Страдания не бывают вечными

Мукунда ведет нас в гости к американскому миссионеру. Дханурдхара Свами русский по бабушке, родился в Америке. В Индии прожил 46 лет.

Тема беседы – карма человека. Знание кармы – это дисциплина души. Люди хотят полностью контролировать свою судьбу, но это невозможно. Мы теряем свою красоту, теряем свое здоровье, теряем свои деньги. И нам остается лишь учиться смиряться с этим, поскольку управляем всем не мы.

Гуру наставляет: в плохих событиях надо видеть хорошее. Судьба – это язык, на котором Бог разговаривает с нами.

Читая лекцию, миссионер приводит примеры из собственной жизни:

– Когда я лишился всех регалий, я думал, что моя дорога пошла вниз, но оказалось, все наоборот. Важно понять, чего хочет Бог. Наша судьба известна уже с рождения. Можно ли изменить свою судьбу? Да. Все философские школы Индии сходятся в одном: есть сила, которая стремится сделать вас лучше. Если этого не происходит, Бог так устраивает обстоятельства, что агрессор становится жертвой. Но изначально Бог хочет не наказать, а возвысить.

О счастье гуру говорит просто: «Измени себя – вот счастье!». Для этого надо следовать следующим правилам.

Склони голову перед Богом.

Ответ на ситуацию правильно, и это возвысит душу.

Прими руководство от учителя.

«Представьте, что вы играете в карты, и вам достались очень плохие карты. Как сыграть с ними и выиграть – подскажет духовный отец. Или вымолит».

Больше всего меня волнует, как махараджа относится к христианству. На этот вопрос он отвечает, что между индусской традицией и христианством нет никакого противоречия и нет разночтений. Появление Христа обусловлено временем. В заповедях Христа – тот же закон, что и в Ведах. Пришел Христос и призвал идти за ним. Истинный христианин, строго выполняющий Его заповеди, может получить освобождение уже в одной жизни.

Мне было непонятно, почему многие европейцы в 1960-70-е годы подались в Индию и стали миссионерами. Ведь духовные традиции индусов очень сильны. Оказывается, не так уж они и сильны.

Махараджа рассказал о дурном влиянии англичан. За время своего колониального владычества они не только вывезли золото и драгоценности Индии, но и подорвали моральные устои. Для местных жителей белые люди – воплощение успеха и богатства. И мно-

гие решили, что нужно придерживаться жизненной философии колонизаторов. Чтобы удержать индусов от таких опасных выводов, европейцы, разделяющие религиозные чувства вайшнавов, бросились спасать Индию.

Во время путешествия по стране, где так много нищих, бездомных людей, мы не раз задавали Мукунде вопрос о кастовости. Он сказал, что касты давно заприщены. Имущественное неравенство колоссальное, но индусы терпеливы и смиренны. Они уверены: страдания не вечны. Стоит выбраться на правильную дорогу, как страдание прекратится. А правильная дорога – это путь движения к Богу.

«Кем бы мы ни были, – сказал махараджа Дханурдхара Свами, – и чем бы ни занимались, мы можем выражать свою любовь к Богу и ко всем живым существам. Такая жизнь приносит счастье, а счастье дает силы выдерживать любые испытания».

Рады, рады...

При встрече с белыми людьми индусы радуются и весело приветствуют: «Радэ! Радэ!».

Почти по-русски: рады, рады...

Мы влились в украинскую группу паломников под руководством Мукунды и едем в местечко под Вриндаваном, где родилась Радха, жена Кришны. Шриматерь Радхарамы – не просто женщина-богиня, она – божественная любовь. Бхахти! Любовь...

Жители Индии стремятся познать бхахти и освободиться. Как в христианстве: попасть в Царствие Небесное.

Каждый встречный кричит нам: «Радэ, Радэ!». Не только здесь, но во всей Индии – самое приятное и желаемое приветствие – имя Шриматери. А как же иначе? Ты встречаешь человека и признаешься: «Рады, рады!».

Истинная радость – любовь к Богу. Его любовь и близость. Если у нас есть любовь к Богу, мы видим каждое живое существо как частицу Бога и радуемся успехам других людей, сопереживаем их горю.

Позже мы будем говорить о санскрите, и тогда станет ясно, почему во всех языках мира так много общих корней из санскрита, особенно, когда речь идет о душевных переживаниях или духовном поиске.

А сейчас Мукунда Мурари рассказывает о Радхе и ее любви. Мы сидим под огромным старым баньяном – деревом, чьи ветки, спускаясь до земли, образуют новые корни, и кажется, что у дерева множество корней. Или это руки священного дерева? А может быть, жилы, в которых течет божественная кровь?

Крона баньяна так широка, что под ее тенью может спрятаться полсотни человек.

С холма видна деревушка, где пять тысяч лет назад жил Кришна и откуда он прибежал к своей возлюбленной. Тишина и покой, и ощущение вечности бытия.

Мукунда Мурари просвещает нас.

Бог имеет мужское и женское начало. Соединение этих двух начал приводит к высшей гармонии. В традиции вайшнавов плотская любовь неотделима от духовной, одно дополняет другое. Все вокруг дышит любовью и негой. В гибком теле женщины, в ее танце, даже одежде, где открыт только живот, так много эротики, что становится не по себе. Но на вопрос об из-

менах супругов наш руководитель уверенно отвечает: у вайшнавов нет разводов и нет измен!

Бог один, но имеет множество проявлений.

Как приблизиться к Богу? Нужно развить особенную любовь к нему. Быть искренним и ничего не просить. Не Бог для нас, а мы для Бога!

Кришна и Радха – единая душа в двух телах. К этому должна стремиться каждая супружеская пара: превратиться в единую душу. У индусов – только так!

Когда человек любит, избранник или избранница раскрываются, как прекрасный цветок, и дарят свою красоту и благоухание. И Бог открывается тем, кто тянется к нему всем сердцем. Нет более могущественной силы, чем любовь.

Мы поднимаемся на холм и заходим в волшебный храм павлинов. Здесь торжествует любовь. У храма своя история – история любви Радхи и Кришны.

В период дождей у павлинов брачный период. Они не только раскрывают свое роскошное оперение, но и страстно танцуют. Кришна восхищается их красотой и грациозным танцем. Этот танец – символ спирали, в нем отражается вечность движения. Потрясающее зрелище!

Восхищенный Кришна не может усидеть на месте и принимает облик павлина. Он начинает свой танец перед Радхой и очаровывает ее. Она превращается в танцующую птицу. Павлины соединяют тела влюбленных, и две души сливаются в одну.

Кришна – блаженство и вечное счастье. Радха олицетворяет радость любви.

Детская радость в глазах индусов не дает мне покоя... Почему мы, христиане, не умеем радоваться земной красоте и благодарить Бога за каждый прожитый миг?

В заповедях Христа уныние – страшный грех. Мне не раз на исповеди приходилось признаваться в этом грехе. Мой духовник часто повторяет: «Грех – как болезнь. Хочешь от нее избавиться – ищи первопричину, корень, откуда произрастает все остальное. Тяни за ниточку, словно разматываешь клубочек». Так вот, когда тянешь уныние за ниточку, легко добираться до страшной сути: не удовлетворен жизнью, значит не доволен Богом!

Но Бог-то знает, что делает! Старцы учат нас: смиришься! Ох, как тяжело дается нам наука смирения!

А индусы всегда смиренны. Как сказал махараджа, судьба – это язык, на котором Бог разговаривает с нами. Так давайте постараемся Его услышать...

Вокруг холма Гавардхана

Вчера Мукунда весело обмолвился: завтра предстоит пройти 24 километра. Мы много передвигаемся и пешком, и на моторикшах, поэтому никто не придавал значения этим словам. Ну, 24 км...

Оказалось, предстояло реально пройти такой путь пешком, да еще босиком вокруг священного холма Гавардхан. Место это священное, потому что его касались лотосные стопы Кришны. Каждый индус хотя бы раз в год, в праздник Гавардхан-пуджи, 20 октября, а также при малейшей возможности совершает такой обход – он называется парикарма. Есть верующие, для которых парикарма – вечная аскеза. Об этом я скажу чуть ниже. А сейчас поясню, с чем связано поклонение Гавардхану.

В Пуранах рассказывается, что 5000 лет назад произошел Потоп.

Когда-то на Гавардхане Кришна и его друг Паларама проводили божественные игры. Как гласит легенда, отец Кришны и его современники на этом холме приносили жертвоприношения заносчивому полубогу Индре, но Кришна восстал против поклонения и жертвоприношений, и тогда Индра призвал все облака и приказал затопить Вриндаван. Начался самый настоящий Потоп, его струи были тяжелыми, как колонны. Жители обратились за помощью к Кришне. Он поднял холм и велел жителям вместе с животными спрятаться под ним. Кришна держал гору как зонтик в течение семи дней на мизинце левой руки. Индра понял, кто перед ним, и попросил прощения. В ответ Кришна призвал его и всех жителей остерегаться ложной гордости. Для преданных людей Он оставил святую дхаму, чтобы они могли наслаждаться ею и черпать вдохновение. Поскольку Господь поднял холм своей рукой, он считается неотделимым от Него и обладает личностной природой. Гавардхан благословляет человека. Все наши чувства достигают здесь духовного совершенства.

Когда-то Гавардхан был высок и достигал 20 километров в высоту, но один из сыновей Бога некий Муни проклял гору, и она начала постепенно уменьшаться. Теперь от нее остался лишь холм. В Гарга Самхите говорится, что пока есть река Ямуна и холм Гавардхан, святость сохраняется, но век Кали-юги немолчим: через десять тысяч лет все исчезнет. Это и будет конец света.

А пока мы идем вокруг Гавардхана, минуя прекрасные храмы, селения, поля и сады. Здесь есть все: вода, луга для коров, фруктовые деревья, банановые пальмы. Тысячи коров и волов пасутся вокруг холма, рыжие обезьяны «медитируют» на деревьях, павлины, гордо задрав голову, бродят под зелеными кронами, антилопы царственно лежат на гребнях скал.

Но больше всего здесь нищих. Тысячи нищих просят помощи, и сердце паломника разрывается на части. Даешь десять рупи – мало, дай еще. Протянешь сто рупий – кричи караул! За тобой помчится толпа.

И все же мы идем, блаженствуя и радуясь. Восторг неопишуемый, и объяснить это состояние словами совершенно невозможно.

Усталость постепенно накапливается, но чувства те же. Идем босиком, солнце нещадно палит. «Скоро будет пройдена половина пути», – говорит Мукунда. Оказалось, он просто подбадривает. На самом деле пройдена треть. Говорю себе: надо пройти! Подумаешь – два десятка километров! Настоящие индусы – ползут! В прямом смысле. Некоторые – полгода, другие – всю жизнь! Выглядит это так. Человек падает ниц, распластываясь и вытягивая руки вперед, и кладет перед собой камень. Аскеза бывает разная. Паломник может нести 108 камней или же 1008 камней. После того, как положен один камень, индус встает и снова падает – кладется второй камень, затем третий и так далее. Подъем – падение, снова подъем. Тот, кто несет 108 камней, идет вокруг Гавардхана полгода. Если принята аскеза на 1008 камней, человек ползет всю жизнь. Спят на земле. Едят, что Бог пошлет. Летом, в период дождей – невыносимая жара, духота, москиты и нескончаемые потоки воды...

Тайные значения Вед

Пройдя полпути вокруг священного Гавардхана, мы завернули на обед к удивительной женщине. Для этого пришлось сделать небольшой крюк, так что километры прибавились. Но этот крюк того стоил! Знакомство с Арчи Мурти оставило самое яркое и сильное впечатление из всех чудес Индии.

Эту встречу по нашей просьбе подготовил Олег. Узнав, что нас интересует санскрит, он рассказал об Арчи Мурти и поведал о ее необычной судьбе.

У нее русские корни, родилась в Украине, филолог по образованию. С юности увлекалась языками. Санскрит и традиции вайшнавов захватили ее сердце, и она решила посвятить свою жизнь изучению этой культуры. Арчи Мурти вышла замуж за американского миссионера, проповедовавшего в Китае. После того как он покинул этот мир, она поселилась в домике неподалеку от Гавардхана. Здесь ее семья: кролики, попугаи и корова. Она понимает их язык и разговаривает с ними, живет их интересами.

Арчи Мурти и Олег приготовили нам необыкновенный вегетарианский обед. Мы очень устали и едим с удовольствием. Один попугай гордо восседает у меня на голове, другой вместе со мной клюет рис, сидя в тарелке. Как только я ставлю ее на пол (здесь нет столов), подбегает мышка и подъедает остатки пищи. В другой жизни я бы визжала от страха, но в Индии эта картина умирительна: каждый имеет право на жизнь!

Хозяйка – совершенно нереальная. Героиня из волшебной сказки. Она пишет картины, но самое любимое занятие – чтение духовных стихов на санскрите. В ее малосеньком кабинете хранятся древние книги на санскрите.

Я прикасалась к ним, волнуясь, и сердце учащенно билось: передо мной язык Бога.

Как доказывают ученые, во всех языках мира более половины корней всех слов – от санскрита, но более всего он схож с русским. Не поленитесь, сравните в Интернете словари этих языков и убедитесь, что это так и есть. Вот несколько простых примеров: куча – куча, ладить – лад, ласкать – лас, низина – нижина, новый – нава, творить – твар, вал – вал, быть – бху.

Известный индийский ученый, профессор санскритолог Дурга Прасад Шастри, побывав в Москве, обратился к русским лингвистам: «Вы все здесь разговариваете на какой-то древней форме санскрита, и мне многое понятно без перевода... Сама выразитель-

ность и дух сохранены в наших языках».

Однако не все так просто! За каждым санскритским словом кроются сотни тайных значений Вед и Пуран – древнеиндийских текстов. В этом языке самый большой словарный запас. При этом даже самую сложную, глубокую мысль можно выразить одним словом. В каждом слоге – десятки значений.

Арчи Мурти приводит простой пример. Го – это корова, и одновременно – чувства; госвами – управляющий чувствами. Мамша переводится как мясо, но на самом деле означает: сегодня ты съешь меня, завтра – я тебя.

Хозяйка берет в руки древний фолиант и начинает читать. Стихи завораживают. Музыка древнего санскрита не земная, а божественная – в этом нет сомнения. Арчи объясняет, что познать смысл текстов помогает особая практика, и открывает несколько важных секретов. Я не буду ими делиться, хотя бы потому, что одного урока недостаточно, чтобы постичь тайны праязыка. Фонетика санскрита имеет связь с энергетическими точками тела, и при правильном прочтении увеличивается энергетика всего тела.

Санскритолог сетует: в Индии почти не осталось настоящих учителей ведического санскрита.

Недавно американцы заявили, что в основу будущих компьютерных программ будет положен санскрит, и назвали его языком будущего. Скорее всего, так и будет, но это совсем не тот божественный язык, о котором нам рассказала Арчи Мурти.

Индусы считают, что устному санскриту (ведическому языку) как минимум два миллиона лет. Это всепроникающий абсолют, имеющий бесконечное количество значений. Письменному языку пять тысяч лет – столько лет назад Бог покинул землю.

Мы прощаемся с Арчи Мурти. Ее глаза горят, как солнце. «Мы же еще увидимся?» – вопрошает ее взгляд, и я верю, что так и будет. Напоследок она бросается к моим ногам – надевает сандалии. Великая Арчи Мурти! Невозможно сдержать слезы...

Мысленно я часто возвращаюсь в ее маленькую келью. Уходят истинные брахманы. Как горячий песок поглощает чистую воду, так время уничтожает вековую память. Закрывает от человечества праязык – что дальше? Неужели Бог никогда уже не откроет людям своих тайн? Но я прекрасно понимаю, что никакие искусственные практики не вернут духовность, никакие интеллектуальные усилия и научные изыскания не сломят поступь Кали-юги...

С Арчи Мурти

Завершая рассказ о парикарме, поделюсь тем, что открыл Гавардхан.

Вместо огромной горы, о которой гласят легенды, мы видели всего лишь холм, и нам казалось, что мы идем вокруг Гавардхана по горизонтали. На самом деле парикарма – это путь на вершину невидимой горы. И вся земная жизнь, каждый миг и вздох – ради того, чтобы карабкаться ввысь. Движение по вертикали!

Распознай болезнь

Вриндаван так перенаселен, что создается впечатление, что все хотят есть, а где растут овощи и фрукты – непонятно. Утром мы идем в гости в индусскую крестьянскую семью, и я наконец вижу поля с горохом, горчицей и пшеницей. Все это, оказывается, произрастает в самом городе, за каменным забором. Особенно поражает поле прекрасных алых роз. Они не очень крупные, но аромат издают божественный, потому что не районированы, а натуральны.

Розы здесь очень ценятся. Каждый уважающий себя индус, идя в храм, покупает пылающую алым жаром душистую гирлянду и преподносит ее Кришне, или Радхе, или другим божественным обличьям.

По индийским меркам мы пришли в среднеобеспеченную семью. Клочок земли, доставшийся от прадедов, – щедрый дар Бога. Земля кормит большую семью. В доме, который мы посетили, живут пожилые супруги, трое сыновей с невестками и 12 внуков. Все варится в одном котле – в прямом и переносном смысле. Дети растут в естественной среде, воспитывают их и мама, и бабушка, и тетушки – одновременно.

Индийские женщины не знают аборт – детей рождается столько, сколько Бог даст. Любовь между супругами – дело святое.

В одной легенде говорится, что бог любви Купидон усомнился в том, что Кришна верховный Бог, и решил проверить. Он прицелился в Кришну из лука, но упал в обморок.

Любовь воспевается всюду и особенно – в саду Нидхуван. И мы идем в это сокровенное место – огромный сад с невысокими тенистыми деревьями.

Согнувшись, почти ползком пробираемся под низкими кронами, чтобы устроиться на священной земле и послушать Мукунду Мурари. Проводник рассказывает, что это сад любви Шримати Радхарани и Кришны, место их любовных развлечений. Позже все лучшие певцы и стихотворцы Индии вдохновлялись

здесь и создавали свои шедевры. Самый знаменитый певец Харидас Свами слагал непревзойденные песни. С его именем связана очень поучительная притча, о которой я расскажу ниже.

А пока что Мукунда беседует с нами о жадности и зависти.

Внутри нас живет враг, который подвергает наш характер серьезным испытаниям, – зависть! Мы завидуем тем, кто имеет, на наш взгляд, больше, чем мы. Завидуем тем, кто умнее, способнее, выше по положению. Зависть – болезнь. Как ржавчина разъедает крепкий металл, так зависть уничтожает сердце. Но если наше сердце очищается, в нем начинают проявляться иные чувства: прощения, сострадания, любви – и это есть наша истинная природа.

Выслушав монолог Мукунды, одна дама из нашей группы начала рассуждать: а вот есть белая зависть, а также есть зависть, которая подталкивает нас к достижению новых целей, в том числе и материальных... Послушать ее, получается, не всякая зависть вредна...

В ответ наш руководитель очень осторожно начал переубеждать женщину. А я вспомнила одну свою знакомую, которая в порыве откровения призналась: «Заболеваю, когда завидую! Физически страдаю! Мигрень, рвота, бессонница».

Нет, лучше признать болезнь и серьезно заняться лечением, чем юлить: мол, у меня признаки тифа, но я уверена: это грипп...

После беседы Мукунда просит нас закрыть глаза и произнести мантру на санскрите: лука самаста сукинур баванту.

Волшебный сад переносит нас в другую реальность...

Проси Бога – он поможет!

Во Вриндаване – пять тысяч храмов! Нам удалось побывать в храме Маданамоханы. Это самый древний из сохранившихся храмов Кришны. Он был построен в XVI веке богатым купцом Капура Рама Дасом.

Легенда гласит, что жил на этом месте святой Санатан Госвами – один из основоположников вайшнавизма. Он обнаружил божество Мадана Моханы и поклонялся ему. В этом образе святому явился сам Кришна. Святой кормился милостыней и при этом не забывал делиться с божеством. Но Кришна высказывал Санату свое недовольство: «Слишком пресная у тебя пища. Дай хотя бы соли!». А где Санатану взять соли?

Однажды по реке Ямуна шла баржа с солью и села на мель. Купец возопил: о, горе мне, горе! К нему подошел мальчик и спросил, в чем дело. Рамадас Капур объяснил, что соль скоро намокнет и он потеряет все деньги. Мальчик предложил ему подняться на холм, где жил святой, и попросить у него помощи. Купец так и сделал. Он не понял, что в образе мальчика ему явился сам Кришна. Как говорят индусы, человек не сразу узнает Бога, но, если он ищет, Бог посылает учителя.

Санатан выслушал плачущего купца и сказал: «Проси Кришну – Он поможет». Всем своим сердцем Рамадас обратился к Богу, и в тот же час баржа сдвинулась с места. От радости купец стал искать, чем отблагодарить святого. Нашел в кармане щепотку соли и подал Санатану.

Капур успешно продал товар и получил прибыль.

Вскоре он вновь приплыл во Вриндаван, явился к святому и отдал ему все вырученные деньги. И тогда Санатан понял, чего хочет Кришна: чтобы на этом месте появился храм Маданамоханы.

Вот уже более четырехсот лет величественный храм из красного песчаника возвышается над Вриндаваном и созывает паломников на святую землю.

И снова про любовь

Мы направляемся в сторону Агры. Недалеко от этого города сохранились остатки древнего могольского города Фатэхпур-Сикри и почти целиком – замок императора Акбара. В 1571–1585 годах это была столица великих моголов. Затем император переехал в Лахор у границы Афганистана, так как там начались беспорядки. Город из-за отсутствия воды начал приходить в упадок, а дворец стоит и поныне, хотя со дня постройки прошло чуть ли не полтысячелетия!

Каждый, кто знает Индию, скажет: в первую очередь надо посетить замок Акбара, где проживала огромная семья и свита великого могола. Это целый город, сохранившийся почти в первозданном виде. Строили, хоть и быстро, но на совесть. Красный песчаник придает всем строениям величественность и подчеркивает их древность.

Замок Акбара – любимое место съемок голливудских и индийских кинематографистов. Самые известные фильмы – многочисленные интерпретации и сериалы о любви Акбара и Джойды. Никаких декораций не надо – все абсолютно достоверно. Не хватает только золотой облицовки и многочисленных драгоценных камней, украшавших стены дворцовых строений: в период английского владычества «просвещенные европейцы» вывезли отсюда десятки тонн золота и драгоценных камней.

Главной ценностью династии Великих моголов был самый большой в мире бриллиант – Кохинур, который достался отцу Акбара – Хумаюну – от семьи побежденного раджи. Сначала правители династии носили огромный бриллиант на своих тюрбанах, а потом Акбар поместил его в знаменитый «Павлиний трон».

Мы рассматриваем многоуровневый дворец, на самом верху которого возвышался императорский трон. Сидение поддерживалось шестью массивными золотыми столбами, а серебряные шесты, инкрустированные золотом и драгоценными камнями, удерживали ажурный занавес над тронном.

В переводе на русский название города звучит как Город Победы. Он появился после победы императора моголов Бабура над Рамой Сану. Его внук, император Акбар построил здесь форт и сделал город столицей.

Великий правитель был просвещенным, образованным человеком с широкими взглядами. В своей политике Акбар всячески поддерживал индуизм и строил ведические храмы. При нем Индия стала крепкой и сплоченной империей.

Акбар искал сокровенную истину. Меня более всего поразил тот факт, что по своим философским взглядам он был экуменистом. Великий могол создал собственную «божественную веру» – смесь догматов и обрядов ислама, индуизма, христианства и джайнизма.

Могольский император был добр к простым людям, за это его любили низшие сословия, и сегодня он остается одним из самых почитаемых людей в Индии.

Акбар имел трех жен и несколько тысяч наложниц. Старшая жена была моголкой, вторая – христианкой, третьей женой стала принцесса раджпуров красавица Джодха. Этот брак был политическим – ради полного владычества в Индии, но именно индианка родила сына императору, у которого до этого не было наследников. Мальчика назвали Джахангир.

Мы рассматриваем дворцы всех трех жен. Самый маленький и аскетичный – старшей жены, которая исполняла роль секретаря императора и вела летопись. Необычен дворец жены-христианки, где сохранились остатки фресок с ликами святых, в том числе и изображение самого Акбара. Самый роскошный и огромный по величине – замок любимой жены Джодхи. Здесь же проживали и многочисленные наложницы императора.

Джодха имела право выпускать указы, занималась перевозками товаров, управляла 12-тысячным кавалерийским отрядом, руководила духовной школой.

Поскольку тема любви могольского императора и раджпурской принцессы очень хорошо раскрыта, не буду на ней останавливаться, но советую обязательно посмотреть фильм «Джодха и Акбар».

Главу о любви мне хотелось бы завершить небольшим замечанием.

В речи россияне и европейцев укоренилось красивое выражение «займемся любовью». В Индии чувственное влечение называется кама, а любовь – бхакти. Смешение этих двух понятий считается недопустимым. В земной жизни человек должен преобразить каму в бхакти и тогда достигается тантра. Тантра – это отношение к женщине как к божеству. И наоборот. И христианство учит: любите любить друг друга как Бога. Какая простая и трудная наука!

Петь для царя и для Бога

Не могу не затронуть любимую тему – музыка. Тем более я обещала вернуться к личности почитаемого в Индии музыканта святого Харидаса.

Великий могол Акбар покровительствовал науке и искусству, особенно он любил музыку. У него был придворный музыкант Тансен, который играл на всех инструментах и пел, как Бог, услаждая слух императора.

Ольга Шейтак. У дома музыки Тансена

Для Тансена Великий могол выстроил музыкальную школу, где воспитывались самые талантливые музыканты и певцы. Это необычное здание с поразительной акустикой сохранилось до сих пор. А значит, и легенда, о которой я хочу рассказать, не выдумка, а настоящая реальность.

Своим пением Тансен мог делать со слушателем все, что хотел, – человек просто впадал в транс. Однажды император спросил его: «Можешь ли ты, Тансен, воспламенить пением лампы?». Тот ответил утвердительно.

Были поставлены десятки лампад, и Тансен начал петь. Он пел, разжигая сердце императора. От исполнителя исходило такое тепло, что становилось все жарче и жарче. Наконец лампы вспыхнули, но и сам певец пылал от жара, казалось, он вот-вот воспламенится. И тогда ученица Тансена, чтобы спасти его, начала петь, вызывая прохладу. Повеял ветерок, набежали тучки, и пошел дождь – Тансен был спасен.

И сказал царь: «Ты поешь прекрасно, Тансен! Нет в мире человека, кто поет лучше тебя». Музыкант возразил: «Есть такой человек! Это мой учитель Харидас Свами».

Акбар воскликнул: «Я хочу услышать его!» – «Это невозможно! Он святой, ему нельзя встречаться взглядом с царем». – Тансен совсем растерялся.

Император настаивал. Как отказать господину? И тогда Тансен придумал выход. Он предложил поехать в сад Нидхуван, где жил в отшельничестве Харидас Свами, и спрятаться за деревом, когда святой будет петь.

Так они и сделали. Император спрятался, а Харидас по просьбе ученика начал петь. Его голос звучал божественно, в саду смолкли птицы, притихли животные, деревья раздвинули свои кроны и открылись небу.

Потрясенный Акбар не мог унять слезы. «Почему же ты, Тансен, не можешь петь так, как твой учитель?» – обратился он к своему придворному музыканту. И Тансен ответил: «Потому что я пою для царя, а Харидас Свами – для Бога!».

Розовый город

Излюбленным местом туристов в Индии является Джайпур. Четыре миллиона жителей! Переезд был долгим и утомительным, группа проголодалась. Украинцы, привыкшие к борщу и салу, считали минуты, когда окажутся в большом городе, где проживает немало мусульман, а значит, можно найти не вегетарианский общепит. После долгих разъездов на такси нам удалось обнаружить «Макдональдс». Длинная очередь... Медленное обслуживание... Каково же было разочарование наших попутчиков, когда котлетки в бутербродах оказались соевыми!

Джайпур построили раджпуты в 1727 году. Правитель Сингхом II сделал город столицей государства. В честь переноса столицы был совершен кровавый обряд жертвоприношения: убит любимый конь правителя и еще 609 разных животных.

Здесь так много достопримечательностей, что обо всех не расскажешь, да и нет таких слов, чтобы описать восторг, какой испытывает любой гость Джайпура.

Центр города украшает дворец махараджи

Джайсинга. Это целый комплекс зданий, включающий храмы, музеи и апартаменты правящей семьи.

В храме Кришны мы попали на службу и были втянуты в сказочное действие, славящее Кришну. Вайшнавцы пели и танцевали, хлопая в ладоши. Ни в одной стране мира вы не услышите столько религиозных песнопений! Все они воспевают земную жизнь.

И опять я укоряла себя: почему мы, христиане, не ценим земное существование? Не благодарим Бога за этот прекрасный дар – жизнь, со всеми ее искрящимися красками, с родниками и озерами, душистыми цветами и синими просторами?!

Ведь Христос заповедовал радоваться земной жизни!

Европейские туристы любят посещать в Джайпуре Замок ветров – Хава-Махал. Этот необычный дворец построил очень талантливый архитектор. Хава-Махал по просьбе старшей жены был предназначен для гарема правителя: она заказала замок, куда бы не проникала жара и с высоты которого можно было наблюдать за жизнью города. Так появилось великолепное сооружение с тысячей окошек, с балконами, где каждый новый венец в диаметре меньше предыдущего, поэтому по форме дворец напоминает царскую корону, а вообще он похож на улей с сотами.

Глядя на эти «соты», я представляла, как раджпурские жены и наложницы с любопытством, а может быть, и с завистью созерцали жизнь простых горожан. Теперь тут находится музей. А самый крупный краеведческий музей расположен в дворцовом комплексе.

Основная группа паломников, с которой мы путешествовали по Индии, на второй день отбыла вместе с Мукундой Мурари в Пушкар, а мы с Натальей решили вдоволь насытиться историей Джайпура. Впереди нас ждали самые яркие памятники: обсерватория, форт Амбер, храм обезьян...

Как пройти испытания

Из всех исторических объектов я бы особо выделила обсерваторию Джантар-Мантар. Ее построил один из основателей города – знаменитый астролог Дхундхара.

Обсерватория Джантар-Мантар славится на весь мир самыми большими солнечными часами высотой 27 метров, они показывают точное время. Кроме сол-

нечных часов привлекают внимание приборы всех зодиакальных знаков, указывающие время вхождения в дома зодиака.

Индия всегда считалась страной тайных знаний и привлекала известных мыслителей. Здесь жили Николай и Елена Рерих, Елена Блаватская. Индийцы уверены, что в их стране побывал Иисус Христос, а также апостолы Варфоломей и Фома.

Каждый из нас стремится к гармонии с окружающим миром и с самим собой. Чтобы достичь этой гармонии, стоит обратиться к астрологии – такова позиция и современных индусов. В общем, астрология в Индии до сих пор в большом почете и даже входит в число наук, признанных государством. Никакое важное дело не начинается здесь без помощи хорошего астролога.

Признаюсь, до поездки в эту страну я никогда не верила никаким гороскопам и не читала прогнозы. Да и сами индусы предостерегают: не верьте астрологическим прогнозам в современных СМИ – это шарлатанство! Настоящий астролог должен знать минуты и секунды вашего рождения и очень много потрудиться, чтобы сказать, когда карма способствует успеху и что вас ожидает в будущем. Астролог обязательно определит роль и назначение лично ваших домов Луны и Солнца. К тому же надо учитывать отличие индийского гороскопа от западного (европейские астрологи считают главным Солнце и учитывают его прохождение через 12 зодиакальных созвездий, а индусы составляют гороскопы, ориентируясь по Луне).

Изменила ли я после посещения Индии свое отношение к астрологии? Трудно сказать. Составлять гороскопы на себя и детей не собираюсь, но к самой астрологии буду относиться более уважительно, и вот почему.

В древнеиндийских философских трактатах, написанных пять тысяч лет назад, говорится о том, что планеты шарообразны. Более того, даются описания и расчеты их орбит! И эти расчеты не расходятся с современными научными исследованиями. Удивителен и другой факт: древние астрономы описали такие планеты, как Нептун и Уран, открытые европейцами только в XX веке! Каким инструментарием и какими знаниями нужно было обладать, чтобы делать такие описания?

Внимание древних астрономов привлекали Луна и Солнце, а также те созвездия, которые назывались «накшатры». Это те места, где наша загадочная спутница Луна проводит каждую ночь. Одним словом, лунные стоянки. Всего их 27. Они и определяют качество событий нашей жизни.

Вспомним: славяне не начинали никаких важных дел, когда Луна идет на убыль. И по сей день садоводы и огородники ориентируются в посевах на возрастающую фазу спутника.

Луна занимает важное место не только в астрономии, но и в религии индусов. Они считают, что Солнце управляет телом человека, а Луна – душой. Ведическая астрология признается самой точной.

А как же воля человека? – спросите вы. Она важна и нужна для того, чтобы, преодолевая карму (называйте ее как хотите), ползти ввысь, к Богу.

Неприступная крепость

Форты Индии – отдельная песня, исполнить ее не так-то просто: нет слов, чтобы передать чувства, которые охватывают тебя при виде Амберфорта.

Прежде чем попасть к древнему форту, мы делаем остановку в дороге, чтобы полюбоваться Водным дворцом – Джал-Махалом. Он стоит посреди озера Магар Сагар. Это средневековое сооружение воздвигли сначала на суше, но потом, когда строилась плотина через реку, образовалось озеро, и теперь Джал-Махал, как корабль-мираж, парит над озером. Зрелище завораживающее!

Днем здесь полно торговцев сувенирами, суетно и шумно. Прогулявшись по набережной, мы едем к форту Амбер, что в десяти километрах от Джайпура.

Огромный дворец-крепость из желтого и розового песчаника в лучах солнца светится золотом. Амберфорт виден издали, как Великая китайская стена...

По дорожкам Амберфорта в Джайпуре

Я понимаю, что подняться пешком на самый верх к замку у меня не хватит сил, и мы просим таксиста доставить нас наверх...

Амбер как защитную крепость и одновременно как столицу Раджастхана построил Ман Сингх, главнокомандующий армией Акбара в 1592 году, то есть задолго до появления Джайпура. Только через полтора века на равнине внизу появится новая столица. А сначала форт, получивший военное преимущество, быстро превратился в цветущий столичный город. Его создавали самые талантливые архитекторы и украшали лучшие художники Востока.

Снаружи форт выглядит строго и аскетично, но внутри украшен очень богато. Два века назад резьба на многочисленных колоннах и арках сияла драгоценными камнями, галереи были украшены золотом.

Амбер стоит на вершине горы и занимает прилегающие террасы. На самом верху расположена крепость Победы. От нее по хребту тянутся крепостные стены.

К главному двору можно попасть через Солнечные ворота. Но мы поднялись к форту на машине и через Лунные ворота (на противоположной стороне) вышли к главному дворцу. Через двор попали на главную лестницу и во второй дворец – в Зал общественных аудиенций. В третьем дворе находится Зал побед. Его потолок состоит из множества зеркал, а сам зал украшен панелями из разного мрамора. Рассматривать изящные узоры из цветов и разных

насекомых можно бесконечно!

Далее нас ждет Зал удовольствий. Двери из сандалового дерева инкрустированы слоновой костью. Отсюда открывается замечательный вид на живописное озеро Маота.

Зенана (*женские покои*) окружает четвертый двор Амбера. Комнаты были спроектированы так, чтобы махараджа мог пройти к любой жене или наложнице незамеченным.

С высокого плато Амберфорта хорошо просматривается долина, на которой раскинулся Джайпур. Все дышит стариной, и кажется, что за пятьсот лет ничего здесь не изменилось, а потому наблюдаешь ты эту экзотическую картину не с вершины горного хребта, а из глубины веков, спрятанных в поднебесье.

Полулюди, полубоги

После осмотра крепости мы держим курс в Пушкар, но по пути заезжаем в Галтаджи – посмотреть знаменитый Храм обезьян. Совершенно сказочное место на возвышенности между скалами.

Когда-то в этом древнем монастыре жили индусские аскеты, а теперь хозяйничают обезьяны, коровы и бурундуки. Сюда любят заглядывать паломники, и все же туристов отнюдь не много. Полная гармония и покой... Кажется, что ты попадаешь в затерянный мир, где время течет в обратном направлении.

Главный храм Галта – сказочный замок, вырезанный из скал, с несколькими павильонами, резными колоннами и разрисованными стенами. Он окружен бассейнами и святыми источниками. Рядом находится Храм обезьян. Здесь действительно полно обезьян племени хануман.

Вообще-то Хануман по индусской мифологии – это бог-обезьяна и одновременно получеловек. Местные жители ему поклоняются, поют гимны и даже соблюдают посты в его честь. Вот почему в Индии принято кормить обезьян. Они считаются священными, обижать их нельзя. Но, как мне рассказали, индийцы почитают не рыжих обезьян, а именно хануманов.

Мы о них много слышали, но впервые увидели здесь, в Галтаджи. Хануманы выше ростом, морды у них черные, пальцы длинные, повадки человечьи и даже вполне интеллигентные.

О безобразиях рыжих обезьян в городах Индии я уже писала, но хануманы – совсем другое дело! А если почитать индийский эпос, испытаешь огромное к ним уважение.

В сказании о Раме и Сите есть легенда о Ханумане. Там идет речь о битве, в которой брат Рамы был смертельно болен. И тогда лекарь сказал, что некая трава, растущая в Гималаях, может спасти умирающего, если ее доставить до захода солнца.

Человек-обезьяна Хануман, сын Ветра, вызвался спасти брата Рамы. Он взмыл в воздух и устремился к Гималаям. Хануман мчался, как стрела, со свистом прорезая облака. Был уже вечер, когда он опустился на вершину горы, стал на колени и начал искать волшебную траву. Однако ночь наступала быстро, и он понял, что не успеет. Тогда могучая обезьяна поднялась во весь рост, увеличилась в размерах и, обхватив руками гору, вырвала ее из земли.

Хануман поднялся в воздух и пустился по закатному небу в обратный путь.

– О, Ветер, гонящий тучи! – молил Хануман отца.
– Помоги мне достичь Ланки раньше, чем мрак упадет на землю!

И бог Ветра внял его мольбам, подхватил Ханумана и помчал его.

В это время Рама с нетерпением и ужасом смотрел туда, где у горизонта уже заблестели в желтом небе семь звезд северного Ковша. Последние лучи уходящего дня окрасили кровью западный край неба. Дыхание раненого угасало... Вдруг светлая тень прочертила темнеющее небо, и огромная обезьяна опустилась на землю. Хануман бережно поставил гору перед старым лекарем, и тот нашел на ее вершине целебную траву, сорвал ее и приложил к разверстой ране. На глазах пораженных воинов края раны дрогнули и закрылись. Синева сбегала с лица раненого, он вздохнул полной грудью, шевельнулся и открыл глаза.

Такова легенда. А в жизни... Когда ты достаешь пеленку и протягиваешь заботливой мамаше, кормящей только что вылупившегося детеныша, а в этот момент десятки приматов несутся на тебя наперегонки – кто первым схватит лакомство, становится не по себе.

Ох уж эти обезьяны! Они как люди: и характеры те же, и повадки. Зеркальное отражение человеческих отношений. Насмешка природы...

В чем величие духа

Коротко скажу о нашей группе паломников. Вместе мы исходили по Индии больше сотни километров. Это жители Западной Украины, занимающиеся изотерическими практиками. Учитывая политические события последних лет и натянутые отношения России с бывшей братской страной, мы старались не лезть в душу к людям, которые приняли нас в свою группу. Конечно, они не предполагали, что к ним присоединятся «москальи». Это было решение Мукунды, нашего руководителя, и украинцы молча терпели. Между нами не было противоречий, кроме одного: они приехали «подзарядиться энергией», мы – погрузиться в смыслы. Поэтому группа в основном стремилась к медитации в горах, а мы – к общению с интересными людьми.

Наблюдая за ребятами, я невольно вспоминала 1990-е годы, когда мы, недавние атеисты, вдруг поняли, что природа одухотворена и во всем, что нас окружает, бьет божественный источник. Я, как слепой котенок, не знающий, где миска с едой, кидалась в поисках духовной пищи то к рериховцам, то к буддистам, то к экстрасенсам, пока, наконец, не увидела свет в темном тоннеле. Можно долго блуждать от одной кормушки к другой, но как важно осознать цель. Она у всех одна – спасение. И у индусов, и у христиан. Христос пришел в тот момент, когда человечество уже оглохло и ослепло, и Он указал самый простой и короткий путь к Богу: любовь к ближнему. Для этого не нужны подзарядки.

И Мукунда, молодчина, думал о том же – я уверена, потому что книги и статьи, которые он читал нам вслух по вечерам и на природе, были обращены к каждому из нас. И даже книгу американского миссионера Дханурдхара Свами я воспринимала как проповедь православного священника. В книге «Преображение» мне очень понравилась глава о величии человека.

Чем оно измеряется? Богатством, славой? Да нет же! Наше отношение к олигархам и «звездам» зачастую резко негативно. «Величие человека – в его способности стойко переносить испытания, – утверждает махараджа. – Настоящее испытание нашего характера происходит тогда, когда у нас возникают сложности или приходится противостоять своим страстям. Об этом напоминают священные писания. В нашем сердце живут враги, которые постоянно нас испытывают: вожделиние, жадность, зависть, гордость и гнев. Велик тот, кто может противостоять их натиску».

Невольно вспомнила покойного старца отца Павла из села Красные Ключи Самарской области. Он говорил: «Радуйтесь и молитесь за того, кто вас оболгал или причинил страдания: незаслуженно пострадавшему откроются врата рая». И в восточной философии – то же самое: найти в себе силы молиться за обидчика и простить его – вот в чем величие человека.

Цветок из рук Брахмы

142 километра на такси – и мы в Пушкаре, древнейшем городе мира. Долго выбираем гостиницу. Украинцы серьезно поистратились, ищут отель дешевле. Нашли неплохой вариант, но далеко от озера, а Мукунда уверяет, что селиться надо поближе к Священному озеру...

Все устали, нервы сдают. Украинцы начали путешествие в Ришикеше раньше нашего на целую неделю. Поначалу мы им завидовали: люди побывали у врат Гималаев, у истоков Ганги и даже искупались в священной реке. Ришикеш – мировая столица йоги и индуизма, великие мастера йоги демонстрировали там настоящие чудеса.

А теперь я сама чувствую усталость и понимаю, что узнать Индию и познакомиться с ее великой культурой за одну поездку невозможно...

Наконец группа послушалась Мукунду, и мы поехали в отель, который был забронирован заранее. Утром, выспавшись, мгновенно поняли, как прав был наш руководитель. В Пушкаре нужно жить непременно на берегу Священного озера. Вдохнуть, выдохнуть и расслабиться! Шанти – и точка...

Древняя легенда гласит, что создатель мира Брахма бросил цветок лотоса на землю, чтобы убить демона. И в том месте, где упал лотос, появилось Священное озеро. В названии города Пушкар два корня: пушпа – цветок, кар – рука. Получается: цветок, выпавший из рук Брахмы. В озере Пушкар паломники совершают омовения. Индусы верят: если совершить омовение в полнолуние месяца Картик (октябрь-ноябрь), то спасешься от перевоплощений и получишь небесное блаженство.

Считается, что Пушкар – самый древний город. А насколько древний? Если верить Пуранам, городу не менее пяти тысяч лет, потому что его основал сам Брахма. Это единственное место в Индии, сохранившее древний культ поклонения Брахме. И это опять же объясняется в легенде.

Брахма мог совершать обряд жертвоприношения только рядом со своей супругой Сарасвати. Жена, «собираясь на парад», слишком долго примеряла наряды и выбирала украшения. Так долго, что Брахма успел влюбиться и даже жениться на Гаятри, дочери

Индры. Сарасвати, узнав о случившемся, была в гневе и прокляла Брахму. С тех пор воздавать ему почести разрешается только в Пушкаре, иначе нарушитель может потерять благосклонность Вишну и Шивы.

Главный храм в этом городе посвящен Брахме и построен давно, в XIV веке. Здесь восседает величественное четырехглавое божество Брахмы. Он смотрит в четыре стороны, символизируя свое присутствие везде.

Каждый день мы начинали с обхода вокруг Священного озера Пушкар. Его окаймляет оригинальное архитектурное кольцо, где одно храмовое сооружение плавно перетекает в другое. Обходить это кольцо можно исключительно босиком. Каждая картинка как замедленное кино: у самой воды – отрешенный от мира йог, стая голубей облепила застывшую в медитации корову, брахман устремил глаза в ажурные облака и слушает музыку Бога...

Обедали мы в уютном кафе с видом на озеро. В Пушкаре официально запрещены мясные блюда и алкоголь. Каждое блюдо готовится в присутствии заказчика. Пока повар колдует над вегетарианским супчиком, мы почти засыпаем, полулежа на коврах, под гипнозом сакрального озера. Что поделаешь – шанти...

После обеда здесь же, на берегу, Мукунда Мурари читает нам отрывки из книги «Преображение». Там много образов и интересных сравнений. Например, мудрый человек сравнивается с цветком лотоса. Если капля воды попадет на мимозу, цветок свернется. Но с поверхности лотоса капля легко скатывается, не задерживаясь на нем. Целый поток воды не оставит на лотосе и следа. Так же и беды не оставляют следа на судьбе того, кто обрел жизненную мудрость. К этому должен стремиться каждый человек.

И еще одно сравнение, связанное с лотосом, привлекло мое внимание. Я процитирую Дханурдхара Свами: «Лотос – священный цветок, его листья и лепестки, покрытые тончайшим восковым налетом, всегда остаются чистыми. Лотос изумительно красив и всегда повернут к солнцу. Как же возможно, чтобы такой цветок вырос в пустыне? Но даже в сухой пустыне могут вырасти прекрасные цветы, если над ней будут лить дожди.

Пустыня – это сердце, полное страха неопределенности, недоверия... Когда мы учимся преодолевать страх и терпеливо переносить трудности, в нашей жизни появляется позитивный настрой и уверенность в себе. Это дает нам возможность прощать чужие ошибки, жить в согласии с другими людьми. И это делает жизнь наполненной смыслом, а судьбу – прекрасной».

Мукунда Мурари процитировал Марка Твена: «Прощение – это аромат, который фиалка дарит тем, кто ее растоптал». Тонкое и очень точное сравнение, не правда ли?

На скале Аравалли

Утром запланирована пешая прогулка на самый древний холм в мире – Наг Парват. Он находится всего лишь в четырех километрах от Пушкара, но мы начинаем моторикшу и едем, наслаждаясь окрестностями города. Когда проезжаем мимо школы, ребяташки, выбежавшие на перемену, весело машут нам руками и кричат: «Радэ, Радэ!».

Поля пустые, деревья и кустарники не радуют зеленью... Индийская зима – это наше засушливое лето: все выжжено солнцем.

Приехали, начали подъем. Горы я люблю, это моя стихия. Сердце ликует: мне кажется, что я не в далекой Индии, а у себя на родине, в Забайкалье, взбираюсь, как в детстве, на гору близ станции Ганзурино. В народе ее прозвали Пластинка, потому что на вершине скалы – две огромные каменные пластины напоминают граммофон.

Группа ушла вперед, я отстала. Понравившиеся камешки кладу в сумочку. Вот бы еще почвы прихватить... А может быть, всю Индию – в карман?!

Наг Парват, как и священный холм Гавардхан, только теперь, в эпоху Кали-юги, выглядит как холм. А давным-давно, в эпоху Двапара-юги, это была высокая гора в 10 тысяч йоджан. Один йоджан равен 13 километрам, значит, гора была высотой 130 тысяч километров. В Кали-югу она уменьшается с каждым днем – теперь это каменистый холм.

На скале Аравалли бьет родник – чистейшая холодная вода. Такая радость, ведь питьевую воду приходится покупать на рынке. Рядом с родником – древняя пещера. По преданию, в этой пещере нес духовный подвиг аскет Агастья муни, легендарный святой мудрец, один из начинателей аюрведы. Он собирал лечебные травы на склонах окрестных гор и изучал их. На пятый день летнего месяца Шравана в пещере Агастья муни совершается богослужение – пуджа. Считается, что любое желание участника пуджи непременно исполнится.

Каким-то образом вся наша группа из 14 человек поместилась в маленькой пещере Агастьи. К нам примкнул монах-индус, живущий на Аравалли. Вместе с Мукундой погрузился в медитацию, украинцы тоже читали мантры, а я просто расслабилась и ушла в себя. Через некоторое время перед моими глазами предстала необычная картина. Описывать ее не решусь, скажу коротко: я увидела Божество... Душная пещера раздвинулась, пробежал свежий ветерок, блаженно запело сердце.

Потом мы сидели на Аравалли, слушали Мукунду. Он рассказал историю царя Рангидеви.

Жил царь по имени Рангидева. Он соблюдал строгий пост ради благополучия всего мира. Когда Рангидева оказался на грани жизни и смерти, ему принесли большое количество освященной пищи, чтобы он мог прервать пост и поесть. Но не успел он сделать это, как перед ним возник брахман и сказал: «Рангидева, я очень голоден. Дай мне, пожалуйста, поесть». Царь вдоволь накормил брахмана. После этого он решил поесть сам, но в эту самую минуту перед ним появился крестьянин и сказал: «Я очень голоден. Дай мне, пожалуйста, поесть». Рангидева накормил и крестьянина. Едва царь приступил к еде, как появился человек со сворой собак и сказал: «Рангидева, мои собаки голодны. Дай им пищи и воды». Царь накормил и собак.

В конце концов у Рангидеви осталось лишь немного воды. Он почти умирал от жажды. Но стоило Рангидеве поднести воду к губам, как перед ним возник человек низшего сословия и сказал: «Я очень хочу пить. Не мог бы ты дать мне немного воды?».

Отдав свою воду, чтобы спасти этого несчастно-

го, Рантидева вдруг понял, что избавился от голода, жажды, усталости, страданий и скорби.

И тут все, кто приходил к Рантидеве, вновь предстали перед ним и приняли облик небожителей. Они сказали: «Это мы приходили и испытывали тебя, чтобы весь мир узнал, что такое великая личность».

Величие человека можно оценить по его способности терпеливо переносить испытания судьбы. Иисус Христос в своей последней молитве просил за распявших его людей: «Господи, прости их; ибо не ведают, что творят».

Куда мы катимся

В своем рассказе об Индии я не раз упомянула Кали-югу – эпоху, в которой нам выпало жить. Куда мы идем? От дикости к высотам цивилизации или – наоборот? Этот вопрос волнует каждого человека. Я решила остановиться на этой проблеме и обратиться к Ведам. Вот что там сказано о жизни на Земле, начиная с доисторической эпохи.

Первая, самая древняя эпоха – Сатья: 11501 г. до н.э. – 6701 г. до н.э. Вторая эпоха – Трета: 6701 г. до н.э. – 3101 г. до н.э. О третьей эпохе я упомянула в предыдущей главе. Это Двапара: 3101 г. до н.э. – 710 г. до н.э. Последняя эпоха существования человечества на земле – Кали: 701 г. до н.э. – 499 н.э.

Пять тысяч лет назад, когда только началась Кали-юга, мудрец Вьясадева, медитируя на берегу реки Сарасвати, увидел, что ждет человечество в будущем. Мудрецу открылось, что продолжительность человеческой жизни будет сокращаться, люди станут жадными, похотливыми и несчастными. Чтобы предотвратить нравственный распад, Вьясадева записал Веды. В ведической литературе (не буду перечислять все книги) предсказан приход Будды, Иисуса, Мухаммеда и других явлений Бога... Описан распад великой империи (СССР), сказано о том, что люди с желтой кожей заполнят своей техникой весь мир. В Пуранах содержатся высказывания, относящиеся к таким личностям как Адам, Ной, Аллах, Кабир, Шиваджи, сказано о правлении королевы Виктории, а также о том, как британцы будут строить фабрики в Калькутте.

Каждый день приближает нас к концу Света. Он неизбежен. Но вспомним: наша Земля уже неоднократно проходила процесс разрушения, а затем человечество возрождалось. Последний раз это был Всемирный Потоп.

Последствия греховной деятельности человека очень страшны. Катастрофы и бедствия ожидают нас в ближайшие годы. Войны, насилие, убийства, разрушение экологии и недр планеты – все людские злодеяния обернутся против нас самих. Нас ждут страшные землетрясения, цунами, наводнения, извержения вулканов, изменения климата, сдвиг Северного и Южного полюсов.

В эпоху Кали-юги грех поразил все человечество. Отвергая духовную истину, люди заняты наживой, грабежом, вожделением. Наш ум возбужден, сердце объято страхом. Вот основные характерные признаки Кали-юги: жестокость, ревность, ложь, мошенничество и обман, крушение религиозных и моральных

устоев, смертельные болезни, голод и страх. Воры становятся царями, а цари воруют у своих же граждан.

Мрачная картина... Но надежда на просветление все-таки есть. У Кали-юги возможен золотой период, когда все может измениться к лучшему, и в духовном сознании людей, и в просвещении может наступить подъем. Эти изменения произойдут лишь в том случае, если мы объединим наши усилия, иначе шанс будет упущен. По подсчетам восточных мудрецов мы с вами живем именно в это период. Настал решающий момент. Мы можем изменить себя и тем самым изменить к лучшему наше будущее.

Терпеливое дерева

На берегу Священного озера Мукунда Мурари ведет с нами духовную беседу. Он сидит под деревом, а дерево стоит под лучами солнца и дает нам тень.

Образ дерева – из книги «Преображение»: «Дерево молча отдает свою жизнь, чтобы из его тела мы могли построить себе дом. Это и есть терпение. Кто является великим? Тот, кто более терпелив, чем дерево».

Потом Мукунда рассказывает нам легенду, мы внимательно его слушаем, и каждое слово омывает сердце, как чистая вода камень.

Недалеко от итальянского города Перуджа жил известный святой по имени Франциск. Он был сыном очень богатого купца, однако выбрал путь отречения.

Однажды зимой Франциск вместе с братом Львом шел из Перуджи в церковь Святой Марии Ангелов. Шли они очень долго по холоду, под дождем и снегом. Близилась ночь. Франциск спросил брата Льва: «Знаешь ли ты, брат Лев, что такое совершенная радость? Если бы наши братья читали отличные проповеди, прославляющие нашего Бога, то не в этом была бы совершенная радость. Даже если бы наши братья возвращали зрение слепым, давали возможность хромым ходить и бегать, немым говорить, а глухим слышать, даже если бы они воскрешали мертвых, не в этом была бы совершенная радость. Даже если бы наши братья могли предсказывать будущее, обладали бы знанием астрологии, понимали бы язык всех живых существ и умели бы строить с ними отношения, не в этом была бы совершенная радость».

Удивленный, Лев спросил: «Что же тогда совершенная радость?»

Святой Франциск ответил: «Когда посреди ночи в этот жуткий холод мы доберемся до церкви Святой Марии Ангелов, промокшие, с ног до головы в грязи, голодные и мучимые жаждой, и в отчаянии постучим в дверь, и наш брат откроет и спросит: «Кто вы?» И когда мы ответим: «Мы твои братья, Лев и Франциск. Пожалуйста,пусти нас», он презрительно посмотрит на нас и скажет: «Вы не мои братья. Вы лжецы, низкие воры, притворяющиеся святыми... Убирайтесь отсюда!» – и захлопнет перед нами дверь. И если мы смиренно примем эти слова, поблагодарим Бога и простим этого человека – в этом будет совершенная радость».

Когда, мучаясь от голода и холода, умирая, мы снова в отчаянии постучим в дверь, он выйдет и скажет: «А, опять пришли». Мы попросим: «Брат, мы твои братья. Пожалуйста, смилуйся над нами, будь добр к нам! Нас мучает голод, мы замерзли, мы умираем». Тогда этот человек так разозлится, что начнет на нас

кричать, возьмет большую палку, схватит нас за горло и будет бить до тех пор, пока мы не окажемся на снегу в крови. Если в таком состоянии мы сможем вспомнить Господа нашего и подумать: «Господь, я вытерпел все это и простил этого человека ради Тебя – пожалуйста, прими это как подношение моей любви к Тебе!» – вот это, брат Лев, и будет совершенная радость.

Быть готовым терпеть все то, что может произойти с нами в жизни, при всех обстоятельствах помнить о Господе, прощать и любить братьев наших и делать это как подношение Богу – в этом есть совершенная радость».

Покой внутри нас

По канатной дороге в Пушкаре мы поднимаемся на гору Пап Мочини.

Когда рассаживались по кабинкам, мою коллегу-белоснежку служащую канатной дороги отделили от нас и посадили к индийцам – доставили сородичам удовольствие, чтобы те могли посидеть рядом с белой женщиной и сфотографироваться. Примета у них такая: любое желание сбывается! Из кабинки они выходили такие счастливые!

Наверху нас ожидала встреча с хануманами. Чтобы туристам было, чем угостить обезьян, рядом в киоске продают печенье. Не все хануманы ведут себя интеллигентно: одни берут печенье аккуратно, не терпя достоинства, другие налетают, как вихрь, сбивая благодетеля с ног. В общем, как люди. Я уже писала.

На вершине горы Пап Мочини полно туристов. Вид отсюда – пером не описать! Западная сторона склона, где мы расположились, чтобы проводить солнце, смотрит на плоскую долину, переходящую в пустыню. Обзор захватывает десятки километров. И снова приходит ощущение вечности бытия. Ты микрочастица в необъятном космосе, но и ты что-то значишь для него, и ты тоже вечен в круговороте жизни.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я понимаю: чтобы достичь внутреннего покоя, вовсе не обязательно ехать в Индию. Достаточно немного измениться. Но меняться мы не хотим. Нам кажется, что наше внутреннее «я» очень правильное. Вот у других – все не так! Другим надо меняться, а они этого не хотят. Надо им помочь.

Ах, как много сил уходит на то, чтобы добиться справедливости! Но мы забываем, что любая несправедливость – это план Бога, и рушить его планы нам не под силу. Не лучше ли направить свои усилия на то, чтобы изменить собственное сознание. Прийти к внутреннему покою и гармонии. Только так можно достичь успеха.

Путешествие лежа

В Дели едем в лежачем автобусе. Мы с Натальей впервые видим такой транспорт, поэтому визжим от восторга, фотографируемся, снимаем видео.

С камерой в руках я решила обойти весь автобус и взять интервью у попутчиков-украинцев. Утром нас ждет расставание: они направятся в аэропорт, мы останемся в Дели.

Ребята охвачены эйфорией: через несколько часов они будут дома. На включенную камеру реагируют весело, посмеиваются насчет борща и сала, рассказывают о тех, кто их ждет на родине. Почему-то

большинство опрошенных признались, что одной поездки в Индию достаточно. В общем, наши попутчики рассуждают, как известный классик: «Сюда я больше не езду». Снимаю их, а сама думаю: «Скоро я снова захочу в Индию...».

Непривычно смотреть в окно лежа. Картинка повернута на 90 градусов, и все видится иначе. Выше, масштабнее. Никакой грязи и нищеты. Очень правильная картинка.

Я представила себя индусом, старым садху, живущим под баньяном. Может быть, я им и была в прошлой жизни? Мукунда Мурари говорил, что уже в первый свой приезд в Индию он ощутил себя индусом, поэтому остался здесь жить.

Нет, я не хочу здесь жить. Не хочу, чтобы меня сожгли и развеяли пепел в далекой стране. Моя родина православная, с кладбищенскими крестами и лесной земляничкой на бугорках. И в эту жизнь я пришла, чтобы умереть православной.

С украинцами мы расстались на рассвете. Мне всегда очень грустно прощаться с попутчиками, которых – знаю – никогда больше не увижу. Такое ощущение, что провожаешь людей в другой, параллельный мир.

Ворота Дели

Мукунда доставил нас в гостиницу, которую выбрал сам: в центре Дели, у базара, где обычно останавливаются русские. Сам он отправился на отдых к семье.

И мы остались без переводчика. Ни Наталья, ни я не влаеем английским. Но нам уже приходилось общаться с местными жителями – на каком языке, сами не знаем.

Мы наняли рикшу и поехали в Рэдфорт – Красный форт в Дели. Пришлось больше часа преодолевать «неприступный» участок дороги – индийскую барахолку! Около трех километров в центре города занимает вещевой рынок, на котором отовариваются местные жители. Брендная одежда и обувь, косметика известных фирм – все разложено на земле, фрукты, орехи, сладости – на тележках, перегораживающих основную дорогу, по которой пытаются проехать моторикши и такси...

Наконец добираемся до Рэдфорта.

Величественный памятник могольского периода в Индии. В апреле 1639 года шах Джахан перенес столицу из Агры в Дели и заложил Красный форт – величественное сооружение из красного песчаника. Периметр стен форта – 2,5 километра. Немало, если учесть, что нам предстоит обойти все внутренние дворцы на обширном участке.

На площади перед фортом – тысячи туристов. В билетные кассы выстроилась огромная змеевидная очередь. Поначалу мы испугались, но нам подсказали, что для иностранцев работает отдельная касса. Различной оказалась и цена билетов: для нас – 500 рупий, для индийцев – 30.

Форт впечатлил размерами крепостных стен и мощью, но когда мы миновали Ворота Дели, пожалели об истраченных деньгах: Рэдфорт не произвел на нас такого впечатления, как Амберфорт и Фатэпур-Сикри – замок Акбара. Возможно потому, что мы оказались без нашего замечательного гида. Ах, какую «песню» исполнил бы сейчас Мукунда!

Сначала мы попали в Диван-и-ам – огромный открытый зал, который был предназначен для официальных приемов. На мраморном постаменте возвышался трон императора. Когда-то он был украшен драгоценными камнями. А все помещения и залы дворцов форта были задрапированы дорогими коврами из китайского королевского шелка и турецкого бархата.

Через Диван-и-ам прошли во внутренний двор форта. Это очень большая территория, где сохранились постройки императорских покоев, гаремов, залов для приемов.

На территории форта работают несколько музеев. Самый первый на пути – военный музей. Какого только оружия здесь нет! Но нам, девочкам, интереснее посмотреть на предметы быта могольской эпохи, халат императора, вещицы любимых жен, портреты. Все это выставлено в небольшом краеведческом музее, который расположен в правом дальнем углу внутреннего двора.

После осмотра дворцов форта мы усаживаемся на скамейку, чтобы отдохнуть, и наблюдаем за индийцами. Они приезжают сюда семьями, с детьми и проводят целый день. Умиление вызывают отношения между супругами. Чем обусловлена та верность, о которой я уже писала, и взгляд на женщину как на божество? Запрет на прелюбодеяние есть в каждой религии, но нравственный закон легко нарушается европейцами. Неужели в индуизме кроется какой-то особый секрет? Но, может быть, ответ прост: крепкие древние традиции? Тысячелетняя культура семейных отношений? У нас эта культура давно уничтожена. В начале XX века по всей Европе, в том числе и в России, прокатилась волна сексуальной революции. Ее отголоски и поныне калечат жизнь людей, не знающих, что такое бхахти...

Акшардхам

В Дели у нас была намечена большая программа. На первом месте стоял Акшардхам. Как утверждали знатоки Индии, это самое зрелищное место, сюда стекаются люди со всего мира, чтобы увидеть настоящее чудо света. Однако чтобы попасть туда, надо отстоять в очереди три-четыре часа.

Все так. Когда мы на такси приближались к Акшардхаму, с высоты холма открылась такая потрясающая панорама, что от восторга заколотилось сердце. Огромный храмовый комплекс раскинулся на несколько километров. По своей грандиозности он превосходит все подобные сооружения в мире и включен в Книгу рекордов Гиннеса.

С очередью нас тоже не обманули. Но если бы мы оставили сумки с телефонами и фотоаппаратом в гостинице или в такси, стоять бы почти не пришлось: в километровая очередь тянется в камеру хранения.

Акшардхам переводится как «резиденция Бога». Построен не так давно – в 2005 году, но его неповторимость в том, что в общем облике воссоздан ведический памятник доисторической эпохи. Вход бесплатный. Первое чувство, которое охватывает, когда ты наконец преодолеваешь все посты с миноискателями и оказываешься на храмовой территории, – полное отчаянье: как же тут обойтись без телефона и фотоаппарата!

Но мы купили в киоске яркий буклет с подробным описанием Акшардама и немного успокоились.

Главный храм покрыт мраморными скульптурами и окружен озером. Воду сюда привезли из священных водоемов со всех уголков Индии. В комплекс входят великолепные парки, кинотеатр, светомузыкальный фонтан, скульптурные композиции, крытый искусственный канал, по которому можно покататься на лодках, многочисленные сувенирные магазины и кафе.

Весь комплекс построен из розового мрамора. Девять куполов, 234 резных столба и 20 тысяч разных божеств! Периметр храма украшают 148 фигур слонов.

Кроме осмотра главного храма можно заказать экзотическую экскурсию – путешествие в прошлое – и по искусственному водоему на лодке, минуя тоннели, имитирующие древние пещеры, преодолеть расстояние в десять тысяч лет и увидеть, как зарождалась цивилизация.

Этим комплексом можно восхищаться бесконечно. Если бы в Дели не было больше никаких достопримечательностей, ради одного Акшардхама стоило бы приехать в столицу Индии!

Метро

В Акшардхаме мы здорово поистратились на сувенирах и косметике – в его магазинчиках оказались очень приемлемые цены. Назад в отель решили отправиться на метро. Акшардхам находится далеко от центра, ехать на такси дорого и к тому же долго из-за пробок. А тут невдалеке – доступный вид транспорта...

Но когда мы добрались до метро и глянули на огромную таблицу с номерами бесконечных линий, смелости поубавилось: как разобраться в этой схеме без знания английского? Обратились к девушке, начали объясняться жестами. Она, ничего не поняв из наших кривляний, остановила молодого человека. Тот уловил слово «базар» и решительно повел нас к

кассам. Недаром говорится: язык до Киева доведет!

И вот мы уже в метро. Вагон переполнен, но мы довольны. Рядом стоящие индийцы тоже счастливы, а еще больше – изумлены: европейцы в метро! По представлениям местных жителей европейцы – народ очень богатый, им положено ездить в такси...

Вот уже заканчивается наша поездка, подходит к концу и мое повествование, а я еще ничего не сказала об отношении индусов к материальным благам.

Вот что рассказывал нам Мукунда.

Выехал рикша на своем мотороллере с коляской или велосипеде на тропу заработка. Дома остались жена и шестеро или больше голодных детей. Заработал рикша 400 или 500 рупий – праздник! Вечером семья пирует, радуется вкусному ужину... И никто в этот момент не думает, что принесет завтрашний день. Будет день – будет пища!

Индусы не копят деньги, не преумножают материальные блага – они стремятся удовлетворить минимальные потребности семьи. И завидовать олигархам не видят смысла: богатые не являются владельцами своего состояния, они попечители благ и обязаны заниматься благотворительностью. И вообще Бог посылает богатым людям гораздо больше страданий, чем бедным.

И снова повторяюсь: самое большое богатство для индусов – это любовь, которую нельзя купить за деньги или славу. Богат тот, кто любит и любим, кто душу веряет Богу и стремится к Нему.

Плоды ожиданий

К сожалению, мы не смогли попасть в Дели в Храм Лотоса и гробницу Хумаюна – эти экскурсии были оставлены на понедельник, и оказалось, что в

этот день доступ к памятникам закрыт. Ожидания, которые мы возлагали на Дели, не оправдались.

У нас всегда много ожиданий. Мы считаем, что заслуживаем большего и жизнь несправедлива. Но чем выше наши требования к жизни, тем больше мы страдаем. Если бы уже в юности я понимала, что события будут развиваться не так, как я того хочу, возможно, я чувствовала себя более счастливой. Все во власти Бога. А если взвесить все то, что я в конце концов получила от Него, многократно превысит все мои ожидания!

Зачем же я так страдала? На что были потрачены силы?

Однажды я призналась, как долго писала в стол и даже помыслить не могла о том, что у меня выйдут книги. Получила с лихвой! А в ответ Богу – новые сетования.

Когда-то и о путешествиях не мечтала. И вдруг – Индия! Яркие впечатления, незабываемые встречи, новые открытия, смелые размышления и планы...

Чтобы приблизиться к Богу, надо укротить беспокойный ум, погрузиться в морскую пучину, добраться до самого дна и насладиться тишиной и молитвенным озарением. Там, на дне морском, никакой бес не взбаламутит палкой воду Истины. А внешняя жизнь с ее заманчивыми иллюзиями пусть идет своим чередом...

В чем заключается талант? В способности черпать откровения из духовного источника. Но чтобы черпать, важно не оторваться от главной пуповины, соединяющей с Богом. Какая это нить, какой веры – решать не нам. Пуповина – от матери и праматери, ее и держись. Крепко, до самого конца.

Фото Натальи Цукановой

4 февраля 2018 года в Симбирской классической гимназии состоялся творческий вечер дуэта «Качели». Бард Сергей Кочетков и поэт Татьяна Мельник выступили с литературно-музыкальной композицией. В зале собрались слушатели – добрые друзья дуэта, ценители и почитатели их творчества.

В самом начале года и Татьяна, и Сергей отметили свои юбилейные дни рождения. И программа, представленная слушателям, названа «Два по 50».

Лирические стихи Татьяны Мельник давно завоевали сердца чутких читателей. Выступления этого дуэта всегда сопровождаются зрительским вниманием и интересом. Ведь песни в исполнении Сергея Кочеткова (он и автор музыки) гармонично дополняют поэтическую композицию. В 2017 году Сергей Кочетков был гостем литературной видеогостинной нашего журнала. Запись этой передачи можно найти на сайте Издательского дома «Ульяновская правда». Нашим читателям предлагаем подборку стихов Татьяны Мельник о любви.

*Редакционный совет журнала «Симбирскъ»
сердечно поздравляет Татьяну Мельник и Сергея Кочеткова
с их юбилейными датами! Желаем добра, творческого полета, новых стихов и песен!*

Татьяна МЕЛЬНИК, член Российского Союза профессиональных литераторов, член Союза писателей России. Автор книг «Я оставляю тебе...», «Невысказанное», «Имя на снегу», «Ангел тишины».

ЗВЕНЯЩИЙ СНЕГ

* * *

*Так ты что, правда, его
любила?
Из разговора*

Да любила его я, любила!
Боже мой, да о чем я, о чем?
Что могла, я давно уж разбила.
Ну а память совсем ни при чем.

Все дороги давно запуржило,
И мосты все давно развело.
Да любила его я, любила.
А любовь – разве грех или зло?

От бестактных вопросов застыла.
Ну зачем вам подробностей нить?
Да любила его я, любила.
И полжизни пытаюсь забыть.

НОЧЬ

Помоги, покажи, подскажи,
Где же дно у бездонной ночи?
Или ночь растянулась на жизнь,
Как огромное многоточье?

Неужели не хочешь помочь,
Если женщина слабая просит?
Объясни, как бездонная ночь
Превращается в знак вопроса?

Час за часом, за веком век
Эта ночь неизбежно тает
И рождает звенящий снег,
Замирая, как запятая.

Но я свято верю в рассвет:
Небо лопнет рассветной почкой,
Вот и ночи бездонной нет,
Разве в памяти – черной точкой.

* * *

Дерзкий взгляд девчонки-недотроги,
И мужская дрогнула рука.
Ведь за ним такая хоть в остроги,
Хоть в тайгу, хоть к черту на рога.

Но такую и обидеть просто:
Щеки вспыхнут яблока алей,
Взгляд холодный, брови – знак вопроса,
И уйдет по тишине аллей.

И тогда ищи-свищи такую.
Встретить бы на тысячу хоть раз.
Гордую, звенящую, лихую
С нежной грустью темно-карих глаз.

КОВЫЛИ

Можно, я тебя провожу
За околицу, за село,
Стремена тебе поддержку,
Чтобы легче взлетел в седло?
Обниму твоего коня,
Белым сахаром накормлю:
– Береги вдаль от меня
От несчастий любовь мою.

А в степи, в ветрах и в пыли
Ковыли, ковыли, ковыли.

Низко голову наклони,
Я повешу тебе на грудь
Горсть горячей родной земли,
Чтобы легче стал трудный путь.
Поцелуй меня только раз,
Но так жарко, чтоб поцелуй
От лихих поклонников спас
И наветов жену твою.

Пусть поют обо мне вдаль
Ковыли, ковыли, ковыли.

Я тебе пожелаю в путь,
Ты люби станицу свою,
Сыновей своих не забудь
И жену в далеком краю.
А о нас, любовь, не грусти,
Я всех жен на свете верней.
Пусть хранить тебя Бог в пути
И домой приведет скорей.

И уносят за край земли
Ковыли, ковыли, ковыли.

НА ДУШЕ У ТЕБЯ

На душе у тебя темно,
Как в твоих бездонных очах.
На душе у тебя – семь нот,
Семь бессонниц, сгоревших в свечах,

На душе у тебя мятеж:
Семь стихий, семь безумных бурь,
Семь молитв, семь робких надежд
На рассветную неба лазурь,

На душе у тебя семь зорь –
В черных омотах семь лучей,
И до боли знакомый взор,
Грустный-грустный, ты знаешь чей,

На душе у тебя семь раз
По стеклу простонала жесьть
И семь пятниц – семь горьких фраз.
Только струн почему-то шесть.

* * *

Вновь у судьбы на самом краю
Я воздух ловила, как руки друга,
Но камень ударил мне в грудь упруго –
Богов апостолы предают.

Лицом к лицу в смертельном бою,
Вновь защищая честь дружбы старой,
Нет, не ждала я в спину удара –
Богов апостолы предают.

Наверно, не быть мне уже в раю:
За край удержавшись и вновь сражаясь,
Увы, потеряла я к другу жалость –
Богов апостолы предают.

* * *

Молила: «Не играй!»
Но научилась тоже.
И острый жгучий край
Стал истины дорожке.
Улыбку – на уста,
А душу – вглубь подальше.
Учитель, ты устал
От нашей общей фальши?
Но как играет грань,
Гитара, ветер в листьях...
«Что наша жизнь? Игра!»
А мы с тобой – артисты.
Азарт, напор, восторг –
Вершина лицедейства,
И вскрик, что зал исторг,
В сценарии задеистван.
И даже трепет губ
И страсти напряженье –
Игра луча в снегу
В зеркальном отраженье.
Ну, как тебе игра?
Что смотришь так устало?
Учитель, ты не прав,
Я тоже не играла.

* * *

Давно ль она была девчонкой,
Наивной, робкой и смешной,
И от ровесниц, ярко-звонких,
Бежала в мир фантазий свой?

Давно ль от поцелуя в щеку
Смущалась и краснела вся,
А мир, надменный и жестокий,
Имел лишь острые края?

Давно ль влюблялась безоглядно,
И не умея чувств скрывать,
Смотрела пристально и жадно,
Как шел другую провожать?

Вдруг выкрик в спину ей: «Колдунья!
Ведь ты с ума свела меня!
Сам у себя покой краду я,
Не в силах роль раба принять!»

Но взгляд ее в ответ спокоен,
Слова – водою из горсти:
«Я знаю, ты любви достоин,
Но не люблю тебя, прости».

Глядит приветливо и смело.
О, этот взгляд! О, эта статья!
Мой Бог, когда ж она успела
Такою женщиною стать?

* * *

В тесной яме двум волкам не ужиться.
Волки б жили – бок о бок, холка в холку.
Только в яме оказались волчица
И шакал, себя считающий волком.

А волчица приносила добычу,
Не поняв, что ж так волк обессилел.
Принесет и мордой кус другу тычет,
Ест шакал, а сам ворчит: «Не просили».

Быть волчица деликатной старалась
(При ее-то это волчьей натуре),
Ощущала к другу слабому жалость.
Ей открыть глаза пошире бы, дуре.

И однажды, возвратившись с охоты
В волчьей яме обнаружила гостью.
И сначала аж опешила: «Кто ты?»
А поняв, смеялась горестно после.

И теперь боятся все ту волчицу:
Защищаясь, вмиг вгрызается в холку,
Никого и ничего не боится –
Быть с волчицей по зубам только
Волку.

* * *

Ты опустил глаза? Ну, надо!
А помнишь, ревностью горя,
Я не выдерживала взгляда
С тяжелым блеском янтаря?

Он был холодным и манящим,
Желанным, словно снегопад,
Он был бездонным и разящим –
Безжалостно-прекрасный яд.

Он бил настолько равнодушно
В меня, вернее – сквозь иль над,
Что, опустив глаза, все глуше
Я отвечала невпопад.

Так что же вдруг с тобою, воин?
Ты побежден? Сражен? Распят?
Я безразлична и спокойна,
А ты впервые прячешь взгляд.

* * *

Мое прощенье, как яд:
Ты жадно пьешь, но мучит жажда.
И знаешь сам, что виноват,
Предав меня всего однажды.

Гроза обид и хлестких слов,
Мое презренье, гнев, угрозы
Не сотрясли бы так основ,
Как те жалеющие слезы.

О, всепрощающий мой взгляд,
Опять доверивший кинжалу!
Ты им на совести распят
И гибнешь вновь.
Какая жалость.

* * *

Ты пятак потерял, безутешен.
Дай-ка душу твою обниму,
Залатаю сердечные бреши –
Знаю, трудно в беде одному.

Оттого не сужу тебя строго
За свои одинокие дни –
У меня утешителей много:
Обезьянка, подушка, дневник.

* * *

Так много в мире принцев,
Так мало королей.
Я выбираю принцип
Из тысячи ролей.

Из замкнутого круга
Врываюсь в новый круг.
Я выбираю друга
Из тысячи подруг.

Судить себя, так строго –
Мной попраный закон.
Я выбираю Бога
Из тысячи икон.

Глаза кричат: «Послушай!..»
А губы лгут: «Скажи...»
Из тысячи игрушек
Я выбираю жизнь.

* * *

Не спеши извиняться, не стоит,
Ты мне жизнь, дорогой, не ломал.
Просто много печали в Love story,
Много мистики, битых зеркал.

Да и если бы в чем провинился,
Все простила. Простил бы Господь.
Ты печалью своей извинился,
Истерзав свою душу и плоть.

И слова, как всегда, бесполезны –
За тебя все глаза говорят,
Эти карие отблески лезвий –
В ножнах боли затупленный взгляд.

* * *

А я тебя звала недавно: «Мой хороший».
Но вместе нам не быть – так карты говорят.
Как были мы близки! Но это дело в прошлом.
Ты перешел на Вы, я перешла на мат.

Меня ты укорял: «Мадам, вы слишком грубы!»
А я тебе в ответ кричала: «Идиот!»
А мне бы целовать твои родные губы...
А я кусала свой тебя язвущий рот.

Кричала: «Не прощу! Уйди!» – в пылу азарта!
Как много сорвалось, увы, не воробьев...
Как только терпит нас не верящая в карты,
Уставшая от слез священная Любовь?!

* * *

Я Вас обидела? Грешна.
Простить меня прошу покорно.
Была неравною война
Стратега и девчонки вздорной.

Боясь, что полк мой поредел,
И не сносить, видать, короны,
Я лишь превысила предел
Необходимой обороны...

* * *

Опущен занавес,
Погашен свет.
Сыграть бы заново
Хоть пару лет.

Пусть правду редко мы
Вслух говорим,
Исправить реплики,
Подправить грим,

И акту первому
Наполнить зал,
Тогда б, наверное,
Ты мне сказал...

Опущен занавес.
Горит тетрадь.
Нельзя все заново
Переиграть...

* * *

Время сбора камней,
Время горьких прозрений,
Ты пришло и ко мне,
В дом, лишенный презренья.

Ты пришло и ко мне,
Ждешь неведомой жертвы...
Время сбора камней...
Урожай нынче щедрый...

Только я не боюсь,
Молча их собираю
И вселенскую грусть
Жадно пью из Грааля...

Ты пришло и ко мне
Самой верной порою...
Я из этих камней
Храм, наверно, построю...

* * *

– Так нельзя. Поверь мне, это слишком –
 Все так близко к сердцу принимать.
 Так лишь в детстве взвинчены мальчишки,
 Если при друзьях ругает мать.

Ты давно уж выросла и знаешь,
 Надо быть спокойней и мудрей,
 Ты все беды не перестрадаешь,
 Так топи их, как котят, в ведре...

Слез твоих, поверь, никто не стоит,
 Хладнокровней будь назло врагам.
 Ты запомни правило простое:
 Не переживай по пустякам.

Ничего же не случилось, что же
 Ты пылаешь, словно бы в огне?
 – Это просто я живу без кожи,
 Просто и от счастья больно мне.

* * *

Запотевший бокал.
 Это – снова мартини.
 Это – битых зеркал
 Все наивней картины.
 Это – луч сквозь вино
 Преломился на стену.
 Это – мне все равно,
 Выходить ли на сцену.
 Это – памятный вкус
 Горьковатой полыни.
 Это – странная грусть
 И, не помню – чье, имя.
 Это голос звенит,
 Объяснить что-то хочет.
 Это – лета зенит
 И короткие ночи.
 Это – капли на дне,
 Словно чистые росы.
 Что нашла я в вине?
 Осень...

* * *

Мной не любимый, в меня не влюбленный,
 Что ж расставаться так страшно и больно?
 Нам не смириться с предательской ролью,
 Мной не любимый, в меня не влюбленный.

Сплетни над нами, как вороны, кружат,
 Каждый из нас пред молвой безоружен.
 Просто нужна я, и ты – просто нужен.
 Просто мужчина и женщина дружат.

Вновь отряхнут оперение клены...
 Что ж ты подводишь, мой разум хваленый?
 Дай поцелую висок побеленный,
 Мной не любимый, в меня не влюбленный.

* * *

Мне снова мало
 Двух крыльев за спиной.
 Я так устала.
 Поговори со мной.

Я шла так долго,
 Казалось мне – домой.
 Да много ль толку?
 Поговори со мной.

Не будь жестоким,
 Надежный недруг мой,
 Мне одиноко,
 Поговори со мной.

Глаза все суше...
 Наполнены виной...
 Согрей мне душу –
 Поговори со мной.

* * *

Моей души мне, видно, не спасти –
 В который раз свершаю святотатство:
 Я остаюсь, где надо бы уйти,
 И ухожу, где надо бы остаться.

* * *

Ну зачем ты лжешь
 Снова о весне?
 Подари мне дождь
 Робкий, как во сне.

Подари мне дождь –
 Ласку нежных струй,
 От касаний дрожь,
 Первый поцелуй.

Словно в спину нож –
 Осенью тоска.
 Подари мне дождь,
 Будет грусть легка.

Осень? Ну так что ж?
 Осень не на век.
 Подари мне дождь,
 Чтоб наутро – снег.

* * *

Мне приснилась зима
 Белой-белой волшебною птицей.
 Мне приснилась зима
 И божественный – хлопьями – снег.
 В белых шапках дома,
 Легкий иней на теплых ресницах.
 Мне приснилась зима
 Та, что длится – какой уже? – век.

Мне приснилась метель:
 Свежий ветер сквозь рваную душу.
 Мне приснилось – метель
 Заметает о прошлом следы.
 Двери рвутся с петель,
 И стихи – прямо с неба – послушай.
 Мне приснилась метель,
 И в снегу утопающий – ты.

Мне приснились стихи
 Вперемешку со сном и со снегом.
 Мне приснились стихи –
 Щедрый дар бесконечной зимы.

Мне приснились стихи
Под мелодию снежного неба.
Мне приснились стихи
И безумно влюбленные – мы.

Мне приснилась зима...

* * *

Он так вежливо мне сказал:
«Я Вас вижу всегда одну...»
А чертенок в его глазах
Мне вдруг весело подмигнул.

Я в ответ лишь вздохнула: «Ах!
Но я вижу Вас в первый раз...»
А чертенок в его глазах
Не сводил восхищенных глаз.

Замолчали. И легкий страх,
Что вот это – уже финал.
Лишь чертенок в его глазах
В адском пламени погибал.

Что еще я могу сказать?
Я пропала – попала в плен.
А чертенок в его глазах?
Будь он вечно благословен.

* * *

Ты не ведьма и не колдунья,
Я не верю пустой молве.
Даже если вдруг в полнолуние
Ты сама признаешься мне.

Ты не ведьма, ты – лишь воровка –
Ты воровка сердец мужских.
Как же просто и как же ловко
Взглядом карим пленяешь их.

Вот и я как дурак попался
В плен твоих колдовских очей.
Я боролся, но все же сдался.
Лишь понять не могу – зачем?

На какую тебе беду я
Сдался, жертва ворожьих сил?
Хулиганка, а не колдунья.
И за что тебя полюбил?

* * *

Что ж, стреляйте! По крыльям – можно!
И без крыльев люди живут.
Ну а что – по земле без кожи?
Кто же в этом виновен тут?

Ну ж, стреляйте по белым крыльям!
Нам привычна такая боль!..
(Что ж вы, Ангелы, не прикрыли,
Не закрыли его собой?)

Ну же! Пли! Только вы забыли,
Что закон – он один на всех:
И пробитые крылья – крылья!
Но несут только вверх и вверх...

* * *

– *Может, я разучилась летать?*
О. Лазарева

Не миновала. Нет на Руси
Грешным покоя.
Как я молила Тебя: «Обнеси
Чашей такую...»

Сколь тяжела судьбоносная кладь,
Пробует каждый.
Что, если я разучилась летать?
Пропасть покажет...

* * *

Говорят, мой язычок,
Ох и ядовит.
Только я здесь ни при чем –
Кто что говорит.

Говорят, горьки на вкус
Фразы все мои.
Говорит так только трус –
Лживо говорит.

Говорят, остры как меч
Все мои слова.
Ох неправда! Речь как речь!
Лжет о ней молва!

Я не верю! Слишком груб
Этот сплетен вал! –
Так бы страстно горьких губ
Он не целовал..

* * *

Была я предана тебе,
Как птица небесам.
Ты был единственным в судьбе,
Кто узнан по глазам.

Была я предана тебе,
Как Господу монах,
Моя молитва и обет,
Причастье на губах.

Была я предана тебе,
Как музыке струна,
Из поражений и побед
Воскресшая одна.

И ты последнюю из бед
Под перебор допой.
Была я предана тебе.
И предана тобой.

И. З.

Елена ТОКАРЧУК

В СЕРДЦАХ ДЕТЕЙ, РОССИИ И ХРИСТА

О творчестве Евгения Белянина

Евгений БЕЛЯНИН (Гранд) (13.02.1954 – 12.02.2017), бард, член
Российского союза профессиональных литераторов.

Часто мы сталкиваемся с тем, что человек, загнанный в тиски своих проблем и печалей, не может увидеть ни того, как прекрасна жизнь, ни того, зачем он живет. Отсюда жалобы на монотонность, серость, бессмысленность жизни. Но как опровержение этому звучат стихи и песни Евгения Гранда. Они идут по контрасту с такими мыслями. Его стихи – это признание в любви к жизни, к людям, к Богу. Читая их, проникаешься чувствами того, что необходимо для всех и вместе со всеми проживать эту жизнь самому, самому все чувствовать и создавать. Он считает, что человеку необходим и труд физический, и труд умственный, и труд душевно-духовный. Потому и не приемлет для себя внутренней лени и пассивного отношения к жизни:

«Дары Небес труду предпочитая,
Лишь лодырь пашню каторгой зовет.
Лишь двоечник повинностью считает
И парту в школе, и учебный год.
Нет! Не во гнев даны, не в наказание
Ни жизнь, ни смерть, ни буря, ни покой.
Я благодарен за урок страдания,
Что преподан душе моей слепой».

Когда человек осознанно и с добрым чувством проходит уроки жизни, он в итоге и сам становится и школой, и образцом. Адресатами стихов Евгения являются и те, к которым он обращается как младший к старшим, и те, к которым он идет как равный, и те, к кому он нисходит как старший к младшим. Это позиция человека уравновешенного и гармоничного, знающего как построить свои взаимоотношения с этим миром. И вот пронизанные отцовской любовью, глубоким переживанием стихи, обращенные к сыну:

Встань, сынок, расправив плечи,
Пусть дрожит лиха беда!
Наших душ последний вечер
Не наступит никогда!!!

Его стихи, словно пособия по преодолению душевной боли, словно подсказка или совет, идущий «от сердца к сердцу»:

Когда ты Ад огня преодолеешь,
Тогда на ранах запечется кровь.
Когда ты сам простишь и отболеешь,
Простит тебя Вселенская Любовь.

Евгений любит Красоту, Добро, Истину, поэтому нередко в его стихах мы слышим обращения к этим вечным началам. А как трудно бывает нам отделить доброе от злого, уродливое от прекрасного, истинное от ложного. Но и в этом Евгению помогает его мудрое, духовное отношение к жизни:

И не глядя вокруг,
за ресницами бревен лохматых
Толпы судий всезнающих, лекарей, учителей
Учат нищенский круг
под знаменами рифмы крылатой
И любить, и дерзать,
и на булку глядеть веселей.

Восхищенные солнцем,
шагая размашисто к свету,
У обочины темной не видя несчастных калек,
Знайте, в ком-то из них
под лохмотьями немощи ветхой
Молча плачет Христос,
вновь не признанный Бог-человек.

Хочется поблагодарить Евгения за стихи и песни, за сердце щедрого богача, за талант. Ведь в слове поэта заложена неисчерпаемая великая сила.

Лишь был бы день событиями отмечен,
Была б душа как небеса чиста.
Я был любим, любил, а значит вечен
В сердцах детей, России и Христа.

13 февраля 2006 г.

Русская поэзия XX века

ГОЛОСА ИЗ ХОРА

Испокон века поэтическое слово, звучавшее в народе, на страницах книг русских классиков, в храме, светском салоне, на площади или в тайниках сердца, в разных странах, на многих языках, в различные эпохи сближало, вдохновляло, духовно насыщало. Русская поэзия XX века, как и поэзия Золотого века русской литературы, – *это наше наследие, которое помимо исторической и культурной ценности несет в себе и особый нравственный стержень.*

Настоящая литература стирает границы времени и пространства. Она бессмертна. Ушли в прошлое имена многих поэтов XX века, а ведь из их слов, их образов плелась ткань века, полотно эпохи. Их голоса полны любви, веры, милосердия, а также сомнений, горечи, разочарования. Они творили Время, а Время творило их. За великими, всем известными именами стоит много поэтов с «негромкими», скромными голосами, но сказавших свое оригинальное слово и ждущих встречи с современным читателем. *Справедливо сказал об этом еще в XIX веке современник Пушкина поэт Евгений Боратынский:*

Мой дар убог, и голос мой негромок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах: как знать? Душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

Объять необъятное невозможно, и все же нам хотелось бы на страницах журнала «Симбирскъ» некоторые имена (великие и те, что остались на втором плане) вспомнить, выделить из общего хора голосов русской словесности, услышать еще раз или, возможно, открыть их для себя заново.

Ольга ДАРАНОВА, ученый секретарь областной научной библиотеки им. Ленина, автор и ведущая цикла программ «Голоса из хора» на радио ГТРК «Волга».

«ВСЕГО И НАДО, ЧТО ВГЛЯДЕТЬСЯ...»

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ (1922 – 1996)

Что происходит на свете?

– А просто зима.

– Просто зима, полагаете вы?

– Полагаю.

*Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
В ваши уснувшие ранней порою дома.*

– Что же за всем этим будет?

– А будет январь.

– Будет январь, вы считаете?

– Да, я считаю.

*Я ведь давно эту белую книгу читаю,
Этот, с картинками выюги, старинный букварь.*

– Чем же все это окончится?

– Будет апрель.

– Будет апрель, вы уверены?

– Да, я уверен.

*Я уже слышал, и слух этот мною проверен,
Будто бы в роще сегодня звенела свирель.*

Всем хорошо знакома эта лирическая новогодняя песенка на музыку Сергея Никитина. Она звучит в фильме «Москва слезам не верит», на фестивалях бардовской песни, на студенческих подмостках, она звучит, открывая людям новый год. А стихи к ней написал замечательный поэт XX века Юрий Левитанский. И именно его творческая биография будет первой страницей нашего нового проекта «Голоса из хора». Русская поэзия XX века».

Юрий Левитанский. Многие ли сегодня знают это имя? Думаю, что нет. Никто и никогда не называл его великим или выдающимся ни при жизни, ни после. Он просто жил и творил, обретая свою судьбу, свой удел. А между тем это был воистину Поэт, поэт-лирик, поэт своего неподражаемого восприятия жизни. После знакомства с его стихами в душе появляется чувство, что написано это о вас, прожито вами. И по сей день живет в его стихах пронзительная нота простоты и правды – того, что и является подлинной философией жизни, философией рождения и смерти – двух величайших таинств на земле.

Феликс Светов, писатель, друг поэта, отзываясь на смерть Юрия Левитанского, пронзительно написал: «Как рассказать читателю, если он пришел после нас, и ему остались всего лишь эти строки – талантливые, яркие, блестящие, он ими восхищен, он их тоже не забудет, станет к ним возвращаться и возвращаться... Но разве ему хоть когда-то откроются те глаза и улыбка, а в них печаль и радость, безысходная беда и безоглядное счастье... Я пробовал, пытался рассказать людям мне очень близким – тем, кому не повезло: не увиделись, не познакомились, другие были дороги или возраст иной, пробовал рассказать, пытался ни о чем не забыть – нет, не получалось, не выходило... Как бы ни был точен и талантлив, пусть даже конгениален мемуарист – не сможет, не передаст».

О чем стихи Юрия Левитанского? Конечно же, о жизни, о любви, о радостях и болях, утратах и обретениях. Но не только. Впрочем, настоящие стихи объяснить невозможно, потому что прекрасное по своей сути необъяснимо. Их нужно читать.

*Я люблю эти дни, когда замысел весь уже ясен
и тема угадана,*

*а потом все быстрее и быстрее, подчиняясь ключу, –
как в «Прощальной симфонии» – ближе к финалу –
ты помнишь,*

*у Гайдна –
музыкант, доиграв свою партию, гасит свечу*

*и уходит – в лесу все просторней теперь –
музыканты уходят –*

*партитура листвы оборачивает строка за строкой –
гаснут свечи в оркестре одна за другой –*

*музыканты уходят –
скоро-скоро все свечи в оркестре погаснут
одна за другой –*

*тихо гаснут березы в осеннем лесу,
догорают рябины,*

*и по мере того как с осенних осин облетает листва,
все прозрачней становится лес,
обнажая такие глубины,
что становится явной вся тайная суть естества, –*

*все просторней, все глуше в осеннем лесу –
музыканты уходят –
скоро скрипка последняя смолкнет в руке скрипача –
и последняя флейта замрет в тишине –
музыканты уходят –
скоро-скоро последняя в нашем оркестре
погаснет свеча...*

*Я люблю эти дни в их безоблачной,
в их бирюзовой оправе,
когда все так понятно в природе,
так ясно и тихо кругом,
когда можно легко и спокойно подумать о жизни,
о смерти, о славе
и о многом другом еще можно подумать,
о многом другом.*

Поэт Ефим Бершин назвал Левитанского «поздним поэтом, обретшим собственное дыхание на пятом десятке лет». Да и сам Левитанский не раз говорил об этой своей «позднесте». Вообще о поэтическом возрасте он писал так: «Говорят, поэзия – удел молодых. А я хочу написать о том, чем никто почему-то не занимался: о поэзии стариков, поскольку лучшая поэзия второй половины XX века – это поздний Пастернак, поздняя Ахматова, поздний Твардовский, поздний Самойлов». И в самом деле, в пору, когда вышел в свет «Кинематограф», первая книга, принесшая Левитанскому широкую известность, поэту было уже почти пятьдесят... Даже его знаменитая «долгая строка» впервые во всем блеске появляется поздно, лишь в 70-е годы в книге «День такой-то». Но и этого ему бы хватило, чтобы занять в истории российской поэзии достойное место.

Юрий Левитанский родился 22 (по другим данным 21-го) января 1922 года в украинском городке Козельце Черниговской области. Его ранние годы прошли в Киеве, куда Юрий переехал вместе с семьей. «Жили мы более чем скромно, это естественно. Случилось так, что после того, как мои родители поженились и я родился – буквально в первые месяцы, – их обворовали и вынесли все какое-то там жалкое их имущество. Они много раз начинали жизнь сначала, как впоследствии и я», – так писал поэт в своих воспоминаниях.

Впоследствии, когда отец Юрия нашел работу на шахте, семья Левитанских жила в небольшом шахтерском поселке, затем в городе Сталино (ныне Донецк). «Глинобитные домики, без всяких удобств, с общим туалетом на шесть-восемь дворов. Воду таскали квартала за три. Время такое было. Мои родители были достаточно бедны...», – пишет о своих детских годах будущий поэт.

В школе Юрий мечтал быть астрономом, но в те же школьные годы, учась в седьмом классе, начал публиковать стихи в газетах «Социалистический Донбасс» и «Сталинский рабочий». Окончив десятилетнюю школу в 1938 году, Юрий Левитанский переехал в Москву, где поступил в Институт философии, литературы и истории. В этом институте были собраны лучшие научные силы страны, блестящий профес-

сорско-преподавательский состав. В одном из интервью 90-х годов Левитанский говорил: «В моем лице, простите за высокопарность, вы видите последнего поэта ИФЛИИ <...>. Поэты-ифлийцы были странной когортой, объединенной известными принципами. Мы, младшая веточка, поступали в Институт философии, литературы, искусства, когда Твардовский его заканчивал. Там учились такие поэты, как Павел Коган, погибший первым, Сергей Наровчатов, Давид Самойлов, Семен Гудзенко... Никого уже нет в живых. Я последний, и мне от этого как-то тревожно и боязно. Наше поколение называют фронтовым: третьекурсники-ифлийцы, которых в армию тогда не брали, почти все ушли добровольцами на войну. Я был самым младшим, у меня даже кличка была Малец... Войну мы начали в 1941-м, под Москвой».

Тогда им было по девятнадцать лет, все казалось не столь трагично, как случилось... Как пишет поэт в своих воспоминаниях, «...наш оптимизм не иссяк и тогда, когда начались первые серьезные бои под Москвой, и мы лежали на московском снегу, как открытые мишени, в своих серых шинельках без маскхалатов, и, хотя нас учили стрелять из винтовок по самолетам, честно говоря, ничего из этого не получалось. Лежали, уткнувшись в снег. Да, это было страшно. Вообще, 41-й год был самым тяжелым испытанием для всех нас и для страны в целом...».

А потом он служил на Северо-Западном, Степном и 2-м Украинском фронтах, участвовал в битве на Орловско-Курской дуге, взятии Харькова, форсировании Днепра, Днестра и Прута. Великую Отечественную войну Юрий Левитанский закончил в Чехословакии, пройдя путь от рядового до лейтенанта, став командиром подразделения, а с 1943 года – корреспондентом фронтовой газеты. Он вернулся с этой страшной войны, выжил, а потом в жизни Юрия Левитанского была еще одна, по его собственным словам, «маленькая война» с Японией. Он выстоял в труднейших жизненных обстоятельствах, когда после войны судьба забросила его в Иркутск, куда он привез из Киргизии, из эвакуации, своих родителей и где в 1948 году вышла его первая поэтическая книга «Солдатская дорога», на которую тепло откликнулись Константин Симонов, Пабло Неруда, Ярослав Смеляков. И все же осмысление войны пришло позднее.

*Я видел вселенское зло.
Я всякого видел немало.
Игнуло меня, и ломало,
и все-таки мне повезло.*

*Мне дружбу дарили друзья,
и женщины нежно любили.
Меня на войне не убили,
мне даже и тут повезло.*

*Еще повезло мне, что вот
я дожил до вашей эпохи,
где вовсе дела мои плохи
и зыбок мой завтрашний день.*

*И все же я счастлив, что смог,
что дожил до этого мига,
до этого мощного сдвига
тяжелых подземных пород.*

*Я видел начало конца,
и тут меня Бог не обидел,
я был очевидцем, я видел
начало грядущих начал.*

*Я дожил, мне так повезло,
я видел и знаю наверно –
история движется верно,
лишь мерки ее не про нас.*

*И все ж до последнего дня
во мне это чувство пребудет –
я был там, я знаю, что будет
когда-нибудь после меня.*

Размышляя о своеобразии поэзии Юрия Левитанского, поэт Михаил Луконин писал: «Левитанский – человек тихий, свои стихи он выдает скупко, как бы стесняясь, расстается с ними так неохотно и застенчиво, что диву даешься. Зато и стихи Левитанского все выношены и отточены, и в самих стихах нет суеты».

Сейчас, по прошествии лет, первые его две книги – «Стороны света» и «Земное небо» можно назвать прологом, эскизом его будущей большой поэзии, хотя уже и в них проявлены все главные смыслы его творчества, тонкая углубленность мысли и чувства.

Левитанский не был «шестидесятником», как не был он ни «пятидесятником», ни «семидесятником». Его творчество не было мгновенным откликом великих свершений века, восхищением технологическим прогрессом, всякая праздная словесная мишура в нем отсутствует, скорее оно было плодом долгих и трудных раздумий над многими общественными явлениями, которые ему довелось пережить. Он считал, что настоящая, подлинная поэзия очень мало зависит от политики.

Исследователь творчества Юрия Левитанского Леонид Гомберг очень точно сказал в одной из своих статей: «Мы еще не осознали роль таких фигур <...> в разрушении режимов своим решительным неучастием в их делах. «Тихая» поэзия на самом деле была поэзией Сопrotивления. Власти бессильны были привлечь интеллигенцию этого уровня на свою сторону. Она оберегала от всех ветров очаг российской культуры».

Подлинное литературное признание принесла Левитанскому книга «Кинематограф» (1970). Принцип киномонтажа, перенесенный поэтом в поэзию с экрана, должен был, по мысли автора, не просто привнести в книгу многокрасочный иллюзорный фон, но и в ограниченных поэтической формой средствах развернуть перед читателем целую жизнь человека. Эта книга во многом построена по принципу воспоминаний. С этого слова начинаются и многие стихи: «Воспоминания о дождевых каплях», «Воспоминание о санках», «Воспоминание о красном снеге», «Воспоминание о скрипке» и еще и еще... Мир воссоздается сквозь призму незабываемых впечатлений детства, юности, военного и послевоенного времени, сквозь пережитое, то, что когда-то пронзило сердце и постоянно звучит в нем тихой, нескончаемой мелодией.

Из-под пера Левитанского выходит вольный, с богатой романтической палитрой и раскованный стих. И вместе с тем, как заметил Ефим Бершин: «После Пушкина никто, кажется, так не любил глаголы,

никто так изысканно не рифмовал, не перекачывал по строке, как волна перекачивает гальку, шурша и звеня».

*Это город. Еще рано. Полусумрак, полусвет.
А потом на крышах солнце, а на стенах еще нет.
А потом в стене внезапно загорается окно.
Возникает звук рояля. Начинается кино.
И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной.
Ах, механик, ради бога, что ты делаешь со мной!
Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
заставляет меня плакать и смеяться два часа,
быть участником событий, пить, любить,
идти на дно...*

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!

Кем написан был сценарий?

*Что за странный фантазер
этот равно гениальный и безумный режиссер?
Как свободно он монтирует различные куски
ликованья и отчаянья, веселья и тоски!
Он актеру не прощает плохо сыгранную роль –
будь то комик или трагик, будь то шут или король.
О, как трудно, как прекрасно действующим
быть лицом*

*в этой драме, где всего-то меж началом и концом
два часа, а то и меньше, лишь мгновение одно...
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!*

*Я не сразу замечаю, как проигрываешь ты
от нехватки ярких красок, от невольной немоты.
Ты кричишь еще беззвучно. Ты берешь меня сперва
выразительностью жестов, заменяющих слова.
И спешат твои актеры, все бегут они, бегут –
по щекам их белым-белым слезы черные текут.*

*Ты накапливаешь опыт и в течение этих лет,
хоть и медленно, а все же обретаешь звук и цвет.
Звук твой резок в эти годы, слишком грубы голоса.
Слишком красные восходы. Слишком синие глаза.
Слишком черное от крови на руке твоей пятно...
Жизнь моя, начальный возраст,
детство нашего кино!*

*А потом придут оттенки, а потом полутона,
то меньше, та свобода, что лишь зрелости дана.
А потом и эта зрелость тоже станет в некий час
детством, первыми шагами тех,
что будут после нас
жить, участвовать в событиях, пить, любить,
идти на дно...*

Жизнь моя, мое цветное, панорамное кино!

*Я люблю твой свет и сумрак –
старый зритель, я готов
занимать любое место в тесноте твоих рядов.
Но в великой этой драме я со всеми наравне
тоже, в сущности, играю роль, доставляюся мне.
Даже если где-то с краю перед камерой стою,
даже тем, что не играю, я играю роль свою.*

*И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,
как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
как сплетается с другими эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожаленью, ничего не изменить,*

*потому что в этой драме, будь ты шут или король,
дважды роли не играют, только раз играют роль.*

*И над собственной ролью плачу я и хохочу.
То, что вижу, с тем, что видел, я в одно сложить хочу.
То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать в одно,
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Я слезам их черным верю, плачу с ними заодно...
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!*

Поэт не может не говорить о себе, о своей жизни, о своем отношении к миру. У Левитанского каждое стихотворение говорит о виденном, слышанном, прочувствованном. Все его книги и стихи – это «мои мгновения, мои годы, мои сны». Левитанский приглашает читателя в свидетели происходящего, в собеседники, стараясь донести и раскрыть в повседневных мелочах, буднях – истину, добро, мудрость жизни. По сути, он писал портрет героя своего времени. Светлая печаль стихов Юрия Левитанского, его улыбка сквозь слезы, вызвана тем, что стыдно быть несчастливым, когда на свете, рядом с тобой, за стеной или за тридевять земель всегда найдется тот, кому хуже, кто нуждается в твоём привете.

*...Но вот зима,
и чтобы ясно было,
что происходит действие зимой,
я покажу,
как женщина кутила
на рынке елку
и несет домой,
и вздрагивает елочкино тело
у женщины над худеньким плечом.
Но женщина тут, впрочем,
ни при чем.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.
Итак,
я покажу сперва балкон,
где мы увидим елочку стоящей
как бы в преддверье
жизни предстоящей,
всю в ожиданье близких перемен.
Затем я покажу ее в один
из вечеров
рождественской недели,
всю в блеске мишуры и канители,
как бы в полете всю,
и при свечах.
И наконец,
я покажу вам двор,
где мы увидим елочку лежащей
среди метели,
медленно кружащей
в глухом прямоугольнике двора.
Безлюдный двор
и елка на снегу
точней, чем календарь нам обозначат,
что минул год,
что следующий начат.
Что за нелепой разной кутерьмой,
ах, Боже мой,
как время пролетело.
Что день хоть и длинней,
да холодней.*

*Что женщина...
Но речь тут не о ней.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.*

Книга Юрия Левитанского «День такой-то» (1976) несет иную смысловую нагрузку. Если «Кинематограф» явился широкой ретроспективой духовного становления и развития личности, то новая книга есть не что иное, как попытка поэта пристально взглянуться в один только день, в один час, даже в одно мгновение человеческой жизни. И в этом – обаяние поэтического дара Юрия Левитанского, магия его поэзии. Он пишет с легкой грустью и щемящей нежностью, пишет, словно доверительно разговаривает с вами – о быстротечности жизни, о красоте ускользающего мига, о временах года и о себе в них...

*Всего и надо, что взглядеться, – боже мой,
всего и дела, что внимательно
взглядеться, –
и не уйдешь, и никуда уже не деться
от этих глаз, от их внезапной глубины.*

*Всего и надо, что вчитаться, – боже мой,
всего и дела, что помедлить над строкою –
не пролистнуть нетерпеливою рукою,
а задержаться, прочитать и перечесть.*

*Мне жаль не узнанной до времени строки.
И все ж строка – она со временем прочтется,
и перечтется много раз и ей зачтется,
и все, что было в ней, останется при ней.*

*Но вот глаза – они уходят навсегда,
как некий мир, который так и не открыли,
как некий Рим, который так и не открыли,
и не открыть уже, и в этом вся печаль.*

*Но мне и вас немного жаль, мне жаль и вас,
за то, что суетно так жили, так спешили,
что и не знаете, чего себя лишили,
и не узнаете, и в этом вся печаль.*

*А, впрочем, я вам не судья. Я жил как все.
Вначале слово безраздельно мной владело.
А дело было после, после было дело,
и в этом дело все, и в этом вся печаль.*

*Мне тем и горек мой сегодняшней удел –
покуда мнил себя судьей, в пророки метил,
каких сокровищ под ногами не заметил,
каких созвездий в небесах не разглядел!*

По своей сути Левитанский был человеком мира. Ему скучны были споры современников о «русском пути» – успеть бы определить свои собственные пути, которые «каждый выбирает для себя». Он всегда имел свое собственное суждение о людях, о писателях, о книгах. Он часто вспоминал пушкинское: «Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво!», ведь не случайно он получил классическое образование в легендарном ИФЛИ, в его библиотеке было много книг по истории и философии, и очень широко были его познания в поэзии – русской классической, зарубежной, советской.

Семидесятые годы принесли поэту радость от-

цовства: у него друг за другом родились три дочки, которые стали главным смыслом его жизни. Отражением этих новых для него переживаний стала книга «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» (1981), в которой он попытался сплести воедино в одном мгновении бытия прошлое, настоящее и заглянуть в будущее. В ту пору у него была светлая полоса жизни: новая книжка, новая большая квартира в Астраханском переулке, две дочки, Катя и Аня (третья, Оля, еще не родилась), близкое соседство с друзьями, Самойловым и Окуджавой, новый молодой читатель, частые выступления, в эфире звучали песни на его стихи...

Примерно в это же время он пишет стихотворение о войне, через 35 лет после ее окончания. Юрий Левитанский не ощущал себя ни мирным армейским, ни военным поэтом, не кичился ни ранениями, ни ратными подвигами и фронтовую биографию не собирался, подобно другому прекрасному поэту-современнику Борису Слуцкому, предъявлять как «справку века». Он не стал поэтом фронтового поколения. У него не было ностальгии по военным годам. Он написал, как отрубил. Возможно, не все с этим согласятся. Но если вдуматься в то, что хотел сказать поэт своими строками, то понимаешь, что война для него – противоестественное самой природе человека состояние, чудовищная трагедия людей, неважно, по какую сторону баррикад они находятся, трагедия, о которой ему больно вспоминать и говорить. Левитанский впервые в военной лирике выступил с позиций паритета памяти и забвения, и это было сделано столь искусно, что никто не посмел заикнуться о несоответствии такой платформы канону советского военного патриотизма «Никто не забыт. Ничто не забыто!». Он был не фронтовым, он был просто Поэтом.

Ну что с того, что я там был?
Я был давно, я все забыл.
Не помню дней, не помню дат,
Ни тех форсированных рек
– *Я неопознанный солдат,*
Я рядовой, я имярек.
Я меткой пули недолет,
Я лед кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед,
Я в нем, как мушка в янтаре.
– *Ну что с того, что я там был?*
Я все избыл, я все забыл.
Не помню дат, не помню дней,
Названий вспомнить не могу.
– *Я топот загнанных коней,*
Я хриплый окрик на бегу,
Я миг непрожитого дня,
Я бой на дальнем рубеже,
Я пламя Вечного огня
И пламя гильзы в блиндаже.
– *Ну что с того, что я там был,*
В том грозном быть или не быть?
Я это все почти забыл.
Я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне –
Она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
Дрожит на скулах у меня.
Уже меня не исключить
Из этих лет, из той войны,
Уже меня не излечить

От тех снегов, от той зимы.
Вдвоем – и с той землей, и с той зимой
Уже меня не разлучить,
До тех снегов, где вам уже
Моих следов не различить.
Ну что с того, что я там был?!

Ему часто снилось, что он играет на разных музыкальных инструментах. В его стихах звучит скрипка, флейта, свирель... Он придавал очень большое значение цвету, каждый предмет, каждое явление в окружающем его мире он воспринимал в определенной цветовой гамме. «Поэзия его удивительно сопредельна искусству живописи. У Юрия Давыдовича были какие-то интимные – и в то же время устоявшиеся, очень выверенные – отношения со всем спектром красок <...>. Темно-фиолетовый – любимый цвет Левитанского – перебрасывает еще один мостик между прожившим долгую жизнь лейтенантом Великой Отечественной и погибшим на дуэли мятежным поручиком, тоже, кстати, превосходным живописцем», – пишет Виктор Куллэ.

День все быстрее на убыль
катится вниз по прямой.
Ветка сирени и Врубель.
Свет фиолетовый мой.

Та же как будто палитра,
сад, и ограда, и дом.
Тихие, *словно молитва,*
вербы над тихим прудом.

Только листья обгорели
в медленном этом огне.
Синий дымок акварели.
Ветка сирени в окне.

Господи, ветка сирени,
все-таки ты не спеши
речь заводить о старенье
этой заблудшей глуши,

этого бедного края,
этих старинных лесов,
где, вдалеке замирая,
сдавленный катится зов,
звук пасторальной свирели
в этой округе немой...
Врубель и ветка сирени.
Свет фиолетовый мой.

Левитанский был убежден: в поэзии ни опыт, ни слава, ни успех не значат ровным счетом ничего, потому что «все стихи однажды уже были», потому что «...каждое слово нами произносится в присутствии Александра Сергеевича и Бориса Леонидовича».

*Мундиры, ментики, нашивки, эполеты.
А век так короток – господь не приведи.
Мальчишки, умницы, российские поэты,
провидцы в двадцать и пророки к тридцати.*

*Мы все их старше год от года, час от часа,
живем, на том себя с неловкостью лова,
что нам те гении российского Парнаса
уже по возрасту годятся в сыновья.*

*Как первый гром над поредевшими лесами,
как элегическая майская гроза,
звенят над нашими с тобою голосами
почти мальчишеские эти голоса.*

*Ах, танец бальный, отголосок погребальный.
Посмертной маски полудетские черты.
Гусар, поручик, дерзкий юноша опальный,
с мятежным демоном сходившийся «на ты».*

*Каким же ветром обдиралась эта кожа,
какое пламя видел он, какую тьму,
чтоб, словно жизнь безмерно долгую итожа,
в конце сказать –
«и зло наскучило ему»!*

*Не долгожители, не баловни фортуны –
провидцы смолоду, пророки искони...
Мы все их старше, а они все так же юны,
и нету судей у нас выше, чем они.*

В сущности, он был очень одиноким человеком. Об этом прекрасно написал его ученик, поэт Михаил Поздняев: «...Это одиночество человека доброго и, значит, стыдливого, совестливого. Одиночество, не восполняемое ни любовью, ни дружеством, ни причастностью миру и веку». Он был совестливым человеком и при вручении ему Государственной премии за полгода до смерти произнес: «Все то, что связано с войной в Чечне, – мысль, что опять людей убивают как бы с моего молчаливого согласия. Эта мысль для меня воистину невыносима».

С годами он писал все лучше, все раскованней. В 1990-е годы он работал над новой книгой – «Книга Ирины», которая осталась незавершенной... Случилось так, что во время отдыха на прибалтийском курорте шестидесятирехлетний мэтр встретил девятнадцатилетнюю провинциальную студентку и влюбился. Эта любовь озарила последнее десятилетие жизни поэта.

*Зачем послал тебя Господь
И в качестве кого?
Ведь ты не кровь моя, не плоть
И, более того,
Ты даже не из этих лет –
Ты из другого дня.
Зачем послал тебя Господь
Испытывать меня.
И сделал так, что я и ты –
как выдох и как вдох –
Сошлись у края, у черты,
На стыке двух эпох,
На том незримом рубеже,
Как бы вневременном,
Когда ты здесь, а я уже
Во времени ином,
И сквозь завалы зим и лет,
Лежащих впереди,
Уже кричу тебе вослед –
Постой. Не уходи! –
Сквозь полусон и полубред –
Не уходи, постой! –
Еще вослед тебе кричу.*

Но ты меня не слышишь.

Вспоминая Юрия Левитанского, Ирина Машковская пишет: «Для меня определение любви – это вот такая нежность, от которой дышать нельзя. Когда уезжала из Дубулты, шел дождь, он был в синей куртке с капюшоном, скинул капюшон, а под ним этот седой ежик, и я его погладила по голове, и он заплакал. Это меня потрясло, потому что его это потрясло. Знаменитый человек, тысячи знакомств, и, несмотря на всю внешнюю плейбоистость... Такое чувство, как к ребенку. И до конца он вызывал во мне вот эту невозможную, шемящую нежность».

Необычайно гармонично и другое стихотворение Левитанского, в котором мы слышим позднего Тютчева, с которым у поэта было не только биографическое сходство:

*Я весть о себе не подам,
и ты мне навстречу не выйдешь.
Но дело идет к холодам,
и ты это скоро увидишь.*

*Былое забвенью предам,
как навших земле предавали.
Но дело идет к холодам,
и это поправишь едва ли.*

*Уйти к Патриаршим прудам,
по желтым аллеям шататься.
Но дело идет к холодам,
и с этим нельзя не считаться.*

*Я верю грядущим годам,
где все незнакомо и ново.
Но дело идет к холодам,
и нет варианта иного.*

*А впрочем, ты так молода,
что даже в пальтишке без меха
все эти мои холода
никак для тебя не помеха.*

*Ты так молода, молода,
а рядом такие соблазны,
что эти мои холода
нисколько тебе не опасны.*

*Простимся до Судного дня.
Все птицы мои улетели.
Но ты еще вспомнишь меня
однажды во время метели.*

*В морозной январской тиши,
припомнив ушедшие годы,
ты варежкой мне помаши
из вашей холодной погоды.*

Он умер 25 января 1996 года скоропостижно, от сердечного приступа, выступая на круглом столе московской интеллигенции, проходившем в мэрии. Он говорил о трагедии чеченской войны.

В тот день, когда прощались с Левитанским, умер Иосиф Бродский. В свое время именно он дал большую часть денег, чтобы оплатить операцию на сердце для Левитанского, которую ему сделали в Брюсселе. Операция продлила поэту пять лет жизни.

Шли годы, менялась жизнь, восстанавливались утраченные в разное время ценности и понятия, такие значимые для поэта и человека Юрия Левитанского. Он всегда считал бесконечно важным сохранить в людях совесть, честность, порядочность, искренность, доброту и человечность.

Вместо эпилога

*А что же будет дальше, что же дальше,
уже за той чертой, за тем порогом?
А дальше будет фабула иная
и новым завершится эпилогом.*

*И, не чураясь фабулы вчерашней,
пока другая наново творится,
неповторимость этого мгновенья
в каком-то новом лике отразится.*

*И станет совершенно очевидным,
пока торится новая дорога,
что в эпилоге были уже зерна
и нового начала и пролога.*

*И снова будет дождь бродить по саду,
и будет пахнуть сад светло и влажно.
А будет это с нами иль не с нами –
по существу, не так уж это важно.*

*И кто-то вскрикнет: – Нет, не уезжайте!
Я пропаду, пуцусь за Вами следом!.. –
А будет это с нами иль с другими –
в конечном счете, суть уже не в этом.*

*И кто-то от обиды задохнется,
и кто-то от восторга онемееет...
А будет это с нами или с кем-то –
в конце концов, значенья не имеет.*

Использованы источники:

Гомберг Л. Война и мир Юрия Левитанского. – М., 1997.

Гомберг Л. До свиданья, мои други... // Литературное обозрение. – 1996. – № 6. – С. 29 - 31.

Левитанский Ю. Монологи / Записал Леонид Гомберг // Литературное обозрение. – 1996. – № 6. – С. 3 - 13.

Поздняев М. Старый ребенок // Литературное обозрение. – 1996. – № 6. – С. 32 - 34.

Светов Ф. «Ты варежкой мне помаша из вашей холодной погоды» // Литературное обозрение. – 1996. – № 6. – С. 27-29.

МАРТ 2018

2 марта – 85 лет назад родился армянский писатель, критик и литературовед Левон Мкртычевич Мкртчян (2.03.1933, г. Ахалцихе, Грузия – 22.08.2001, г. Ереван, Армения). Окончил Ереванский государственный университет (1958), где работал до конца жизни. Секретарь правления Союза писателей Армении (1975 – 1979). Автор 35 книг прозы, мемуарных очерков, публицистики, литературоведческих статей. В 1968 году несколько дней провел в Ульяновске, где проходили Дни культуры Армении, выступал перед жителями города.

3 марта – 40-летний юбилей отмечает поэт Николай Михайлович Падеров (р. 3.03.1978, р.п. Кузовово Ульяновской обл.). Учился в местной школе №1, окончил Кузоватовский технологический техникум по специальности «бухгалтер-экономист». Первые стихи написал в 14-летнем возрасте, публиковался в местных газетах. Лауреат молодежного литературного конкурса «Первая роса» (2014, Ульяновск). Один из авторов антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2015). Живет в городе Сызрани Самарской области.

4 марта – 155 лет со дня рождения чувашского писателя Ивана Николаевича Юркина (4.03.1863, с. Бюрганы Буинского у. Симбирской губ., ныне Буинского р-на Татарстана – 11.09.1943, г. Ульяновск). Учился в Симбирской чувашской школе,

служил в Симбирском акцизном управлении и Симбирском статистическом управлении. Занимался этнографией, историей, фольклористикой. Член Симбирской ученой архивной комиссии (1897). Автор книг «Повести, стихи в прозе, очерки, воспоминания» (1986), «Повести» (2010) и др.

5 марта – 110 лет назад родился чувашский поэт и переводчик Василий Егорович Митта (5.03.1908, с. Большие Арабузи Буинского у. Симбирской губ., ныне с. Первомайское Батыревского р-на Чувашии – 10.06.1957, там же). Окончил Ульяновский педагогический техникум (1928), учился в Литературном институте им. А.М. Горького (1935 – 1937). Работал учителем чувашского языка, сотрудником Чувашского книжного издательства. Автор книг «Вдохновение» (1932), «Частушки» (1934), «От души» (1956), «Думы и мечты» (1959) и др.

Окончил Ульяновский педагогический техникум (1928), учился в Литературном институте им. А.М. Горького (1935 – 1937). Работал учителем чувашского языка, сотрудником Чувашского книжного издательства. Автор книг «Вдохновение» (1932), «Частушки» (1934), «От души» (1956), «Думы и мечты» (1959) и др.

5 марта – 70-летний юбилей отмечает журналист и литератор Ирек Завдатович Сайфиев (5.03.1948, с. Туйметкино Первомайского р-на ТАССР, ныне Черемшанского р-на РТ). С 1968 года – в Ульяновской области. Окончил Казанский государственный

университет (1970). Работал собкором «Ульяновской правды» и «Народной газеты». Член Союза журналистов России. Автор книг «Ступени роста» (1983) и «Закир Кадыри. Возвращение к истокам» (2013, в соавторстве с Р. Вильдановой). Лауреат литературной премии имени Г. Кандалыя.

8 марта – 90 лет назад родился писатель, сценарист и кинорежиссер Эфраим Севела, в советский период жизни – Ефим Евелевич Дабкин (8.03.1928, г. Бобруйск Белорусской ССР, ныне Могилевской обл. Республики Беларусь – 18.08.2010, г. Москва). В

войну бродяжничал, пел песни в воинских эшелонах. В 1943 году на станции Глотовка Ульяновской области был определен в воинскую часть сыном полка. В 1971 году выслан из СССР, жил в Израиле, в 1990-м вернулся в Россию. Автор многих романов, повестей, новелл, сценариев к фильмам.

13 марта – 105 лет со дня рождения поэта и драматурга Сергея Владимировича Михалкова (13.03.1913, г. Москва – 27.08.2009, там же). Автор многих стихов, басен, пьес. Председатель Союза писателей РСФСР (1970 – 1990). В мае 1950 года

приезжал в Ульяновск вместе с 5-летним сыном Никитой, был в Доме-музее В.И. Ленина, оставил автограф в книге отзывов и подарил свою книгу стихов «В музее В.И. Ленина»; выступил в здании Симбирской мужской гимназии. В 2013 году имя С. Михалкова присвоено библиотеке №27 г. Ульяновска.

15 марта – 150 лет назад родился писатель и литературовед Евгений Александрович Ляцкий (15.03.1868, г. Минск – 7.07.1942, г. Прага). Один из самых глубоких исследователей жизни и творчества И.А. Гончарова, знавший писателя лично. Автор книг «И.А. Гончаров. Критические

очерки» (1904), «Гончаров: Жизнь, личность, творчество» (1920), «Гончаров в кругосветном плавании» (1922), «Роман и жизнь: Развитие творческой личности И.А. Гончарова. Жизнь и быт. 1812 – 1857» (1925). В своих работах оставил яркие описания Симбирска и окрестностей.

15 марта – 135 лет со дня рождения поэта Ивана Павловича Умова (15.03.1883, сельцо Умовка Спасского у. Казанской губ., позже деревня Старомайского р-на Ульяновской обл., ныне не существует – 7.03.1961, г. Александрия, Египет). Окончил Симбирский кадетский корпус, Московский Лазаревский институт. С 1913 года – вице-консул России в городе Александрия. За рубежом издал три сборника стихов, в т.ч. «Незримый гость» (1949, США). В эмиграции его называли «александрийским Тютчевым», творчество высоко ценил И. Бунин.

С 1913 года – вице-консул России в городе Александрия. За рубежом издал три сборника стихов, в т.ч. «Незримый гость» (1949, США). В эмиграции его называли «александрийским Тютчевым», творчество высоко ценил И. Бунин.

16 марта – 215 лет назад родился поэт Николай Михайлович Языков (16.03.1803, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 7.01.1847, г. Москва). Окончил Дерптский университет (1829). В 1831 году вместе с П.В. Киреевским начал собирать материалы по русской народной поэзии. Первую книгу своих стихов издал в 1833 году. В течение пяти лет жил в имении Языково Симбирской губернии, куда в сентябре 1833-го дважды приезжал А.С. Пушкин. Автор книг «56 стихотворений Языкова» (1844), «Новые стихотворения» (1845).

Окончил Дерптский университет (1829). В 1831 году вместе с П.В. Киреевским начал собирать материалы по русской народной поэзии. Первую книгу своих стихов издал в 1833 году. В течение пяти лет жил в имении Языково Симбирской губернии, куда в сентябре 1833-го дважды приезжал А.С. Пушкин. Автор книг «56 стихотворений Языкова» (1844), «Новые стихотворения» (1845).

17 марта – 25 лет исполняется поэтессе Татьяне Витальевне Кудряковой, творческий псевдоним – Саша Ковальчик (р. 17.03.1993, г. Новоульяновск Ульяновской обл.). Окончила филфак Ульяновского государственного педагогического университета. Стихи начала писать с 9-летнего возраста. Публиковалась в литературных журналах «Бельские просторы» (Уфа), «Молодежная волна» и «Русское эхо» (Самара), «Симбирск», в коллективных сборниках. Лауреат областного молодежного литературного конкурса «Первая роса» (2014, Ульяновск).

Окончила филфак Ульяновского государственного педагогического университета. Стихи начала писать с 9-летнего возраста. Публиковалась в литературных журналах «Бельские просторы» (Уфа), «Молодежная волна» и «Русское эхо» (Самара), «Симбирск», в коллективных сборниках. Лауреат областного молодежного литературного конкурса «Первая роса» (2014, Ульяновск).

19 марта – 110 лет назад родился драматург и актер Исидор Владимирович Шток (19.03.1908, г. С.-Петербург – 18.09.1980, пос. Переделкино, Москва). Автор многих рассказов и пьес («Земля держит», «Божественная комедия», «Ноев ковчег» и др.). Член правления Союза писателей РСФСР (1965 – 1970). Был в Ульяновске 26-28 августа 1952 года, участвовал в работе 3-й областной конференции Ульяновского отделения Союза писателей СССР, руководил секцией драматургов, выступал на итоговом заседании конференции.

Член правления Союза писателей РСФСР (1965 – 1970). Был в Ульяновске 26-28 августа 1952 года, участвовал в работе 3-й областной конференции Ульяновского отделения Союза писателей СССР, руководил секцией драматургов, выступал на итоговом заседании конференции.

19 марта – 60-летний юбилей отмечает прозаик, поэт, литературовед и публицист Сергей Михайлович Казначеев (р. 19.03.1958, с. Ундоры Ульяновского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ундоровскую среднюю школу (1975), Литературный институт им. А.М. Горького (1983). Член Союза писателей России (1992). Автор книг «Незавершенные уроки» (1989), «Утопия» (1998), «Апология литературоцентризма» (2000), «Записки советского миллионера» (2002), «Современные русские поэты» (2012). Живет в г. Дзержинский Московской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1983). Член Союза писателей России (1992). Автор книг «Незавершенные уроки» (1989), «Утопия» (1998), «Апология литературоцентризма» (2000), «Записки советского миллионера» (2002), «Современные русские поэты» (2012). Живет в г. Дзержинский Московской области.

21 марта – 190 лет назад родился прозаик и мемуарист Корнилий Александрович Бороздин (21.03.1828, с. Нестягино Опочецкого у. Псковской губ. – 13.11.1896, г. Санкт-Петербург). Детство провел в родовом имении на Псковщине, в Архангельской и Симбирской губерниях, переезжая по месту службы отца. Служил чиновником особых поручений при губернаторе в Симбирске. Автор произведений «И.С. Аксаков в Ярославле» (1886), «Из моих воспоминаний» (1889), «Из рассказов старика-черкеса» (1892) и др.

Детство провел в родовом имении на Псковщине, в Архангельской и Симбирской губерниях, переезжая по месту службы отца. Служил чиновником особых поручений при губернаторе в Симбирске. Автор произведений «И.С. Аксаков в Ярославле» (1886), «Из моих воспоминаний» (1889), «Из рассказов старика-черкеса» (1892) и др.

22 марта – 90 лет со дня рождения военного историка и писателя Дмитрия Антоновича Волкогонова (22.03.1928, станица Мангут Кыринского р-на Читинского округа, ныне Забайкальского края – 6.12.1995, г. Москва). Генерал-полковник, автор более 30 книг, в т.ч. «Сталин» (1991), «Троцкий: Политический портрет» (1992) и «Ленин: Политический портрет» (1994). До 1988 года почти ежегодно приезжал в город Инзу Ульяновской области, где проживали родители его жены, не раз выступал перед общественностью города.

Генерал-полковник, автор более 30 книг, в т.ч. «Сталин» (1991), «Троцкий: Политический портрет» (1992) и «Ленин: Политический портрет» (1994). До 1988 года почти ежегодно приезжал в город Инзу Ульяновской области, где проживали родители его жены, не раз выступал перед общественностью города.

24 марта – 115 лет назад родился польский писатель и публицист Игорь Николаевич Неверли, настоящая фамилия – Абрамов (24.03.1903, хутор Зверинец в д. Беловеж, Царство Польское, Российская империя – 19.10.1987, г. Варшава). В 1918 – 1920 гг. жил с матерью в Симбирске, учился в школе №7, участник первой губернской комсомольской конференции (1919). В 1920 году уехал в Киев, затем в Варшаву. Автор повестей, романов, киносценариев. Симбирский период описал в романах «Под фригийской звездой» и «В минуты роковые».

В 1918 – 1920 гг. жил с матерью в Симбирске, учился в школе №7, участник первой губернской комсомольской конференции (1919). В 1920 году уехал в Киев, затем в Варшаву. Автор повестей, романов, киносценариев. Симбирский период описал в романах «Под фригийской звездой» и «В минуты роковые».

27 марта – 105 лет со дня рождения поэта, прозаика и журналиста Александра Яковлевича Яшина, настоящая фамилия – Попов (27.03.1913, д. Блудново, ныне Никольского р-на Вологодской обл. – 11.07.1968, г. Москва, похоронен в родной деревне). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1941), автор многих книг стихов и прозы. Член Союза писателей СССР (1934). В 1942 – 1943 гг. служил в штабе Волжской военной флотилии в Ульяновске, публиковался в газете «Пролетарский путь», выступал на местных митингах.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1941), автор многих книг стихов и прозы. Член Союза писателей СССР (1934). В 1942 – 1943 гг. служил в штабе Волжской военной флотилии в Ульяновске, публиковался в газете «Пролетарский путь», выступал на местных митингах.

28 марта – 150 лет назад родился писатель и драматург Максим Горький, настоящее имя – Алексей Максимович Пешков (28.03.1868, г. Нижний Новгород – 18.06.1936, усадьба Горки Московской обл.). Один из самых издаваемых в СССР писателей. В августе 1888 года посетил Симбирск, в 1890-м – толстовскую колонию в с. Архангельское (ныне Сурского р-на). В 1895, 1928, 1929, 1934 и 1935 годах проплывал мимо Симбирска (Ульяновска), путешествуя на пароходе по Волге. В Ульяновске есть улица и площадь Максима Горького.

Один из самых издаваемых в СССР писателей. В августе 1888 года посетил Симбирск, в 1890-м – толстовскую колонию в с. Архангельское (ныне Сурского р-на). В 1895, 1928, 1929, 1934 и 1935 годах проплывал мимо Симбирска (Ульяновска), путешествуя на пароходе по Волге. В Ульяновске есть улица и площадь Максима Горького.

30 марта – 175 лет со дня рождения писателя Константина Михайловича Станюковича (30.03.1843, г. Севастополь – 20.05.1903, г. Неаполь, Италия). Автор более сотни рассказов, очерков, повестей, романов, главным образом из жизни военно-морского флота.

Пребывание в нашем крае пока не установлено, но писатель среди прочих использовал псевдоним К. Симбирский. Родом из Симбирской губернии были и персонажи его произведений – Федос Чижик (рассказ «Нянька») и Николай Козельский (роман «Равнодушные»).

31 марта – 95 лет назад родился французский писатель и переводчик Александр Арнольдович Блок, творческий псевдоним – Жан Бло (р. 31.03.1923, г. Москва). Автор многих романов, исследований, эссе. Президент Французского и вице-президент Международного ПЕН-клуба.

Приезжал в Ульяновск в сентябре 2004 года в дни памяти И.А. Гончарова. Провел презентацию своей книги «Иван Гончаров, или Недостижимый реализм», посетил музей писателя, побывал в Винновской роще. Живет в Париже.

225 лет со дня рождения поэта Кирилла Ивановича Коренева (1793, г. Кострома – 1862, г. Санкт-Петербург). Титулярный советник, в 1819 году был переведен в Симбирск, где до 1828-го возглавлял палату гражданского суда, жил в Троицком переулке. С 1838 года продолжил службу в Петербурге. Стихи публиковал в журналах «Русская беседа» (1841), «Утренняя заря» (1842), «Отечественные записки» (1844), сборнике «Вчера и сегодня» (1845). Среди симбирян популярными были стихи «Воспоминание» и «Дума на Волге».

155 лет назад родился журналист и прозаик Василий Иванович Маненков, псевдоним – Старостин (1863, д. Устеренка Симбирского у. Симбирской губ., ныне село Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 5.08.1904, с. Чернышевка Тетюшского у. Казанской губ., ныне не существует). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1879), работал в губернии учителем. Жил в Симбирске, Самаре, Москве. Автор рассказов «Порченая» (1888), «На Волге» (1888), «Бабий угодник» (1888), «Деловые люди в провинции» (1889) и др.

*Рубрику ведет
Николай Марянин,
поэт и краевед*

Внимание! Конкурс!
Объявляется прием творческих работ для участия в Молодежном конкурсе

«ДРУЗЬЯ ПО ВДОХНОВЕНЬЮ»

Учреждаются 3 номинации (три призовых места в каждой):

- «Поэзия»
- «Письмо к А.С. Пушкину»
- «Стихотворение о А. Пластове»

От одного участника принимается согласно номинациям:

- «Поэзия» – не более трех стихотворений;
- «Письмо Пушкину» – одно произведение не более 3 страниц;
- «Стихотворение о А. Пластове» – одно стихотворение.

Материалы (анкету, творческую заявку, стихи, эссе) с пометкой «на конкурс» направляйте по электронной почте на адрес: karsun2004@yandex.ru

Работы принимаются с 5 марта по 4 мая 2018 г.

Итоги конкурса будут оглашены 3 июня 2018 г. на 50-м Всероссийском Пушкинском празднике в селе Языково (Ульяновская область, Карсунский район). Подробнее с Положением о конкурсе можно ознакомиться на сайте газеты «Карсунский вестник».

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ МАРТА

Николай ПАДЕРОВ (р. 1978)

СИНДРОМ ВЕСНЫ

Люди тают, как мартовский снег –
вот вчера кто-то быстро растаял.
То ли в жертву пришедшей весне,
то ли это случайность простая...

Так и я, день за днем проводя,
жду своей предначертанной даты,
с каждой каплей весенней дождя
исчезая тихонько куда-то...

* * *

Размывчато-блекло,
размашисто-бегло.
Из холода – в пекло...
Торжественно-гордо,
Уверенно-твердо.
Из рифмы – в аккорды.
Заслуженно-честно,
сконфуженно-лестно,
из нолика – в крестик...
Нечаянно-метко,
обыденно-редко.
Из комнаты – в клетку...
Заброшенно-пусто,
отчаянно-грустно.
Из разума – в чувство...

ИЗУРОДОВАННОЕ

Выломали руки разумению,
вывихнули ноги состраданию.
Вскрыли вены долгому терпению,
вырезали сердце расставанию...

Выколдовали глазу простому счастью,
вырвали язык у откровенья.
Голени проббили и запястья
распнутому бытом вдохновенью...

Николай ЯЗЫКОВ (1803 – 1847)

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

ЭЛЕГИЯ

И тесно и душно мне в области гор –
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах;
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор;
Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыты – туда и сюда,
По краю небес чтоб тянулась гряда

Лесистых пригорков, синясь далеко,
Далеко; там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые: словно заставят
Они мне желанный на родину путь!

ГЕНИЙ

Когда, гремя и пламеня,
Пророк на небо улетал –
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И бога слышала она!
Так гений радостно трепещет,
Свое величье познает,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полет;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила –
Дела избранника небес!

Василий МИГГА (1908 – 1957)

ДРУГУ

Ключевой я сегодня напился воды
Под развесистым дубом в лесу.
Я по лугу прошел, оставляя следы,
Ледяную стряхая росу.

Молодая ли кровь заиграла во мне?!
Ветер душу ль встревожил мою?
Я – потомок булгара – стою в вышине,
На обрыве высокою стою.

Было время...
Но нынче не стоит о нем, –
Думы рвутся, как птицы, в полет!
И гляжу я в просторный голубой окоем
На течение свободных вод.

И сегодня я счастлив, пожалуй, вдвойне,
Волга-мать донесла ко мне весть,
Что мой друг, что мой брат
Возвратился ко мне, –
И невольно рождается песнь!

И колотится сердце в веселой груди!
Ну, так что ж ты, скорей приходи!
Было радости много у нас позади,
Еще больше ее впереди!

Слышишь, муза!
Мы в новый пускаемся путь,
Чтоб загадки постичь бытия!
Друг мой, брат мой,
Ты яркою молнией будь!
Буду гривую молнии я!

*Перевел с чувашского
Геннадий Фролов.*

Сергей МИХАЛКОВ (1913 – 2009)

СТУЖА

Январь врывается в поезда,
Дверные коченели скобы.
Высокой полночи звезда
Сквозь тучи падала в сугробы.
И ветер, в ельниках гудя,
Сводил над городами тучи
И, чердаками проходя,
Сушил ряды простынь трескучих.
Он птицам скашивал полет,
Подолгу бился под мостами
И уходил.
Был темный лед
До блеска выметен местами.
И только по утрам густым
Ложился снег, устав кружиться.
Мороз. И вертикальный дым
Стоит над крышами столицы.
И день идет со всех сторон,
И от заставы до заставы
Просвечивают солнцем травы
Морозом схваченных окон.

ЛИСТ БУМАГИ

Простой бумаги свежий лист!
Ты бел как мел. Не смят и чист.
Твоей поверхности пока
Ничья не тронула рука.

Чем станешь ты? Когда, какой
Исписан будешь ты рукой?
Кому и что ты принесешь:
Любовь? Разлуку? Правду? Ложь?

Прощеньем ляжешь ты на стол?
Иль обратишься в протокол?
Или сомнет тебя поэт,
Бесплодно встретивший рассвет?

Нет, ждет тебя удел иной!
Однажды карандаш цветной
Пройдетя по всему листу,
Его заполнив пустоту.

И синим будет небосвод,
И красным будет пароход,
И черным будет в небе дым,
И солнце будет золотым!

Иван УМОВ (1883 – 1961)

НЕИЗМЕННЫЙ СОН

Все тот же сон – далекая Россия!
К тебе одной летит моя мечта,
Влечет твоя родная красота,
Зовут поля, твои леса глухие,

И серых дней напевы дождевые,
И вечеров осенних долгота,
Унылых роц багрец и пестрота –
И зимние сугробы снеговые!

Я вновь живу среди отроческих грез,
Вновь чувствую, что мир земной не тесен...
Далекий звук знакомых с детства песен

Дарует мне поток ненужных слез.
В чужой среде, где сердце холодеет,
Оно в любви к Отчизне молодеет.

* * *

О, если б знали вы, как больно сердце бьется
Под шум дождей ночных, под шепот вечных дум,
Что мать – твой лучший друг –
на зов не отзовется,
Что сердцем ты – старик, не нужен и угрюм!

О, если б знали вы, что русский на чужбине
Не понят, одиноко, всегда живет в мечтах
О липах и дубах, о выюге на равнине,
О белых лебедях на заливных лугах!

* * *

Пустой, лицемерный и лживый,
Зачем привлекает нас мир,
Где души не страстны, не живы,
Где пленников горестен клир.

Где только порою, как эхо
Безгрешных и вольных миров,
Звон чистого детского смеха
Разглядит морщины рабов.

С улыбками радуйтесь, дети,
Надежда неведомых лет!
В нас – тайны грядущих столетий,
В нас – предков обманутых свет.

Саша КОВАЛЬЧИК (р. 1993)

* * *

Над блюдцем золотым луны,
Над темной скатертью небесной
Крошила звезды хлебом пресным
Слепая ночь со старины.

Наутро солнце, осмелев,
Врывалось в сонную обитель.
Ночь уходила, мой спаситель,
И жаром распаяло гнев.

И вновь кровилось там, внутри,
Я зверем по углам металась
И растерзала б вашу жалость,
Коль кто-то б выкрикнул: «Смотри!»

Но каждый был из ваших слез,
И пуще только бесновалась.
Но ночь на землю возвращалась
И превращала дом мой в склеп.

И засыпали гнев и боль,
А ночь покой их сторожила.
Скажи, доколе в моих жилах
Бороться будут кровь и соль?

* * *

В шесть двадцать, казалось,
по улице Ленина
Согбенны затем фонари,
Что солнце крадет у них свет
преждевременно,
Лишь дело коснется зари.

И долго бродя
по заброшенным улочкам,
Браня этот мир почем зря,
Дожевывать буду
вчерашнюю булочку
Под глазом косым фонаря.

Александр ЯШИН (1913 – 1968)

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Желто-зеленые редкие травы –
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чебра и молочая.
А у подножья – балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья – дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичьи гнезда.
В тихом теченье летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Все в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили, –
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Брата родного немцы убили.

* * *

Пожелай – и останусь навеки
Чабаном на твоём берегу,
Полюблю эти шумные реки,
Эти синие горы в снегу.

Согласись – и в лесные просторы,
В глухариные дебри умчу.
Где-нибудь на Двине, на Печоре
Сам избу для тебя сколочу.

Раем будет мне ельник дремучий...
Хочешь, место сама выбирай.
Но решишь, не молчи, не мучай,
Хоть чего-нибудь пожелай.

Максим ГОРЬКИЙ (1868 – 1936)

НЕ БРАНИТЕ ВЫ МУЗУ МОЮ...

Не браните вы музу мою,
Я другой и не знал, и не знаю,
Не минувшему песнь я слагаю,
А грядущему гимны пою.

В незатейливой песне моей
Я пою о стремлении к свету,
Отнеситесь по-дружески к ней
И ко мне, самоучке-поэту.

Пусть порой моя песнь прозвучит
Тихой грустью, тоскою глубокой;
Может быть, вашу душу смягчит
Стон и ропот души одинокой.

Не встречайте же музу мою
Невнимательно и безучастно;
В этой жизни, больной и несчастной,
Я грядущему гимны пою.

СТИХИ ЛИЗЫ

из пьесы «Дети Солнца»

Орел поднимается в небо,
Сверкая могучим крылом...
И мне бы хотелось, и мне бы
Туда, в небеса, за орлом!

Хочу! Но бесплодны усилия!
Я – дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачили в грязи и пыли...

Люблю ваши дерзкие споры
И яркие ваши мечты,
Но – знаю я темные норы,
Живут в них слепые кроты;

Красивые мысли им чужды,
И солнцу душа их не рада,
Гнетут их тяжелые нужды,
Любви и вниманья им надо!

Они между мною и вами
Стоят молчаливой стеною...
Скажите – какими словами
Могу я увлечь их за мною?

Константин СТАНЮКОВИЧ (1843 – 1903)

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ

отрывок

День-деньской бедняк шатался,
Отставной солдат,
Подаянием питался,
Жизни был не рад...
«Что не сходишь ты в столицу, –
Каждый говорил, –
Поместили бы в больницу,
Ты бы не ходил!»

«Эх! Недолго же придется
Мне на свете жить,
Скоро место мне найдется:
Кончу я ходить!
Стар! А хочется подраться,
Штык уж мне не брат!..»
И пойдет опять шататься
Отставной солдат!

* * *

Ты, бывало, гордилась красою
И всегда так была весела,
А теперь!.. Расскажи, что с тобою,
Что хорошего в жизни нашла?
Не мечтая о жизни тщеславной,
Ты, как лилия, дома цвела,
Так зачем же продажей бесславной
Ты себя старику отдала?
И с тех пор ты скучна и уныла,
Уж не можешь ты радостей знать,
И печаль твой румянец сокрыла,
Ты должна все страдать и страдать.
Жизнь пустая тебе надоела,
Ты любовью хотела бы жить...
Как сперва ты любить не умела,
Так теперь ты не в силах любить...

Кирилл КОРЕНЕВ (1793 – 1862)

ВОСПОМИНАНИЕ

Я не забыл тебя, далекий,
Но сердцу близкий городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок;
Твои пастушеские нравы,
Стада баранов и коров,
Весной чрез лужи переправы,
Зимой – бугры твоих снегов;
Главу блестящую собора,
Уютных домиков ряды,
А там, по склону косогора,
Твои фруктовые сады;
Твой тарангас шестиаршинный,
Костюм мордвы, чуваш, татар,
И чисто русский быт старинный
Твоих приветливых бояр.
Жилец роскошной днесь столицы,
Где воду невскую лишь пью –
Забуду ль я твоей водицы,
Хлеб-соль радушную твою.

ДУМА НА ВОЛГЕ

Что ты стонешь, Волга-матушка?
Что ты хмуришься, родимая?
Потемнела вся – как ноченька!
Лишь валы ныряют белые...
Ты – как броня вороненая
С посеребренной насечкою;
Словно думушка свинцовая
На челе у добра молодца!

Нет, не так ты, Волга-матушка,
Бушевала в это времечко –
Когда я с душою-девицей
По тебе плыл в легкой лодочке!
Ты тиха была, сподручлива –
Чуть рябели струйки мелкие;
Ты светла была, как зеркало
В терему у красной девицы.
Все в него гляделось радостно:
И небесный свод лазуревый
С золотой лампадой Божией,
И берега твои красивые –
С слободами и деревнями,
Городами, пригородками,
И с лесами со дремучими,
И с зеленой частой рощицей!
Что ж ты ныне так насупилась?
Что так ропщут волны ярые?
Аль тебе – как добру молодцу,
Стало жаль девицы красная?
Что она на легкой лодочке
Не проедет, не прокатится?
Что лицо ее румяное
Не посмотрится в струи твои?
Что рукою белоснежную
Не черпнет воды студеная?
Что любимой своей песенкой
Не откликнется в горах твоих?..

Аль ты вспомнила, разгульная,
Стары годы – время прежнее?
Как бывало – ты всем страшная
Бушевала вместе с песнями
Удалых отважных молодцев
Вольной шайки Стеньки Разина?
Как жемчужной билась пеною
О бока судов разбойничьих?
Как топила ты в седых волнах,
Непокорных Атаману их?
Как кропила часто брызгами
Ты лицо и грудь высокую
У души, у красной девицы –
Атамановой любовницы?
Али жаль тебе, широкая,
Своего русла старинного?
Что тебя местами, реченька,
Занесло песками, мелями?..
Что среди тебя возвысились
Острова – кусты ракиотовы?

Много золота и серебра,
Дорогой парчи и бархата;
Много жемчуга окатного,
Самоцветных, светлых каменьев,
Схоронила ты на дне своем!
Ты, река моя родимая!
Много, много слез горючих
Растопилося в волнах твоих!
Много песен, вздохов жалобных,
Раздалось в твоих ущелиях!

*Подборку составил
Н. Марьянин*